

Дмитрий Колодан

Пангея²

Книга вторая
ПОДЗЕМЕЛЬЯ КАРЛИКОВ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Колодан, Д.

К61 Пангея 2. Книга вторая: Подземелья карликов / Дмитрий Колодан — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. — 256 с.

Приключения в каменном веке продолжают! Белку, девочку из племени кайя, и ее спутника, странника Вима, похищают подземные карлики. И быть бы им обедом кошмарному чудовищу, но их спасает таинственный прозрачный человек. Взамен же он просит об одной маленькой услуге — помочь ему вернуться домой.

Головокружительные приключения под землей и в Эдемском саду, древние тайны, загадки и невероятные монстры — все это ждет Белку на долгом пути в поисках своего племени и имени. Но прежде всего девочка должна понять: кто же она такая и как ей научиться летать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

ISBN 978-5-904454-48-7

© Рыков К., 2011
© Колодан Д., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

ГЛАВА 1

СНЕГ И ШЕСТЕРЕНКИ

Ничто не предвещало бури.

Стояла ясная погода; на бледно-голубом небе — ни облачка. Снег весело сверкал в лучах северного солнца. На станции «Пангея-14» был обычный рабочий день. Без эксцессов. Эксперименты шли своим ходом, Хель же оставалось наблюдать за работой тщательно отлаженного механизма. Как начальник станции, она любила и ценила подобные дни, когда могла позволить себе хотя бы несколько часов отдыха. Слишком редко они случались, особенно в последнее время.

Но к вечеру ветер усилился. Первым перемену погоды почувствовал старый мамонт. Огромный зверь, весь день понуро стоявший в своем загоне, громко загудел, задрав хобот, а затем словно взбесился и, мотая головой, бросился на ограду. Опоры выдержали только чудом, и гигант запутался в колючей проволоке. Так и остался стоять, не смея пошевелиться и воя дурным голосом. Кровь из расцарапанной шкуры капала на снег.

Вторя мамонту, забеспокоились и остальные звери: ревели медведи, громко кашляла саблезубая кошка. Испуганные овцебыки метались по загону, с грохотом опрокидывая кормушки. Крики животных заглушил пронзительный вой охранной сирены. Мгновение — и станция закипела, как муравейник, в который ткнули палкой. По дорожкам между загонов и барачных бараков забегала охрана. Сверху люди походили на насекомых; маленькие черные точки хаотически метались по территории базы.

Хель стояла перед высоким окном башни и хмуро глядела на эту суету. Ситуация не требовала ее вмешательства, но служила хорошим напоминанием о том, что случается, если позволить себе немного расслабиться. Любая система несет в себе зерна собственного разрушения. И рано или поздно они дают всходы. Крошечная песчинка способна сломать самые точные часы.

К тому моменту, как обслуживающий персонал успокоил животных, стало окончательно ясно: надвигается буран. Над горизонтом появилась лиловая полоска — бледная и едва различимая, но с каждой минутой она становилась темнее и больше. Никто и опомниться не успел, как по небу, клубясь и разрастаясь, покатались тугие валы. Повалил колючий снег. Ветер закружил снежные хлопья в бесчисленных смерчах. А затем буря обрушилась на станцию с такой яростью, словно хотела стереть ее с лица земли.

За годы, которые Хель провела на «Пангее-14», она так и не смогла привыкнуть к силе и мощи здешних буранов. Всякий раз они начинались внезапно, а продолжаться могли и по несколько дней. Жизнь на станции замирала; только сумасшедший мог рискнуть в такую погоду выйти из укрытия. Оставалось только смотреть на безумство стихии.

Однако Хель любила снежные бури. Когда-то давно она прочла, что человек может бесконечно долго смотреть на огонь и на текущую воду. Но лично ее ни огонь, ни вода не вдохновляли. А вот на метели, вьюги и бури Хель и впрямь могла смотреть *бесконечно долго*. Безумный вой ветра, снежные вихри и смерчи странным образом резонировали с ее чувствами. Всякий раз сердце сжималось, а дыхание становилось прерывистым и частым. Хель не знала, почему так происходит, знала лишь то, что любит холод.

Буран неистовствовал, бросая снежные хлопья в высокое панорамное окно. Звук такой, словно кто-то скребся в стекло крошечными острыми коготками. Но разглядеть что-то сквозь круговерть снега и ледяного крошева было невозможно. Луч прожектора на смотровой вышке ползал мутным пятном,

выхватывая из темноты огромные вытянутые лица, перекошенные пасти, распахнутые в немом крике, и пустые черные глазницы. Будто внутри бури скрывались огромные чудища, рожденные из снега и ветра. Снежные духи — ничто не устоит перед их яростью... Игра света и воображения, конечно. Хель не верила в призраков. Но если бы они существовали на самом деле, Хель бы многое отдала за возможность присоединиться к их танцам в сердце ледяной бури. Она прижалась щекой к замерзшему стеклу.

Снег, лед, пронизывающий холод, от которого кровь стынет в жилах, — есть ли в мире что-нибудь прекраснее? Впрочем, настоящего холода Хель никогда не чувствовала. Там, где другие люди дрожали, кутаясь в меха, она вполне довольствовалась легкой одеждой. Хель погладила большим пальцем металлическую фигурку Моржа. Артефакт скользнул в ладонь, будто отвечая на ласку.

Мысли прервал пронзительный писк. Хель повернулась — передатчик на столе мигал красной лампочкой. Чекая шаг, начальник станции вернулась на рабочее место. Но, к ее огорчению, это оказался внутренний вызов. Щелкнув кнопкой приема, Хель прижала к уху бакелитовый наушник, морщась от раздражающих хрипов динамика и сухого статического треска.

— Слушаю.

— Госпожа начальник станц... — Голос пропал за помехами. — ...сбои связи. Пока не уляжется буря, мы не можем продолжать поиски...

Хель постучала пальцем по краю стола.

— Время последнего пеленга?

— Три дня назад, — голос прозвучал нервно. — Но...

— Тогда продолжайте работу, — сказала Хель. — Меня интересует результат, а не ваши оправдания.

— Но...

Хель отключила передатчик, прежде чем связист успел сказать что-либо еще. Устало откинулась в кресле, глядя на беснующуюся за окном бурю.

Три дня... Слишком долго, чтобы списывать на обычные перебои со связью. Хотя Хель и отдала приказ продолжать пеленг, она уже знала — результата это не принесет. Что-то случилось. Одна из шестеренок отлаженного механизма дала сбой. Вот она — песчинка в часах. Хель пока ее не видела, но точно знала — она есть. И если ее не удалить, весь механизм может развалиться на части.

Чуть помедлив, Хель нажала на кнопку на столе. Не прошло и пары секунд, как дверь кабинета распахнулась и на пороге появился охранник. Высокий парень, с красными от румянца щеками. В его взгляде странным образом смешались восхищение и страх.

— Госпожа начальник станции?

— Вызовите ко мне доктора Рашера, — сказала Хель. — Немедленно.

— Есть! — щелкнул каблуками охранник.

Доктор появился спустя пять минут. Громко протопал по коридору и ввалился в кабинет, забыв постучаться. Запоздало сообразил о своей оплошности и замер, не понимая, что делать дальше — выйти и войти по всем правилам или же остаться в кабинете. Хель выпрямилась в кресле. Рашер застыл, будто взгляд начальника станции пригвоздил его к месту. Или, того хуже, превратил в ледяную статую.

Правой рукой доктор держался за бок, видно, пробежка по лестницам и коридорам стоила ему заметных усилий. Его вызвали прямо из лаборатории, и он не успел привести себя в порядок — стоял перед Хель растрепанный, с всклокоченными волосами, в заляпанном кровью клеенчатом переднике. Виновато улыбнувшись, Рашер пригладил волосы.

— Прошу... прощения, — тяжело дыша, сказал он. — Мне сообщили... меня вызвали...

— Добрый вечер, Зигмунд. Сожалею, что пришлось оторвать вас от работы.

Рашер переступил с ноги на ногу. Хель смотрела не моргая; доктор чувствовал ее взгляд — словно ледяные иглы вонзились в кожу. По спине пробежали склизкие мурашки.

— Э... — Доктор замялся. — Что-то случилось?

— Возможно, — протянула Хель. Она открыла ящик стола и вытащила тонкую папку: один из отчетов о ходе эксперимента. — Уже три дня нет связи с перевалочной базой.

— Нет связи? — переспросил Рашер. — Опять помехи? Но приборы не фиксировали значимых возмущений...

— Я знаю, — губы начальника станции раздраженно дернулись. — С эфиром все в порядке — мы принимаем сообщения Центральной Базы. Но пропал сигнал от образца девяносто семь. Полагаю, вы имплантировали ему передатчик?

Хель открыла папку и бегло просмотрела несколько страниц. Рашер судорожно сглотнул. Разумеется, это он имплантировал передатчик нефелиму, и Хель прекрасно об этом осведомлена. Ей не нужно читать отчет — на станции не было других специалистов, способных провести подобную операцию.

— Пропал сигнал? — хрипло проговорил доктор.

Начальник станции кивнула, уставившись на отпечатанный на машинке текст. Рашер же смотрел на ее руку: длинные пальцы выстукивали по столешнице замысловатый ритм. Доктор узнал скрывавшуюся за ним мелодию — Вагнер, «Полет валькирий». Хель подняла голову, взглянув прямо в глаза доктора. Череп на прозрачной половине ее лица скалился в злобной ухмылке.

— Вам известна причина, по которой подобное могло случиться?

— Я...

— Большие провалы начинались с маленького шага, Зигмунд. Дьявол в деталях. Вы проверили батареи?

— Передатчику батареи не требуются, — поспешил сказать доктор. — Он работает от естественного тепла организма. И отключается только в двух случаях. Во-первых, если его удалить из тела. Но маячок был имплантирован под черепную коробку. Не думаю, что наш красавец способен сделать себе трепанацию...

Рашер коротко хохотнул, надеясь немного разрядить обстановку. А то ему уже мерещились искры, вспыхивающие в воздухе. Но под взглядом Хель заискивающая улыбка мигом скисла.

— А вторая причина?

— Если организм перестал вырабатывать тепло. — Доктор прикусил язык. Говорить о тепле в присутствии начальника станции ему показалось глупым. Слишком хорошо он помнил ледяную статую, в которую Хель превратила одного из своих нефелимов.

— То есть если он мертв, — сказала Хель.

— Э... Да.

Хель повернулась к окну. Доктор проследил за ее взглядом. Ему померещилось, что в стекло таращится чудовищный великан с пустыми глазами размером с тарелку. Лицо, слепленное из снежных хлопьев, перекосило, пасть широко распахнута... Рашер замотал головой, прогоняя наваждение.

— Помнится, вы говорили, что хотели принять участие в экспедиции по сбору материала. Вырваться из ледяной дыры хотя бы на несколько дней — так, кажется?

Доктор дернулся и повернулся к начальнику станции. Ей он ничего подобного не говорил. Но не стоит забывать, что на станции у Хель уши везде и всюду. Любое, даже случайно оброненное слово незамедлительно становится ей известно.

— Я? — Он поправил ворот рубашки, ставший нестерпимо тесным. — Да... Понимаете, мне, конечно, здесь нравится, и я доволен работой. И я бесконечно ценю то, что вы для меня сделали, но...

— Но вы чувствуете себя пленником, — закончила Хель. — Так и есть. Вы слишком ценный сотрудник, чтобы рисковать вашей жизнью.

Доктор промолчал, не зная, как относиться к словам начальника станции. Похвала это или же, наоборот, угроза? По бесстрастному голосу Хель не поймешь.

Температура в кабинете не превышала десяти градусов. Рашер не представлял, как Хель может работать в таких условиях. Но сейчас, несмотря на холод, его бросило в жар. Доктор чувствовал, как по шее поползла крупная капля пота.

— Однако на этот раз ваше желание исполнится, — сказала Хель. — Мне придется покинуть станцию, а вы составите мне

компанию. Боюсь, мне потребуется ваша помощь. Так что займитесь подготовкой экспедиции.

— Разве нам нужен новый материал? — растерялся Рашер. — Сейчас на станции...

Начальник станции покачала головой.

— У нас проблемы не с новым материалом. Скорее наоборот.

— Образец девяносто семь! — догадался Рашер.

Хель кивнула.

— В том числе. Хотя я подозреваю, это только вершина айсберга.

Доктор замялся.

— У девяносто седьмого были самые стабильные показатели за последние шесть лет, — сказал он, теребя пуговицу мундира. — Ваша идея использовать в эксперименте детенышей ди-карей — гениальна. Не понимаю только, зачем вы его забрали? Я еще не закончил исследования...

— Именно потому, что у него самые стабильные показатели. Требовались полевые испытания, а на станции подобное невозможно.

Доктор кивнул. Ну конечно, полевые испытания... Почему же тогда других нефелимов никогда не вывозили для «полевых испытаний»? Рашер не мог избавиться от ощущения, что Хель чего-то недоговаривает. Но он промолчал. В некоторых вопросах стоит держать язык за зубами. Особенно на станции «Пангея-14».

Здесь доктор чувствовал себя маленькой деталью, шестеренкой внутри огромных часов. А способна ли шестеренка разглядеть весь механизм? Или может лишь стоять на своем месте и крутиться в ту сторону, в которую ее толкают? Хорошо крутиться, пока часовщику не пришлось в голову заменить ее другой деталью. Не думать и не задавать лишних вопросов... Вот только Рашеру совсем не нравилось быть игрушкой в чужих руках.

— Интересно, — сказал доктор, — как долго будет продолжаться буря?

— Не важно. Мы вылетаем с утра.

— Но... — Доктор покосился в сторону окна. — А если буран не уляжется? Это слишком опасно.

— Я знаю, — кивнула Хель. — Но я выбираю меньшее зло.

Рашер вздрогнул. Меньшее зло? Что она имеет в виду? Доктор вспомнил, как Хель в одиночку вошла в загон к взбесившемуся нефелиму. Испытывала ли она тогда страх? Доктор поежился. Разумеется, не испытывала: страх — слишком сильное чувство, чтобы Хель могла себе его позволить. Слишком человеческое.

Но сейчас Рашер готов был поклясться, что начальник станции чего-то боится. Конечно, Хель умело скрывала свои чувства. Бесстрастное лицо больше походило на маску. Но в то же время что-то заставило доктора насторожиться. Быть может, едва заметная тревога, промелькнувшая в голосе, или же нездоровый блеск глаз... Рашеру стало не по себе.

Начальник станции встала с кресла и медленным шагом подошла к окну. «Снежные великаны» испуганно отпрянули. Но это была не более чем игра воображения, света и тени. Хель провела пальцем по стеклу, глядя на то, как луч прожектора пробивается сквозь снежные вихри. Мутное пятно желтого света дрожало, расплываясь по краям радужными кругами.

— Подготовьте два вертолета, — не поворачиваясь, сказала она. — Нам потребуется охрана — шести человек будет достаточно. Еще нам понадобится лебедка. Продукты и топливо есть на перевалочной базе, однако позаботьтесь, чтобы и у нас был запас на случай, если что-то пойдет не по плану.

— Э... Да, конечно. — Рашер рассеянно кивнул. — А что-то может пойти не по плану?

Хель повернулась.

— Кто знает, Зигмунд. Но, боюсь, вероятность слишком высока.

Рашеру показалось, что в кабинете вдруг стало нестерпимо холодно. словно толстое оконное стекло исчезло и снежная буря ворвалась внутрь, закружив его в ледяном смерче.

ГЛАВА 2

В ТЕМНОТЕ

Если бы кто сказал Виму, что так бывает на самом деле, он бы не поверил. «Светящиеся красные глаза» — дурная метафора и только. Но глаза в темноте шахты и в самом деле светились, точно остывающие угли, тусклым, багряно-красным светом.

Существа из шахты медлили. Остановились на самой границе света и тени, словно не могли решиться переступить невидимую черту. С каждым мгновением их становилось больше. Сперва Вим увидел лишь три пары глаз, но не успел он опомниться, как их стало больше десятка. И похоже, это не предел. Топот множества ног, многократно усиленный эхом, звучал как рев прибоя. Сквозь него пробивались и другие звуки — взвизгивания, хрипы и торопливое бессвязное бормотание.

Вим отступил на полшага, всматриваясь в мельтешащие тени. Разглядеть, что это за существа, было сложно. Невысокие — едва ли выше пятилетнего ребенка, со странными пропорциями — не звериными, но и не человеческими. Из темноты показалась тонкая рука с узловатыми когтистыми пальцами.

Бандерлоги!

Вим тихо выругался. Противные карлики-людоеды из ущелья на реке! Меньше всего Вим ожидал, что придется снова с ними встретиться. Хотя чему удивляться? Ущелье не так далеко, а ходов, подземных туннелей и пещер здесь больше, чем дырок в швейцарском сыре. Не скалы, а настоящее решето.

Карлики копошились, но нападать не спешили, словно ждали какого-то сигнала. Один из бандерлогов вдруг прыгнул вперед,

или же его вытолкнули из толпы. Существо остановилось, раскачиваясь на кривых тонких ножках, и вытаращилось на Вима огромными глазами. Это продолжалось несколько долгих секунд, а затем бандерлог пронзительно завизжал и бросился обратно к сородичам. Остальные карлики заверещали. Их голоса походили на стрекот цикад, звучащий на особо противных для человеческого уха частотах. Вим вслушался, но, несмотря на познания в «вавилонской глоссолалии», не смог разобрать ни одного слова. Мозг отказывался воспринимать эти звуки как речь, как не воспринимал крики зверей или птиц.

Вим сжал в кулаке губную гармонику. Конечно, оружием ее не назовешь. В такие моменты он жалел, что не научился играть на гитаре или на худой конец на саксофоне. Саксофоном можно размахнуться, а на что годится гармошка? Так, плохой кастет.

Вим покосился на Белку. Девочка растерянно моргала, еще не понимая, что происходит. Но пальцы уже сомкнулись на рукояти ножа. Белка всмотрелась в темноту шахты, и ее глаза стали огромными, как плошки. Девочка дернулась, длинные косички хлестнули по щекам.

— Красные люди!

— Они самые...

Вим взглянул на медведя. Но Вурл спал, несмотря на крики и визги, доносящиеся из шахты. Сейчас его и пушками не разбудишь. Проклятье... Вот уж чья помощь совсем бы не помешала.

— Уходи немедленно, — прошептал Вим. — Я задержу их... Несколько секунд у тебя есть. Беги же!

Противная девчонка не двинулась с места. Она подняла нож, держа оружие на уровне груди. На щербатом лезвии из черного камня сверкнул солнечный блик.

— Я сказал...

— Никуда я не уйду! — огрызнулась Белка.

Голос был испуганным, но в нем прозвучали настолько жесткие нотки, что Вим сразу понял — спорить бессмысленно.

Вим заскрипел зубами. Упрямая дура! Она не понимает, что против такой толпы у них нет шансов? Вопрос о том, смогут ли

они отбиться, не стоит. Неясно, как долго они продержатся, прежде чем их разорвут на части. Если его расчеты верны, самое большее — секунд пятнадцать.

Понимает, конечно... Белка чуть присела, словно изготавливаясь к прыжку. Худые плечи дрожали, хотя и не поймешь — от страха или от нервного возбуждения перед схваткой. Сейчас Белка совсем не походила на ту девчонку, которую Вим встретил на берегу реки. Лицо еще детское, но в уголках рта появилась незнакомая жесткая складка, из-за которой усмешка казалась острой, как лезвие ножа.

Вим повернулся к бандерлогам. Сейчас он не мог сказать, сколько тварей собралось в шахте. Казалось — не меньше сотни. От блеска красных глаз рябило в глазах. Ну и чего же они ждут?

И, видимо, прочитав его мысли, карлики с криками бросились навстречу.

Живая волна ударила с такой силой, что Вим едва удержался на ногах. Он пошатнулся, размахивая руками, одновременно пытаясь наносить удары. Не важно, куда бить: вокруг бурлила визжащая, воющая живая масса. Куда ни ткни — кулак найдет цель. Но толку никакого. Вим не мог размахнуться, и удары получались слабыми и вскользь. Карлики их даже не замечали.

Вим словно угодил в центр живого смерча. Перед глазами замелькали перекошенные морды, вытаращенные глаза, оскаленные пасти. Удары, пинки и толчки сыпались градом.

Одно из существ вцепилось в предплечье сильными пальцами. Повисло и попыталось ударить его ногами в грудь. Вим замотал рукой, пытаясь сбросить мерзкую тварь. Но карлик цеплялся как жертва кораблекрушения за обломок мачты — умрет, а не отпустит. Острые когти разодрали рукав и впились в кожу, оставляя глубокие царапины.

Бандерлог верещал так, что заложило уши. Дыхание перехватило от запаха сырой шерсти, гнилого мяса и плесени. Извернувшись, Вим ткнул его пальцами в глаза. Гадкий визг оборвался на самой высокой ноте. Карлик разжал хватку и упал под ноги. Вим успел ударить его коленом в висок, но в тот же момент

другой бандерлог схватил его за лодыжку. Вим и опомниться не успел, как на нем повисло с полдюжины карликов. Он упал на колени. Бандерлоги навалились, прижимая его к земле. Вим не мог вдохнуть.

За массой тел карликов Вим не видел, как обстоят дела у Белки. Только по резким выкрикам и вою бандерлогов знал, что девочка еще жива и сопротивляется. Но продолжалось это недолго. Вскоре крики девочки стихли. Вим закрыл глаза. Сейчас клыки бандерлогов вонзятся в горло, и все будет кончено... Глупый конец, но что поделаешь — смерть глупа сама по себе.

Однако мгновение тянулось за мгновением, но смерть не спешила. Вим почувствовал, как множество маленьких рук подхватили его и подняли вверх. Бандерлоги торжествующе заулюлюкали. А затем его куда-то поволокли, передавая друг другу.

Вим рискнул открыть глаза. Вокруг кишели карлики, мелькали их морды и когтистые пальцы. Не меньше десятка бандерлогов крепко держали его за руки, за ноги, за одежду. Вим чувствовал себя подобно Гулливеру, связанному лилипутскими веревками. Сколько ни дергайся, а вырваться не получится. Карлики затащили его в шахту и устремились в глубь туннеля. Вим успел заметить, что другие твари несут тело Белки. Он не понял, жива девочка или нет: на ее лице и руках темнела кровь, но, возможно, это кровь бандерлогов. А затем темнота сомкнулась, и больше он ничего не видел. В лицо ударил сырой и затхлый воздух, смешиваясь с резкой звериной вонью. Вим попытался крикнуть, но смог выдавить лишь пару жалких хрипов.

Карлики передвигались очень быстро. Бандерлоги не церемонились со своей ношей. Вима царапали, кусали и толкали. Говорят, в Древнем Китае существовала, вернее, будет существовать, чудовищная казнь, известная как «смерть от тысячи порезов». Осужденному наносят множество маленьких надрезов, и тот умирает от потери крови. Виму же, похоже, грозила не менее ужасная «смерть от тысячи царапин и укусов». Хорошо еще, не били головой о каменные стены. Хотя Вим сомневался,

что ему на самом деле повезло. Перспективы маячили такие, что о быстрой смерти можно только мечтать.

Невозможно сказать, как долго это продолжалось. По ощущениям выходило, что не меньше вечности. Они поворачивали, спускались, а затем вновь поднимались. А потом Вим окончательно потерял чувство направления и перестал понимать, как глубоко они ушли под землю.

Неожиданно бандерлоги остановились. Вима швырнули на каменный пол, но он почти не почувствовал удара. В голове клубился туман, мысли растворялись в нем, не успев появиться.

В шахте было темно так, что Вим не мог разглядеть собственного носа. Словно он оказался на дне гигантской чернильницы; сколько ни всматривайся — без толку. Он мог закрыть глаза, и ничего бы не изменилось. В темноте ему мерещились мелькающие тени, чуть более густые и плотные, чем их окружение. Бандерлоги были повсюду. Вим их и не видел, но взвизгивания, хрипы, вой не смолкали.

На Вима упало что-то тяжелое и мягкое. Он заерзал, пытаясь выбраться из-под навалившегося груза, но не получилось. В ребра упиралось что-то острое; похоже на... локоть? Протянув руку, Вим дотронулся до чего-то теплого и липкого. Кожа и, кажется, кровь... На него бросили человеческое тело? Белка?!

Девочка не шевелилась. Вим на ощупь нашел ее шею. Пальцы не слушались — толстые и вялые, как разваренные сосиски. Тем не менее он смог нащупать пульс, и не такой уж и слабый... Жилка на шее Белки дрожала мелко и часто. Жива! Вим облегченно выдохнул. В тот же момент девчонка выгнулась и впилась зубами ему в ладонь.

В другой раз Вим бы завопил благим матом. Зубы у Белки оказались крепкими и острыми. Но сил хватило лишь на сдавленный хрип. Вим дернул рукой, даже не надеясь освободиться. Чего-чего, а кусаться девчонка умела — простая и грубая пища каменного века хорошо тренирует жевательные мышцы. К счастью, Белка сразу разжала челюсти.

— Вим? — послышался голос.

— Ч... черт! — только и смог проговорить он.

Вим прижал ладонь ко рту, чувствуя солоноватый привкус. До крови ведь прокусила! Будто мало ему бандерлогов!

Белка приподнялась на руках и откатилась в сторону.

— Ты жив! — Голос девчонки дрогнул. — Я видела, как они набросились на тебя... Я думала, они разорвали тебя на части.

— Жив еще, — проговорил Вим. — Хотя не знаю, стоит ли радоваться по этому поводу.

Белка громко шмыгнула носом. Вим пододвинулся к ней ближе и обнял за плечи. Белка уткнулась лицом ему в грудь. Ее трясло как в лихорадке.

— Ну же, старушка, все не так плохо... Не бойся. Ты же смелая. Ты же знаешь, главное — не бояться.

Он погладил ее по спине. Не так просто говорить слова утешения, когда сам не слишком-то в них веришь. Однако Вим заставил себя собраться. В таких ситуациях полезно напомнить себе Главное Правило: не паникуй, а остальное приложится. В конце концов, у него есть важное дело; он не может позволить себе погибнуть. Он еще не спас Аску, принцессу каменного века, и не поквитался с Лорхи... Да и Белка еще не нашла свое племя. Это ведь история, а история не может так глупо оборваться.

Вим искренне верил, что в мире существуют неписанные законы, по которым и развиваются события. И один из этих законов гласил — любая история должна быть рассказана до конца.

— Нас съедят? — сказала Белка.

Это был не вопрос. Девчонка заранее знала ответ, но надеялась, что Вим скажет «нет». Самим вопросом просила об этом.

— Не знаю, — ответил Вим. — Но если бы они хотели нас съесть, то почему до сих пор не убили? С мертвецами возни меньше...

Он замолчал. А действительно — почему? Так же и в самом деле проще. Для чего бандерлогам могли понадобиться живые пленники?

— Слушай, — зашептал он, наклонившись к самому уху Белки. — Предмет... Фигурка Медведя — тебе удалось ее сохранить?

— Да.

— Попробуй заглянуть в головы наших мохнатых друзей? Вдруг получится ими управлять?

Девочка в его руках вздрогнула. Вим не видел ее лица, но легко представил ужас, застывший в больших глазах. Белка еще не умела прятать свои чувства.

— Нет! — выдохнула она. — Они... Я не могу!

— Ну же, — сказал Вим. — Не бойся. Нам нечего терять — а так, может, появится шанс на спасение?

— Ты не понимаешь! Я заглядывала в их мысли. Там...

Несмотря на шум, который издавали бандерлоги, Вим отчетливо слышал тяжелое дыхание девочки.

— Хранитель Рода здесь не поможет, — сказала она, чуть помедлив. — Он помогает управлять зверьми и птицами. А они — не звери, хотя и не люди. Я могу видеть их мысли, чувствовать их... только ничего не могу с этим поделать. Но не это главное. В их мыслях есть кто-то еще. Кто-то ими уже управляет!

— Да? — Вим нахмурился. — Интересно, кто же?

— Не знаю, — отозвалась Белка. — Только он очень большой, очень сильный... и очень голодный.

От того, как Белка произнесла последнее слово, Вима бросило в холодный пот. А что, если их не убили только потому, что они предназначались неведомому повелителю бандерлогов? Очень большому и очень голодному? В таком свете дело принимало совсем гадкий оборот.

— Знаешь, мне это не нравится. Надо выбираться отсюда... Бежать можешь?

— Наверное, — неуверенно сказала Белка. — А ты?

— Не думаю, — честно признался Вим. — Но попытаться ведь стоит?

— Но куда бежать? Я... Я ничего не вижу. А вокруг они...

Белка снова всхлипнула.

— Ну же, — ободряюще сказал Вим. — Разве это самое страшное, что с нами случилось? Мы прошли водопад, мы победили

чудовище... А знаешь, почему у нас все получалось? Потому что мы не сдавались. Почему же мы должны сдаваться сейчас? Мы еще живы, а значит, можем бороться.

Вим прекрасно понимал, насколько глупо и неубедительно звучат его слова. Дешевый героический пафос. Но часто именно такие слова оказываются самыми действенными. Главное, чтобы Белка ему поверила. Ведь, чтобы осуществить невозможное, сначала нужно в него поверить. А затем — сделать первый шаг.

Вим отпустил девочку. Опираясь руками о пол, он приподнялся на четвереньки. Уже неплохо. Он немного прополз вперед, пока не стукнулся головой о стену. Цепляясь за холодный влажный камень, поднялся на ноги... Половина дела сделана. Пусть голова и закружилась, а к горлу подступила тошнота.

— Давай руку...

В тот же момент из темноты выпрыгнул один из карликов. Толкнул головой прямо в живот. Удар не сильный, но Вим не устоял на ногах. Еще двое бандерлогов навалились сверху, колотя по спине крошечными кулачками. Пронзительный визг резанул по ушам, заглушая крик Белки.

— Твари!

Вим схватил одно из существ за запястье. Сильно дернул, одновременно переворачиваясь на бок и подминая карлика под себя. Послышался хруст, и рука бандерлога безвольно обмякла — похоже, Виму удалось сломать ему кость. Вот только карлика это не остановило. Бандерлог вцепился зубами в рукав и повис, точно бульдог. Тут же на Вима навалилась еще дюжина карликов. Он мог только скрипеть зубами.

Вот и вся попытка к бегству.

— Белка! — прохрипел Вим. В ответ девочка лишь всхлинула.

Темнота вокруг забурлила, приходя в движение. Перед глазами замелькали жуткие тени. Вима снова подняли на руки и потащили дальше, в глубь черных туннелей. Но теперь он знал конечную цель кошмарной гонки: Хозяин бандерлогов.

Прошла еще вечность, полная тычков, ударов и укусов. Больше бандерлоги не останавливались. Наоборот, Виму стало казаться, что они побежали быстрее. Будто близость к цели придавала им силы.

Впереди замаячило тусклое серое пятно. Карлики разразились торжествующими воплями. Они принялись скакать, подбрасывая свою добычу. Вима едва не вывернуло наизнанку. Он чувствовал себя тряпичной куклой; голова моталась из стороны в сторону. Не самое приятное ощущение. Кое-как Вим повернулся, щурясь и пытаясь понять, что же привело бандерлогов в такое возбуждение.

Глаза так свыклись с темнотой, что даже слабое освещение оказалось для них настоящей пыткой. Вим крепко зажмурился, но не помогло — свет пробивался сквозь сомкнутые веки, резал, точно бритва.

Несмотря на боль, Вим усмехнулся. Как банально — свет в конце туннеля. Вот только не похоже, что этот «свет» положит конец его мучением.

Вим заставил себя открыть глаза. Пятно серого света дрожало и расплывалось по краям, но причиной тому были навернувшиеся слезы. Оно пульсировало, с каждым мгновением увеличиваясь в размерах. Того и гляди заполнит весь мир.

Боль в глазах отступала, и наконец Вим стал различать чуть больше мельтешения теней. Но то, что он увидел, отнюдь не воодушевляло. Вокруг замелькали оскаленные морды бандерлогов — выпученные глаза, клыки и когти. Подобную картину мог бы написать Иероним Босх в момент тяжелого похмелья. Карлики с криками устремились на свет, нырнули в него и остановились.

На самом краю пропасти.

Желудок Вима судорожно сжался. Пара шагов — и все могло бы закончиться полетом в бездну.

Карлики столпились на краю узкого скального уступа, крича и размахивая руками. Несколько уродцев начало торопливо

спускаться, цепляясь за каменную стену и друг за друга. Похоже, они строили «живой мост» для добычи.

Вим огляделся. Туннель вывел их в огромную пещеру. Не просто очень большую: под каменными сводами мог бы уместиться целый город. Вим не смог оценить ее истинных размеров — дальний край исчезал в дрожащем сумраке. Туннель, из которого они выбрались, был не единственным выходом. Вим заметил еще пару десятков туннелей, расположенных на разной высоте. И вокруг каждого суетились карлики. Но куда больше бандерлогов оказалось внизу — Вим даже приблизительно не мог оценить их количество. Настоящее живое море из копошащихся рыжих тел.

И сейчас это море обернулось к нему. Карлики внизу громко загалдели. Откуда-то донеслись неритмичные, глухие удары бубна. Вим заметил, что пол пещеры усеян костями. Если бы его попросили нарисовать ад, со всеми чертями и демонами, картина вышла бы очень похожей. Не хватало только горящих костров и котлов с грешниками. К счастью, огня карлики не знали.

Вим не понял, что служило источником света. Потолок пещеры был высоким, но не похоже, чтобы в нем имелись трещины и разломы, ведущие на поверхность. Да и слишком глубоко они забрались под землю.

Повсюду виднелись огромные сталактитовые колонны — толщиной они могли бы поспорить с особо древним дубом. Виму доводилось бывать в пещерах и раньше, но таких больших сталактитов он никогда не видел. Они напоминали гигантские оплывшие свечи, с бледно-желтыми, блестящими от влаги подтеками. В центре пещеры раскинулось большое озеро. Черная и блестящая вода походила на нефть; на гладкой поверхности не было и малейшей ряби.

Карлики потащили Вима к краю обрыва. Он подумал, что сейчас его бросят вниз, в визжащую толпу. И хорошо, если он разобьется раньше, чем его тело начнут рвать на части. Но этого не случилось. Крепко удерживая его за руки и за ноги, карлики начали спускать Вима по «живому мосту» с ловкостью

и мастерством настоящих воздушных гимнастов. Пару раз Вим срывался, но в последний момент бандерлоги успевали его поймать.

Если когда-то Вим и мечтал почувствовать себя в шкуре акробата, то сейчас от подобного желания не осталось и следа. Казалось, еще немного — и его руки вырвут из суставов. Никакие американские горки не могли сравниться с закружившейся перед глазами безумной каруселью. Вим перестал понимать, где верх, а где низ; вестибулярный аппарат попросту отключился.

Наконец бандерлоги остановились напротив глубокой скальной ниши. Вима швырнули на пол. Он не пытался подняться, смог лишь немного повернуть голову. Мгновение спустя следом за ним бросили и Белку. Девчонка застонала и осталась лежать лицом вниз. Одежда ее была изодрана в клочья, руки до плеч покрывали бесчисленные синяки и кровоточащие царапины. Но Вим заметил, что кулак ее сжат, между пальцами блеснул серебристый металл.

Карлики отступили, а затем принялись быстро заваливать вход в нишу тяжелыми камнями. Вскоре их скрыла темнота; остались только крики и визг, словно доносящиеся из другого мира.

Прямо из сердца ада.

ГЛАВА 3

БЕЛАЯ КОРОЛЕВА

Тусклый свет едва пробивался в щели между камнями.

Белка лежала на спине, уставившись на потолок ниши, исчерченный светлыми полосами. Каменный пол охлаждал кожу, но все равно казалось, что тело словно охвачено огнем. Болела каждая царапина, каждый укус или синяк. Будто даже в самую маленькую частичку тела вонзился острый осколок камня или костяная игла. Стоило чуть пошевелиться — и эти осколки и иглы впивались глубже и глубже. Белка еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Стиснула зубы так, что они едва не крошились.

«Соберись, — приказала она себе, — ты же кайя... Кайя не плачут».

Краем уха Белка слышала сиплое дыхание Вима. Словно тот не мог отдышаться; глотал воздух жадно, как умирающий от жажды пьет воду.

Белка прикрыла глаза и представила, будто глядит на себя со стороны. Вот она лежит, поджав руки к груди и дрожа. Вот рядом лежит Вим — узкое бледное лицо исцарапано до крови, губы плотно сжаты... Сейчас царапины и ссадины светились, точно раскаленные угли.

Белка огляделась по сторонам. А вот и они — белесые, похожие на жирных крыс, слепые твари. Духи боли.

Белка скрипнула зубами. Явились, значит... Она знала, что привело их сюда. Пусть у них не было глаз, но свет от ран притягивал их, как крики раненых и слабых детенышей сзывают хищников.

Вокруг крошечных лапок клубился черный дым, извиваясь тонкими петлями. Существа подбирались к Виму и Белке, готовые впиться в плоть острыми зубками, рвать ее на части, высасывая жизненные соки. И следом за ними ползла темнота.

Белка мотнула головой. Ну нет, этого она не допустит. Опустив взгляд, девочка увидела свои светящиеся руки. Она не знала, откуда в кулаке появилась длинная белая палка. Здесь и сейчас это не важно. Белка шагнула вперед и встала на пути у приближающихся тварей.

— Пошли прочь! — Она взмахнула палкой.

Крысоподобные существа остановились. Их длинные подвижные рыльца беспокойно задергались. Но замешательство длилось мгновение, а затем они с тем же жадным упорством поползли дальше.

Размахнувшись, Белка ударила по ближайшим тварям. Одним ударом зацепила сразу троих. Двое с писком бежали, но одно осталось лежать, дергая тонкими лапками. Миг — и оно обернулось стружкой черного дыма.

Белка осклабилась.

— Ну же, — процедила она. — Кто следующий?

Но ни угрозы, ни гибель сородича не остановили гадких тварей. Они сползались со всех сторон. Бледные вытянутые мордочки блестели. Белке показалось, что они похожи на человеческие лица, а присмотревшись, она поняла, что так и есть: на одно и то же лицо — и Белка сразу узнала его. Не могла не узнать, ведь это ее собственное лицо, хотя и безглазое, нелепо вытянутое и искаженное, как отражение в ложке, которую ей когда-то показывал Вим.

Белка попятилась. Твари волной устремились следом. Они стали больше, росли на глазах, питаясь ее страхом. Черный дым вокруг когтистых лапок закружился яростными вихрями.

Белка крепче сжала палку. Страх и боль приходят изнутри. Вот почему у этих тварей ее лицо. Страх и боль слепы — и поэтому у этих существ нет глаз... Но она же кайя! А кайя ничего не боится. Никто не смеет называть ее трусихой. Даже она сама.

Белка взмахнула палкой, вложив в удар всю свою ярость. Сразу с десяток мерзких существ развеялись дымными облачками. Она снова ударила, потом еще и еще. Палка в руках светилась как солнце. Твари замерли, а затем попятились.

— Я сказала — пошли прочь!

Белка чувствовала, как гнев переполняет ее, хлещет через край. Она была, не чувствуя усталости. Здесь и не могло быть никакой усталости. Твари бросились врассыпную. Те, кому повезло увернуться от ударов, спешили спрятаться в темноте. Вскоре они исчезли; тьма отступила.

Белка повернулась к телам, лежащим у ее ног. Теперь пора заняться делом. Она опустилась на корточки перед Вимом. Ссадины на его лице и руках слегка пульсировали, но багряно-красный свет стал заметно слабее. Но предстоит еще много работы... Белка провела пальцем по длинной глубокой царапине, наискосок пересекавшей лоб Вима. Там, где она касалась его кожи «невидимыми» руками, красный свет постепенно угасал. Белка не могла залечить все его раны — слишком много их было, девочке не хватило бы сил. Но она могла заглушить боль.

Это оказалась долгая и кропотливая работа. Невозможно сказать, сколько она заняла времени — время здесь подчинялось иным законам. Как во сне. Белке казалось, что прошла целая вечность. Но для другой Белки, той, что дрожала на каменном полу, быть может, промелькнуло несколько мгновений.

Когда же все закончилось, девочка отступила на шаг, глубоко вдохнула и открыла глаза.

Она снова лежала на полу в каменной нише, а из-за завала доносились приглушенные крики и визг красных карликов. Здесь было холодно. Белка же вся взмокла, крупные капли пота щипались в уголках глаз.

Белка чувствовала странную опустошенность, будто ее выжали досуха. Онемевшие мышцы покалывало. Конечно, не сравнить с болью от укусов и царапин маленьких людей, но все равно неприятно.

Девочка чуть повернулась. Нельзя лежать и ничего не делать, иначе она окоченеет. Не для того она сражалась с духами боли. Белка принялась растирать плечи, разгоняя кровь. Хотя что-то, раз невозможно развести огонь. Кожа была неприятно липкой и холодной; Белка не знала — от крови или же от пота. Кончики пальцев сморщились, словно она долго держала руки под водой. Возможно, виной тому сырость, царившая в пещере: каменные стены прямо сочились влагой. В то же время девочке страшно хотелось пить. Распухший язык едва помещался во рту.

Глаза постепенно привыкали к слабому освещению. Белка огляделась.

Ниша оказалась глубокой, противоположный ее конец был также завален камнями. Белка увидела торчащие из каменной груды перекрученные палки, поблескивающие в полосах серого света. Рядом стояло нечто похожее на большую корзину с толстыми ровными стенками. И повсюду валялись продолговатые бруски длиной с ладонь.

Однако, опустив взгляд, Белка заметила то, что было куда важнее всех этих странных вещей. По полу змеился тоненький черный ручеек. Вода...

Преодолевая слабость, девочка подползла ближе. Зачерпнула воду сложенными лодочкой ладонями и выпила одним глотком. Вода оказалась такой холодной, что свело зубы. Вкус же — резким и жестким. Но Белка зачерпнула еще и еще; пила и не могла напиться.

— Эй, — послышался голос Вима. — Ты как?

Он подполз к девочке и толкнул ее в бок.

— Жива-здорова?

Белка кивнула, тыльной стороной ладони вытирая губы. Вим сел, обхватив колени руками.

— Не буду спрашивать, как и что ты сделала, — проговорил он, глядя в сторону. — Но спасибо.

— Они нас не убили, — сказала Белка.

Вим усмехнулся.

— Ага. Нам по-прежнему везет.

— Везет? — переспросила Белка, убирая с лица тонкие косички.

— Конечно. Мы еще живы, а это большая удача. Многие не могут похвастаться и этим. А раз мы живы, значит, можем попытаться сделать что-то еще.

Цепляясь за стену, Вим поднялся на ноги. Его пошатывало, да и улыбка выглядела скорее вымученной, чем радостной. Он явно хотел, чтобы его голос звучал бодро, но получалось плохо.

— Ну что, — сказал он. — Давай думать, как отсюда выбираться.

Вим шагнул в сторону большой пещеры.

— Туда нельзя, — замотала головой Белка. — Там... там они! И...

Она замолчала.

Когда красные люди тащили ее по туннелям, Белка крепко сжимала в кулаке фигурку Медведя. Нельзя было допустить, чтобы Хранитель Рода потерялся в темноте пещер. Но девочке стоило больших усилий не слушать голоса, пытавшиеся пробраться в ее голову. Вернее, Голос... Он не смолкал. В головах красных людей он звучал подобно ударам огромного бубна — тягучий монотонный ритм. Там не было указаний, что делать. Лишь жуткое и неутолимое чувство голода. Оно управляло всеми действиями карликов. Будто единственным смыслом их существования было насыщение Хозяина. Вынести это оказалось куда сложнее, чем тычки и укусы.

— Догадываюсь, — проговорил Вим. — Я уже понял, что с этими парнями дел иметь не стоит. Никакого воспитания.

Он прислонился к стене. В руке блеснула музыкальная коробочка. Белка не представляла, как ему удалось ее сохранить. Но ведь и она сберегла фигурку Медведя.

— Так, значит, ими кто-то управляет?

Белка кивнула.

— Не знаю, хочу ли я знать — кто именно.

Вим наиграл начало какой-то песни и покосился на девочку.

— Нравится?

Белка пожала плечами. Мелодия была необычной и весьма тревожной. Вим сыграл еще немного.

— Песня называется «Another brick in the wall»¹, — сказал он. — Еще один камень в стене. В самый раз для ситуации, в которую мы угодили. We don't need no thought control...

Белка не поняла, о чем он говорит. Какие еще камни в стенах? Впрочем, она уже свыклась с его диковинной манерой выражать свои мысли. Наверное, Вим имел в виду те камни, которыми карлики завалили нишу.

— Итак, — сказал Вим, отходя от стены, — туда нам путь заказан. А что с другой стороны? — Он посмотрел в дальний конец ниши. Лицо его озадаченно вытянулось. — Это еще что такое?

Белка заметила, как дернулась его щека.

Вим подошел к перекрученным палкам и провел по одной из них пальцем, словно хотел убедиться, что она существует на самом деле. Легонько пнул странную большую корзину.

— Рельсы? — пробормотал Вим. — Однако же... И вагонетка.

— Что? — не поняла Белка.

— Вагонетка... Специальная лодка, чтобы плыть по земле. Ну, в нашем случае — под землей.

— Лодка, чтобы плыть под землей? Сквозь камни? В ней сидят духи гор?

Старый Оолф рассказывал, что горные духи могут плавать в камнях, как рыбы плавают в воде, а птицы летают в небе. Но знахарь ничего не говорил, о том что они плавают в лодках.

— Было бы неплохо. — Вим усмехнулся. — Но боюсь, на этой лодке сквозь скалы уплыть не получится. Она может двигаться только по специальным туннелям. До которых еще надо добраться.

Двумя руками Вим схватился за большой валун, перекрывавший выход, и попытался сдвинуть его с места. Но камень не шелохнулся. Вим взялся за другой камень, чуть поменьше. Тянул что было силы — на висках и на шее выступили вены. И опять

¹ Еще одна песня с альбома Pink Floyd «The Wall» (1979)

без результата. В конце концов Вим отступил, рукавом вытирая лоб.

— Да, старушка, — протянул он. — Похоже, мы здорово влипли. Кто-то хорошо постарался, закрывая выход.

Вим нагнулся и поднял один из темно-коричневых брусков, валявшихся под ногами. Повертел в руках. Щека его снова дернулась.

— Надо же, какая удача... — Голос прозвучал скорее озадаченно, чем радостно.

Вим подбросил свою находку и поймал левой рукой. Когда он ее схватил, брусок развалился сырой коричнево-серой трухой.

— А это уже какое-то тонкое издевательство, — процедил Вим. Он вытер ладонь о штанину. — Тут целая гора динамита. Казалось бы, именно то, что нам нужно. И что?

— Гора чего? — Белка удивленно моргнула.

— Не важно, — махнул рукой Вим. — Все равно эта взрывчатка никуда не годится. Она испортилась от сырости.

Вим подошел к «подземной лодке» и заглянул внутрь.

— И здесь динамит! Похоже, кто-то хотел взорвать тут все к чертовой матери, да не получилось.

Белка не поняла, при чем здесь мать злого подземного духа. Возможно, именно она и сидела в «подземной лодке». Но не успела девочка об этом спросить, как стены ниши содрогнулись от оглушительного рева.

Белка замерла, испуганно глядя на Вима, но тот и сам стоял с открытым ртом.

Белка в жизни не слышала ничего подобного. Звук походил и на трубный глас мамонта, и на грозное рычание медведя, и на протяжный рев огромного оленя, и на тяжелое гудение бизона... Будто голоса всех животных слились воедино и оттого зазвучали во много раз громче. Белке казалось, что рев давит на нее, сжимает голову между огромными камнями и сейчас череп расколется, подобно ореховой скорлупке. Девочка зажала уши ладонями, но не помогло. Она не могла вдохнуть, словно воздух стал вязким, как болотная жижа. Рев

доносился из большой пещеры, и Белке не нужно было объяснять, чей это голос. Даже когда рев стих, Белка продолжала его слышать. Гул звучал в ее голове и, казалось, будет звучать там вечно.

— Па-да-дам... — проговорил Вим. — А вот и Хозяин пожаловал.

Белка едва разобрала слова, но услышала испуг в его голосе. Девочка жалобно посмотрела на Вима, только тот глядел в другую сторону. Кулаки сжаты так, что из разбитых костяшек вновь потекла кровь.

За стеной красные люди заверещали. И в их криках смешались восхищение и страх.

Не сговариваясь, Белка и Вим бросились к завалу. Щели между камнями были небольшими, но можно попытаться что-то разглядеть. Белка прижалась к холодному валуну и затаила дыхание.

Сперва девочка ничего не видела, но постепенно глаза привыкли, и она стала различать и каменные столбы, и блестящее черное озеро... А затем она увидела Хозяина карликов.

Существо развалилось на берегу озера. Больше всего оно походило на жирную гусеницу, настолько было толстым и неповоротливым. Но Белка и не думала, что бывают гусеницы размером с мамонта. А то и больше: на берегу лежала лишь передняя часть тела чудовища, остальное скрывали темные воды. Тело твари выглядело разбухшим, как туша дохлого бизона, много дней пролежавшая на солнце, тошнотворно белую кожу покрывали бледные розово-голубые пятна.

В этот момент существо повернулось, и Белка увидела его морду. Или лицо? В нем и в самом деле было что-то человеческое: словно кто-то взял голову огромного толстяка и накачал ее воздухом, точно рыбий пузырь, так что она разбухла, а черты лица растянулись и смазались. Крошечные глазки терялись за мясистыми щеками, нос — широкий и плоский, рот же застыл в вечной ухмылке, огромной — от уха до уха. От одного взгляда на эту перекошенную пасть у Белки задрожали колени.

Белка не представляла, из какой бездны эта тварь явилась на свет. Сердце рвалось из груди, словно хотело само взглянуть на чудовище.

Но самым мерзким были крошечные, почти человеческие ручки. Они торчали из белой туши нелепыми обрубками и безостановочно шевелились. Под подбородком чудовища болталось что-то вроде ярко-красного мешка из сморщенной кожи. Существо дернулось, как змея, пытающаяся проглотить крупную мышь. Красный мешок стал раздуваться.

— Приготовься, — слышался голос Вима. — Сейчас оно опять заревет. Это горловой мешок. Как у лягушек или обезьян-ревунов. Он служит резонатором и...

От поднявшегося воя у Белки чуть кровь не пошла из ушей.

Чудовище приподнялось, раскачиваясь из стороны в сторону. Со всех сторон к нему устремились карлики, собираясь на зов своего Хозяина.

Хозяина? Белка вздрогнула. Скорее уж Хозяйки... Вдоль вздувшегося тела тянулись соски, похожие на отвислые старческие груди.

Один из карликов подбежал к твари и принялся карабкаться вверх по туше. Острые когти оставляли на теле чудовища царапины, но оно их не замечало. Карлик выпал из поля зрения Белки, а когда она его вновь увидела, тот уже припал к одному из сосков. К нему присоединился еще один, и еще, и вскоре карлики гроздьями свисали с тела чудовища. Белку едва не стошнило.

Одновременно с этим десяток других карликов что-то подтащили к голове твари. Белка разглядела какое-то животное, вроде безглазого кабана с белой шкурой — видимо, одного из обитателей подземелий. Животное вырывалось, но шансов у него не было никаких. Карлики бросили его перед чудовищем и окружили кольцом, не давая сбежать. Несчастливая пещерная свинья заметалась.

Чудовище склонилось над жертвой, разглядывая ее с каким-то печальным любопытством. А затем рванулось вперед. Огромная пасть сомкнулась на хребте кабана, и животное затихло.

Специально или нет, но чудовище умудрилось зацепить и одного из карликов. Схватило его за ногу, и тот повис вниз головой. Карлик размахивал руками, но никто не пытался ему помочь. Белка отвернулась, лишь бы не видеть, чем все закончится.

Дрожа, она прижалась спиной к камням. В голове стучала лишь одна мысль — почему она не позволила себе умереть? Для того чтобы стать обедом этому чудищу? Где-то в глубине головы мерзкие крысоподобные твари радостно закопошились. Тьма всколыхнулась.

Белка села на пол и даже не взглянула на Вима, когда тот опустился рядом.

— Черт... — протянул Вим. — До чего неприятная дама.

Белка не ответила. Вим потянул себя за короткую бороду.

— Думаю, железы этой твари вырабатывают некое вещество, необходимое нашим мохнатым друзьям, — наконец сказал он. — Или какой-то наркотик... А они его кормят. Само добывать себе пищу оно не в состоянии. Симбиоз — так это называется.

— Что? — Белка не слушала, о чем он говорит.

— Не бери в голову, — вздохнул Вим.

Он достал музыкальную коробочку и наиграл еще одну песню. Наверное, хотел поддержать Белку. Но руки его тряслись, и не похоже, чтобы мелодия получилась такой, какой должна была быть.

— Вот так вот, — пробормотал Вим, прекращая играть. — «Pink Floyd» во всей красе. «Waiting for the worms»: сижу в бункере, здесь, за стеной, в ожидании прихода червей...

Белка вскрикнула.

— Нет! Оно... Оно не придет сюда! Я... Мне страшно.

— Не вешай нос. — Вим легонько ударил ее по плечу. — Мы выберемся.

— Как?! — резко сказала Белка. Вим отпрянул, глядя на ее лицо.

— Придумаем что-нибудь, — неуверенно проговорил он. — Может, в этой тележке найдется пара шашек, годных хоть на что-нибудь?

Пошатываясь, он добрался до «подземной лодки» и начал вытаскивать коричневые бруски, отбрасывая их один за другим.

— Ты ведь сможешь добыть огонь? — спросил он, не поворачиваясь. — Пара камней, искры и все такое? Без огня с этими штуками сложно.

— Я попробую, — сказала Белка, хотя и сомневалась, что у нее получится. Камни были слишком сырыми.

— Отлично, — пробормотал Вим. — Не взорвем стену, так обеспечим этой даме проблемы с желудком. Как там говорил Архимед? Дайте мне хорошую динамитную шашку, и я переверну... Есть!

Вим выпрямился. На лице появилась торжествующая ухмылка, хотя брусок в руке ничем не отличался от тех, что он отбросил.

— Теперь дело за тобой, — сказал он. — Пара искр — это все, что нам нужно.

Белка не понимала, чем искры смогут им помочь. Но раз Вим говорит... Наверное, он знает, что делает? Да и терять им нечего.

Она нашла два подходящих камня. Ударила пару раз, примеряясь... Из чего бы сделать трут?

— Не делай этого.

Холодный и спокойный голос прозвучал словно из ниоткуда. Белка повернулась.

У стены, склонив голову, стоял призрак.

ГЛАВА 4

СОБАКА НА КОРОТКОМ ПОВОДКЕ

— Вставай. — Лорхи толкнул Аску ногой в бок. — Дальше пойдешь сама.

Девушка застонала. Затылок пульсировал тупой болью. Словно крошечный, с мизинец, человечек каменным рубилом долбил дыру в ее голове.

Она лежала на земле. За спиной скрипела на ветру огромная сосна. Аска увидела, как по рыжей коре деловито ползет муравей, волоча длинную иголку. И откуда сколько силы и упорства в столь крошечном создании? Иголка была во много раз больше самого муравья, но он не сдавался, упрямо полз туда, где меж ветвей проглядывало бледное небо и блестело солнце.

Она была в лесу; Аска не помнила, как здесь оказалась. Стоило напрячь память, и крошечный человечек в голове еще сильнее заколотил рубилом. Аска дотронулась до затылка — волосы оказались жесткими от спекшейся крови. Что-то острое упиралось в бок, словно под ребра девушки воткнули палку. Аска чуть приподнялась. Так и есть — корень сосны. Лорхи швырнул ее на землю, не заботясь, будет ей удобно или нет.

— Вставай, говорю, — вновь послышался голос Лорхи. — Пора идти.

Косоглазый охотник стоял справа, опираясь о копьё. Снизу он выглядел огромным, как настоящий великан. Солнце подсвечивало растрепанные волосы, отчего казалось, что голова Лорхи охвачена пламенем. Лицо — краснее давленной клюквы и блестит от пота. Но на губах застыла довольная усмешка. Лорхи смотрел

на девушку так, будто ему нравилось видеть ее в таком состоянии. Выпученный глаз был готов выкатиться из глазницы.

Аска заставила себя сесть. Весь мир — небо, сосны, Лорхи — закрутился перед глазами. Аска схватилась за землю, зарылась пальцами в холодный сырой мох. Держись... Нельзя опять потерять сознание. Она вдохнула терпкий лесной воздух.

— Где... — Девушка закашлялась. — Где Вим?

Лорхи коротко рассмеялся.

— Отправился в земли предков, — сказал он. — С моей помощью. Забудь про него — теперь ты моя женщина. Я так сказал.

— Что?

Аска с трудом понимала, о чем говорит охотник. И не только потому, что в голове стоял сплошной туман.

Все, что с ней случилось, представлялось диковинным сном, кошмаром, полным чудовищ и крови. Стоило закрыть глаза — и она снова увидела оскаленную морду Чудовища, а следом и окровавленное тело брата, его голову на камне и остекленевшие глаза... Рев гиганта вновь зазвучал в ушах. Аска сжалась.

Но они же победили Чудовище! Вим пришел за ней. А потом... Аска вздрогнула и посмотрела на Лорхи.

— Ты убил его? — тихо проговорила она.

Самодовольная усмешка Лорхи стала еще шире.

— Вонзил копье прямо в сердце. Он пикнуть не успел.

Внутри все оборвалось. Аска словно рухнула в пропасть и могла лишь беспомощно размахивать руками, пытаясь ухватиться за воздух. Она смотрела на ухмыляющегося Лорхи и не верила в то, что слышала. Прямо в сердце? Как же так? Ведь...

— Но... — Девушка зажала рот ладонью. — Ведь Хозяйка Пауков говорила...

Паучиха же обещала! А ее обещания всегда сбывались и... Аска едва не завопила от отчаянья. Лорхи громко фыркнул.

— Плевать я хотел на эту старуху. Слушай ее больше — у нее одна паутина в голове.

Аска промолчала. Будь у нее силы, она бы прыгнула сейчас на охотника, голыми руками свернула ему шею и с корнем вырвала

его поганый язык... Но она могла только смотреть и молить духов предков о мести.

— Если бы ты слышала, как он молил меня о пощаде, — мечтательно протянул Лорхи. — Он ползал на брюхе и умолял сохранить ему жизнь... Но мое копье не знает жалости. Я убил трех медведей, что мне какой-то чужак? Я напоил копье его кровью!

Аска прикусила губу. Вим? Ползал на брюхе и молил о пощаде? Она не могла в это поверить. Аска заметила, что к поясу Лорхи привязана рука великана. Но ведь эту руку оторвал медведь Белки — она своими глазами видела. А Лорхи присвоил чужую добычу. Да какое он имеет право?!

— Ты врешь, — сказала Аска и по тому, как дернулся глаз охотника, поняла, что не ошиблась. — Он жив. Я... Я иду к нему.

— Заткнись! — взвизгнул Лорхи. — Никуда ты не пойдешь! Ты моя женщина и будешь делать то, что я тебе скажу!

— Твоя женщина? — Аска попыталась рассмеяться, но смех походил на хриплый кашель.

Лорхи сплюнул под ноги.

— Я мог бы взять тебя в жены прямо здесь, — протянул он, оглядывая девушку. От его сального взгляда Аске стало тошно. — Но я хочу, чтобы все было как положено. Ты вернешься со мной в Длинный Дом, и там матушка Ши назовет тебя моей женщиной перед всеми навси.

Аска прижалась спиной к шершавому стволу дерева. Облизала сухие губы.

— Нет. Я иду к Виму.

Лорхи зашипел, как змея, которую придавило камнем. Шагнув к девушке, он с размаху отвесил ей пощечину. У Аски искры посыпались из глаз. Лишь бы не закричать, лишь бы не заплакать...

— Я... иду... к Виму...

Лорхи занес руку для новой пощечины. В тот же момент Аска ударила его ногой под колено. Сама не поняла, откуда взялись силы. Лорхи такого не ожидал. Не устояв на ногах, охотник растянулся на земле. Прежде чем он успел опомниться, Аска

схватила его за волосы и со всей силы приложила головой о корень. Потом еще и еще — вкладывая в каждый удар всю свою ярость.

Аска била и не могла остановиться. Словно злые духи затмили ее разум. Но сейчас перед глазами все расплывалось в розовом тумане. Голова охотника безвольно мотнулась. Лорхи даже не закричал, лишь жалобно всхлипнул.

Когда Аска его опустила, лицо охотника было залито кровью. Девушка отпрянула, с ужасом глядя на то, что сотворила. Она его убила? Убила человека? Сородича? Все сжалось от ужаса... Не важно, что он хотел с ней сделать. Духи предков никогда не простят ей такого.

Лорхи громко застонал и попытался подняться на четвереньки. Черные капли крови падали на мох. Охотник повернул голову. Выпученный глаз уставился прямо на Аску — красный, как закат перед грозой. Ей еще никогда не доводилось видеть столько ненависти во взгляде.

Шатаясь, Аска поднялась на ноги. Ее трясло так, что она едва не упала. Лорхи протянул руку, пытаясь схватить ее, но не смог дотянуться. Не удержавшись, он упал лицом вниз.

— Я иду к Виму, — пятась, повторила девушка.

Крик, вырвавшийся из горла охотника, походил на рев раненого бизона. Аска разобрала лишь одно слово — «моя».

Не разбирая дороги, девушка бросилась через лес.

Геликоптер летел, почти задевая брюхом макушки деревьев.

— Долго еще? — прокричал доктор Рашер, сиюсь переорать рокот двигателя.

Пилот повернулся. Солнце золотом сверкнуло в огромных зеркальных очках.

— Что?!

Доктор едва расслышал его голос. Пилот широко улыбался, однако в его улыбке сквозило что-то хищное. Очки в пол-лица делали его похожим на насекомое с фасеточными глазами. Было в этом что-то абсурдное — стрекоза внутри стрекозы.

Рашер прочистил горло и снова закричал:

— Долго нам еще лететь?

— Нет! — замотал головой пилот. — Пять минут — и на месте!

Для наглядности пилот показал широко раскрытую ладонь.

Доктор вздохнул. Точно такой же ответ он слышал полчаса назад. Пилот ободряюще кивнул. Сверкнула белозубая улыбка, но доктор не мог отделаться от ощущения, что пилот над ним издевается. Только в чем соль шуток, Рашер не понимал.

Доктор посмотрел на Хель. Начальник станции сидела в пассажирском кресле, сложив руки на коленях. Лицо — абсолютно спокойное, казалось, что она спит, да и глаза ее были закрыты. Но не исключено, что Хель внимательно за ним наблюдает сквозь полупрозрачное веко. Не может же человек спать с настолько прямой спиной? Будто жердь проглотила...

Внизу раскинулось бескрайнее лесное море. От ветра, поднятого вертолетом, по нему пробегали волны — расходящимися кругами, как от брошенного в воду камня. Сосны, ели, другие деревья, названий которых Рашер не знал, — и так до самого горизонта. Далеко справа протянулась блестящая полоска, видимо, там находился какой-то крупный водоем.

Рашер не помнил, когда он в последний раз видел настоящее живое дерево. А столько и сразу... В оранжерее на станции росли исключительно чахлые овощи. Здесь же в глазах рябило от буйства растительности. Вот тебе и ледниковый период, время льда и снега.

— Мы подлетаем, — неожиданно сказала Хель. — Франц, опуститесь у того холма.

Рашер подскочил на месте. Голос начальника станции прозвучал спокойно и в то же время заглушил рев двигателя. И как ей это удастся?

Улыбка исчезла с лица пилота. Однако ответил он бодро:

— Слушаюсь, фрау начальник станции!

Руки в кожаных перчатках сжали рычаги управления. От рева мотора вертолета заложило уши. Рашер судорожно глотнул воздух.

— Держитесь крепче, герр доктор, — прокричал пилот. — Заходим на посадку!

Рашер вцепился в подлокотники. Одновременно с этим он подался вперед, пытаясь разглядеть, что же привлекло Хель. Никаких следов перевалочной базы он не заметил. Ни посадочных площадок, ни временных бараков для содержания добытых образцов... По правде говоря, доктор не заметил и места, подходящего для того, чтобы посадить вертолет.

Франц был отличным пилотом, но доктор сомневался, что он сможет посадить машину посреди леса. Да он переломает лопасти пропеллера о деревья! Доктор живо представил, как вертолет, объятый пламенем, погружается на дно зеленого моря.

— Не сверните шею, герр доктор, — весело сказал пилот. — Сейчас будет немного трясти.

И словно в подтверждение его слов, летающую машину тряхнуло так, что Рашер едва не вылетел из кресла. Доктор услышал скрип, с которым макушки сосен цеплялись за железные борта. Еще немного и... Рашер видел, как шевелятся губы Франца, но не понял, молится пилот или же чертыхается. Проклятье! Неужели он настолько боится послушаться Хель, что пойдет на самоубийство?

В тот же момент доктор увидел вытянутую рыжую проплешину, неряшливую кляксу на зеленом полотне леса. Она походила на огромную запятую с длинным извивающимся хвостом. Овраг или что-то в этом роде. В жирной точке «запятой» Рашер разглядел небольшую каменную площадку на краю глубокого колодца. Именно туда Франц и направил машину.

Вертолет снова тряхнуло. Рашер больно ударился о подлокотник. Ему показалось, что машина серьезно накренилась вправо, еще немного — и они полетят на бок. И там законы аэродинамики сделают свое дело. Рашер крепко зажмурился и начал отсчет последних секунд своей жизни. Раз, два... И почему ему не сиделось на станции? Понятное дело почему: он тоже не мог отказать Хель. Двенадцать, тринадцать...

Удар был мягкий и сильный. Геликоптер подпрыгнул на месте и замер, гудение мотора стало тише. Рашер с удивлением понял, что еще жив и огненный смерч не спешит поглотить его тело. Когда же он открыл глаза, то первым делом увидел свои дрожащие руки. На подлокотниках остались вмятины от пальцев.

Тяжело дыша, Рашер откинулся на спинку кресла. Сели... Франц и в самом деле оказался хорошим пилотом. Справился. Но когда доктор взглянул на него, то увидел, что пилот бледный как смерть. Франц провел ладонью по лицу.

— Готово, фрау начальник станции. — Пилот, как маску, натянул улыбку. — Посадка по высшему разряду.

— Благодарю, Франц, — сказала Хель, вставая с кресла. — Хорошая работа.

Пилот козырнул ей двумя пальцами. Стекла зеркальных очков сверкали золотым светом. Но начальник станции на него уже не смотрела. Чекая шаг, она направилась к выходу из геликоптера.

Из-за перегородки, отделявшей кабину от грузового отсека, послышалась грубая ругань. Фельдфебель и двое охранников с автоматами на изготовку выскочили из машины, занимая оборону. Хотя Рашер и не понимал, кого им следует опасаться.

— Доктор, — сказала Хель, на секунду замедлив шаг, — вам нужно особое приглашение?

— Конечно-конечно... — Рашер поспешил за начальником станции. Как верный паж за королевой.

Франц посадил геликоптер на самом краю каменного колодца. Еще немного — и они бы свалились в пропасть.

— Эм... — неуверенно начал доктор. — Так это и есть перевалочная база?

Он вертел головой. Корпус геликоптера заслонял от него провал, с другой же стороны был дикий первозданный лес. Деревья стояли сплошной стеной. Огромные, до самого неба, раскачивающиеся на волнах невидимого прилива. Стволы такие толстые, что не всякий человек сможет обхватить. Рашер очень живо представил, что чувствовал Макбет, когда лес зашагал на его замок.

— Нет, — сказала Хель. — Здесь мы в последний раз запеленговали передатчик нефелима. — Она замолчала на мгновение. — И здесь находится один из входов на станцию «Пангея-8».

Доктор восторженно вскрикнул. Про станцию «Пангея-8» он раньше не слышал. Видел только точку на карте, но не имел не малейшего понятия о том, чем там занимаются. Проект «Пангея» был большим и сложным, и многие его части проходили под грифом повышенной секретности. Рашер же слишком дорожил собственной шкурой, чтобы лезть куда не следует. Шестеренке в часах не полагается знать, зачем нужны другие детали, ее задача — хорошо крутиться.

— Только вход? А сама станция?

— Под землей. По ряду причин мы были вынуждены ее закрыть, — сказала Хель таким тоном, что у доктора пропало малейшее желание выяснять эти причины.

Хель остановилась на краю колодца и некоторое время глядела вниз. Доктор смотрел на нее сбоку и видел только половину ее лица. Нормальную половину. В такие моменты Рашер не мог на нее налюбоваться. Стройная, высокая... Черты лица строгие и красивые, как у античной статуи. Солнце золотом обрисовало ее силуэт, ветер всколыхнул длинные волосы. Черная форма только подчеркивала прекрасную фигуру.

Наваждение длилось считанные секунды. Хель повернулась, и Рашер вновь увидел оскал черепа. Жестокое напоминание о том, кто же она на самом деле.

— Ульф! Подготовьте лебедку.

Фельдфебель — коренастый мужчина с пышными усами — что-то пролаял своим подчиненным, и те бросились исполнять приказ.

— Нашли образец девяносто семь? — Рашер подошел ближе.

Хель кивнула.

— Можно сказать и так.

В длинных пальцах сверкнул серебристый металл. Так-так, опять ее загадочный талисман... Доктор поежился. Всякий раз, когда в руках начальника станции появлялась фигурка Моржа, добром это не заканчивалось.

И в тот же момент из колодца послышался звериный рев. Доктор аж подпрыгнул на месте, а охранники, готовившие лебедку, выронили толстый моток троса. Рев гремел, усиленный эхом, пробуждая первобытные инстинкты. Хотелось бежать отсюда сломя голову. Быть может, Рашер так бы и сделал, но взгляд Хель пригвоздил его к месту.

Но это не был голос нефелима. За годы работы на станции Рашер научился различать крики животных. И у него не возникло сомнений в том, чей голос он слышит. Всего лишь медведь. Правда, ни один из зверей со станции не смог бы реветь так громко. Доктор шагнул к краю колодца и посмотрел вниз.

Хель и в самом деле нашла девяносто седьмой образец. Тело великана грудой лежало на дне колодца. Все-таки мертв — немудрено, что отключился передатчик.

Вокруг тела гиганта расхаживал огромный медведь. Черный, как ночь, лишь в пасти желтели длинные клыки. Морда словно обрубленная топором и длинные лапы... В отличие от других медведей, этот не выглядел тяжелым и грузным. Скорее, поджарым, как гончая. В то же время в каждом его движении чувствовалась невероятная сила. Доктор и не думал, что бывают настолько огромные хищники. Такому, поди, ничего не стоит свалить с ног мамонта.

Медведь поднял голову. Может, воображение сыграло с Рашером злую шутку, но на секунду ему показалось, что зверь смотрит ему в глаза. Взгляд хищника, приценивающегося к добыче. Медведь вытянул шею и снова зарычал, да так что Рашер попятился.

— Ульф! — резкий голос Хель разбил наваждение. — Я же сказала подготовить лебедку, а не стоять на месте, как истуканы!

— Но, госпожа начальник станции! — Голос фельдфебеля прозвучал испуганно. А ведь Ульф пальцами гнул толстые гвозди. — Вы собираетесь спуститься туда? Это же...

— Вас что-то смущает? — Хель склонила голову. Фельдфебель вытянулся по струнке.

— Никак нет!

Не дожидаясь нового приказа, охранники принялись спешно собирать лебедку. Они-то знали, кого здесь стоит бояться на самом деле.

Любопытство пересилило страх, и Рашер вернулся к колодцу. Что же получается — медведь убил нефелима? Жаркая тогда была схватка, противники стоили друг друга. Похоже, это и есть те самые «полевые исследования», о которых говорила Хель.

Но, возможно, зверь попал сюда, привлеченный запахом крови. В итоге же медведь оказался в ловушке. Вскарabкаться по стенам колодца он не мог — не всякому альпинисту такое под силу.

Рядом с мертвым гигантом доктор разглядел еще одно тело. Судя по грубой одежде из шкур, кто-то из местных дикарей.

Доктор покосился на Хель. Начальник станции смотрела вниз, но по лицу вовек не понять, о чем она думает. Она не шевелилась; лишь скользила меж пальцев изящная фигурка Моржа. И опять — доктор заметил, что глаза Хель поменяли цвет. Голубой и зеленый. Ему померещился иней, искорками сверкнувший на бледной коже. словно руки Хель припорошило бриллиантовой пылью.

— Госпожа начальник станции, — Ульф подошел ближе, — все готово, но... Может, не стоит туда спускаться? Этот зверь выглядит опасным.

— Хорошо, если это так.

— Я отвечаю за вашу безопасность. И я обязан...

— Я ценю вашу заботу.

Заставить фельдфебеля замолчать оказалось не так просто. Похоже, намеков он не понимал. Смелчак или глупец.

— Мы можем его пристрелить, — предложил Ульф.

Хель смирила его взглядом.

— Не сомневаюсь. Но зверь нужен мне живым, мы заберем его с собой.

— Медведя?! — Фельдфебель отпрянул.

— Разумеется, — сказала Хель. — Это уникальный экземпляр. Самый крупный медведь, какого я видела.

Доктор хотел сказать, что в геликоптере не так много места, да и охрана не обрадуется подобной компании. Медведь мог прихлопнуть любого из них одним ударом лапы. А по тому, как вытянулось лицо Ульфа, видно, что подобные мысли пришли в голову и фельдфебелю.

— Не бойтесь, Ульф, — приказным тоном сказала Хель. — *Вашей* жизни ничего не угрожает. Я позабочусь об этом.

Фельдфебель с мрачным видом кивнул. Вот все они — сильные, взрослые мужчины, и хоть бы один посмел сказать слово поперек желаний этой женщины.

Тем временем охранники установили лебедку и закрепили на тросах плоское сиденье. Конструкция напоминала детские качели, за тем исключением, что висели они над пропастью, на дне которой свирепствовал огромный хищник. Хель устроилась на сиденье, даже не пристегнувшись страховочными ремнями.

— Зигмунд, спускаетесь сразу после меня. Осмотрите тело нефелима, мне нужен подробный отчет.

— Конечно. — Доктор чувствовал себя как мученик, которого вот-вот бросят на растерзание львам.

Лебедка громко заскрипела, и Хель начала опускаться. Заметив вторжение, медведь взревел. Рывком поднявшись на задние лапы, он остался стоять, раскачиваясь из стороны в сторону, словно танцуя.

— Красивый зверь, — услышал Рашер голос Ульфа. Фельдфебель остановился рядом, теребя ус. — Жалко его.

— Да? — Рашер не спускал глаз с начальника станции. — Пожалуй.

— Слышали, что она сделала с одним великаном? Превратила в ледяную статую! Я сам видел осколки... Жуть!

— Не думаю, что она станет замораживать медведя, — проговорил доктор. — Он нужен ей живым.

— Ну... Как заморозит, так и разморозит обратно, — пожал плечами Ульф. — Она ж ведьма, что ей стоит?

— Может быть, — рассеянно отозвался Рашер.

Ведьма? Может быть... В колдовство доктор не верил, но как иначе объяснить многое из того, что делала Хель?

Когда до дна колодца оставалось несколько метров, Хель подала знак, чтобы остановили лебедку. Сиденье вращалось, и Рашер попеременно видел то одну, то другую половину ее лица. Красавица обращалась в чудовище и обратно — зрелище завораживало. А может, никакая она не ведьма? Может, на самом деле она заколдованная королева, обреченная обращать в лед все, к чему прикоснется? Эх, знать бы, как снять проклятье.

Оскалив пасть, медведь устремился на Хель. Но та висела достаточно высоко, чтобы он мог до нее дотянуться. Зверь не сдавался и в прыжке попытался достать ее лапой.

Хель вытянула руку, будто грозила зверю пальцем. И словно послушавшись приказа, медведь грузно опустился на задние лапы. Из пасти повалил пар. Рашер изумленно смотрел, как черная шкура быстро покрывается белесым налетом инея. Зверь замотал головой, а мгновение спустя уже лежал на земле. Бока его тяжело вздымались.

Доктор затаил дыхание, услышал, как рядом шумно выдохнул Ульф.

— Что я говорил, — прошептал фельдфебель. — Заморозила! Бедняга... Не хотел бы я оказаться на его месте.

Хель махнула рукой, давая знак, чтобы ее опускали ниже. Вскоре она стояла рядом с медведем. Тот даже не пошевелился, когда она легонько толкнула его носком сапога.

— Ну, приятель, — ухмыльнулся Ульф, глядя на доктора, — а теперь твой выход. Если не боишься.

Рашер промолчал. Боится? По правде говоря, он не знал, чего он боится больше.

Спустя два часа медведя разместили в грузовом отсеке геликоптера, крепко обвязав брезентовыми ремнями.

Как понял доктор, Хель понизила температуру тела зверя до критической точки. Он не умер, но стал настолько вялым, что не представлял опасности. Метод рискованный: если Хель

собиралась вернуть медведя к жизни, то нужно срочно поместить эту тушу в горячую воду. Однако Хель не торопилась, занявшись погрузкой мертвого нефелима. И похоже, у нее были и другие дела.

Мимо прошел фельдфебель, ругая подчиненных за излишнюю возню с мертвым великаном. Хель подозвала его к себе.

— Ульф, подготовьте взрывчатку. Оставлять этот выход открытым слишком опасно.

— Есть! — Фельдфебель немедленно бросился исполнять приказ.

— Взорвать? — подал голос Рашер. Хель едва заметно кивнула.

В колодце доктор видел многое. Странную шахту, которая вела непонятно куда, и какие-то разбитые механизмы... Судя по состоянию, шахта была заброшена очень давно. Значит, проект «Пангея» длится дольше, чем он думал? Несколько десятков лет как минимум.

Или шахту вырыл кто-то еще? Чем вообще занимались на станции «Пангея-8»? И почему Хель хочет здесь все взорвать? Вопросы роились в голове как осы, но ни один доктор не решился задать.

Рашер торопливо семенил за Хель, пока она обходила вокруг вертолета. Как собачонка на коротком поводке.

— Пора улетать, — сказала начальник станции. — Больше нам здесь делать нечего.

— Уже?

Рашер с тоской посмотрел на раскинувшийся за спиной лес. Ему вдруг нестерпимо захотелось прогуляться в тени вековых елей и сосен. Пройтись по мягкому мху, вдохнуть тягучий запах древесной смолы. Слишком он истосковался по всему этому. Хотелось идти и не слышать скрипа снега под ногами, а главное — хоть недолго побыть вдали от хозяйки. Собака на коротком поводке... Но в каждой собаке живет волк, который всегда будет рваться на свободу.

— Хотите пройти? — спросила Хель, проявив невероятные способности к чтению мыслей.

— Осмотреть окрестности, — сказал доктор с коротким смешком. — Да и размять кости не помешает...

Хель только повела плечом, словно изначально знала, что повод надуманный.

— Полчаса, — сказала она. — Не больше.

— Спасибо... — Рашер не ожидал такой щедрости.

Он кивнул начальнику станции и зашагал к лесу, пока она не передумала.

Рашер шел, не разбирая дороги, глубоко вдыхая пахнувший смолой и хвоей воздух. Лес встретил его сырой прохладой. Мох пружинил под ногами, над головой шумели деревья...

Давно подмечено, что прогулка по лесу — самое верное средство от лишних мыслей. А подобное средство Рашеру было жизненно необходимо. Иначе голова попросту взорвется. В какой-то момент захотелось побежать, и не важно куда и зачем. Доктор остановился, сообразив, что в самом деле ведет себя как собака, спущенная с поводка.

А ведь сейчас самое подходящее время, чтобы сбежать. Он мог бы поселиться среди дикарей и научить их всему, что знает. Например, открыл бы им тайну колеса. Дикари бы его боготворили, возводили в его честь храмы — как первому небожителю, спустившемуся на землю... Тем не менее Рашер остался стоять. Его не прельщала судьба Прометея, доктор слишком дорожил своей печенью.

Она появилась неожиданно, как Диана перед Актеоном. Секунду назад рядом никого не было, лишь доносились приглушенные голоса с опушки. И вдруг громко треснула ветка, и из леса показалась девушка.

Она шла, опустив голову и спотыкаясь через шаг. Длинные золотистые волосы полностью скрывали ее лицо, отчего она походила на привидение. Жалкие лохмотья одежды держались только чудом.

Рашер замер, боясь пошевелиться. Пока дикарка его не видела, но казалось, малейшее движение вспугнет ее, как дикого зверя. Тем не менее доктор решил рискнуть.

— Эй! — осторожно позвал он.

Девушка подняла голову и уставилась на Рашера мутными глазами. Ее лицо и волосы были испачканы спекшейся кровью. Судя по кровоподтеку на щеке, ее били.

— Не бойся, — Рашер поднял руки, показывая, что у него нет оружия, — я тебя не обижу.

Девушка сглотнула.

— Кашта уло Вимо?

Доктор замотал головой.

— Я тебя не понимаю. Ты ранена? На тебя напали?

Девушка покачнулась и упала на колени.

— Уло Вимо? — повторила она с мольбой в голосе.

И в тот же момент глаза ее стали огромными, как у совы. Девушка уставилась на Рашера так, словно он вдруг превратился в чудовище.

— Дашита! — выкрикнула она, пытаясь на карачках отползти назад.

— Прекрасный экземпляр, — раздался холодный голос.

Доктор обернулся. За спиной, скрестив руки на груди, стояла Хель.

Взрыв прозвучал подобно удару грома. Доктор почувствовал волну горячего воздуха. Девушка-дикарка закричала, но начальник станции даже не вздрогнула.

ГЛАВА 5

ПОДЗЕМНАЯ ДОРОГА

Белка задержала дыхание. Призрак... Высокий, с вытянутыми чертами, отчего казалось, что на лице застыло выражение вечной печали. Огромные глаза только усиливали это впечатление. Он смотрел на девочку и даже не моргал. Кожа его выглядела прозрачной, словно покрытой пленкой перламутра, сквозь которую просвечивала голубая сеточка вен. Несмотря на сумрак, Белка видела его ясно как днем. Будто тело призрака светилось собственным внутренним светом.

Глядя Белке прямо в глаза, он улыбнулся. Мягко, но от его улыбки у нее мороз пошел по коже. Это же тот призрак, который шел за ней из священной пещеры! Белка не представляла, как он очутился здесь, в скальной нише в пещере карликов.

— Не делай этого, — повторил призрак. Жесткие интонации не сочетались с печальным лицом и мягкой улыбкой.

Девочка сглотнула и прижалась к камням. Призрак пришел за ней? И она знала зачем: чтобы забрать фигурку Хранителя Рода. Вернуть частичку души, заключенную в осколке упавшей луны.

Белка потянула за шнурок, на котором висела фигурка, и попыталась к стене. Никогда, никогда он ее не получит! Она будет драться... Пусть она потеряла нож, но у нее есть ногти и зубы! Белка оскалилась и зашипела. Однако призрак не нападал. Он склонил голову и едва заметно вздохнул.

— Не делать чего? — начал Вим, поворачиваясь. И замолчал.

Призрак кивнул, приветствуя его.

— Э... — проговорил Вим. — Знаешь, старушка, кажется, мы здесь не одни... Привет.

Вим помахал призраку рукой.

— Добрый день. Или вечер — не знаю, который сейчас час...

— День, — сказал Призрак.

— Хорошо, спасибо... Добро пожаловать в нашу скромную обитель и все такое. Ну, не совсем нашу, но...

— Я знаю.

— Хм... Отлично. Это ты сказал «не делай этого»?

— Я. Ты хочешь все взорвать, — сказал призрак. — Не надо. Это слишком опасно.

— Правда? — Вим посмотрел на продолговатый брусок у себя в руке. — Как я сразу-то не догадался?

— Это сарказм, — вздохнул призрак. — Я знаю про такой вид юмора. Но мы его не понимаем.

Белка немного расслабилась. Вроде призрак пока не собирался нападать.

Вим закатил глаза.

— В общих чертах: если вы заглянете за эту стену, то увидите тварь, которую в страшном сне не представишь. И эта тварь собирается нами пообедать. В лучшем случае — поужинать. Так что взорвать здесь все — не самый плохой выход.

— Вы погибнете, и не более того. Не вижу в этом смысла.

Вим покачал головой.

— Пожалуй, я не удивлен. — Вздохнув, он бросил брусок на землю. — Ладно, успеется... Кстати, а кто такие «мы»?

Вим глядел призраку в глаза. Но и сейчас тот не моргнул. Вим первый отвел взгляд.

— У нас много разных имен, — уклончиво сказал призрак. — Многие ты знаешь, многие — нет. Мое же имя — Илаим.

— Хм... Очень приятно. — Вим едва заметно скривился. — Меня зовут Вильгельм. Можно — Вим. А у чудной барышни, которая готовится выцарапать вам глаза, имени еще нет. Ее можно звать Белкой.

— Я знаю и другое ее имя, — сказал призрак.

— Правда? — Брови Вима взметнулись. — И откуда?

— Ты мне его сказал.

Выражение глубокой печали застыло на лице Илаима, как костяная маска, выточенная искусным резчиком. Белка напряглась. Из беседы Вима с призраком она поняла не много. Но главное от нее не ускользнуло — он знает ее имя! То самое имя, которое должны ей дать духи предков, когда она пройдет испытания! Неужели это предки послали прозрачного человека?

Сердце сжалось. Ну конечно же! Призрак не хотел забрать фигурку Хранителя Рода. Наоборот — он жил в священной пещере и охранял ее. А старый Оолф все напутал. Знахарь говорил сторониться прозрачного человека, а на самом же деле Илаим хотел ей помочь. Он принес ей вести от предков. Он принес ее имя.

— Я сказал?! — Вим уставился на Илаима во все глаза. — Простите, сударь, но я с вами не встречался. Так что...

— То, что ты не встречался со мной, не означает, что я не встречался с тобой.

— Да? — Вим задумался. — Возможно... Забавно.

— Мое имя... — Белка нашла силы заговорить. — Ты пришел дать мне имя? Тебя послали духи предков?

Призрак долго смотрел на девочку. Печальные, как у оленя, глаза влажно блестели.

— Нет. — Илаим склонил голову. — Прости. Я знаю твое имя, но не могу тебе его сказать.

Уголки губ страдальчески опустились вниз, словно сказанное причиняло призраку физическую боль. Белка отвела взгляд. Ее захлестнула обида, точно волна, поднявшаяся от брошенного в реку камня.

Ну почему?! Почему он не может сказать ей ее имя? Она же столько прошла, столько вынесла, она... Прозрачный человек поднял руку.

— Прости. Другой даст тебе имя, не я.

Голос Илаима успокаивал — так ледяная вода унимает самую сильную жажду. Белка опустила взгляд.

— Всею свой срок, — сказал Призрак. — Иди вперед, и в конце концов достигнешь цели.

Белка кивнула. Она и не заметила, каким образом прозрачный человек оказался перед с ней. Вроде он не двигался с места, но девочка вдруг увидела его лицо совсем близко, на расстоянии не больше ладони.

Илаим дотронулся кончиками пальцев до ее щеки и отдернул руку. Но Белка ощутила прикосновение: точно множество крошечных иголочек вонзилось в кожу. Она не поняла, были ли руки призрака горячими, как угли, или наоборот — холоднее льда. Белка моргнула, и прозрачный человек вновь оказался на прежнем месте.

— Вперед, — пробурчал Вим. — Хорошо сказано. Только тут со всех сторон камни. А я еще не научился проходить сквозь стены. Понимаю — умение полезное и нужное, но не сложилось. Когда я стану привидением, проблема отпадет сама собой, но пока — извините.

Белка покосилась на Вима. И откуда в его голове столько слов? А главное, Белка не понимала — зачем столько говорить? Все, что Вим хотел сообщить, можно передать тремя словами.

Вим стоял, прислонившись спиной к завалу. Каменная стена выглядела абсолютно неподвижной. Для пущей наглядности Вим толкнул один из валунов ногой, но тот не шелохнулся.

— Ну, что я говорил? Динамит нам необходим. А то, знаете ли, камни!

— Камни, — эхом повторил Илаим. — Это не препятствие. Меньшее из тех, что стоят у вас на пути.

— Угу, — согласился Вим. — Вам легко говорить. Я боюсь спрашивать, как вы здесь оказались. Надеюсь, не превращались в летучую мышь или облако дыма?

— У меня свои пути, — сказал Илаим. — Людям они недоступны. Но я помогу вам. Я пришел, чтобы помочь.

— О! Неожиданно... Похвально видеть подобный альтруизм. Только чем вы сможете нам помочь?

Не сказав ни слова, Илаим положил ладонь на один из камней завала. Некоторое время ничего не происходило, а затем

раздался громкий хлопок. Камень съежился, как рыбий пузырь, который бросили в костер. От него осталась лишь горстка сухого песка. На освободившееся место скатилось несколько камней поменьше.

— Ловко, — усмехнулся Вим. — Но динамитом надежнее и быстрее. Честно говорю.

Илаим молча дотронулся до следующего камня, и тот также превратился в песок. Послышался громкий треск, когда камни один за другим стали вываливаться из завала. Следуя какому-то своему плану, призрачный человек убрал несколько камней сверху. Из образовавшейся дыры подул сырой ветер, разметав песок по нише.

По щекам словно хлестнули колючей веткой. Белка закашлялась, сплевывая песок, и принялась яростно тереть глаза. Рядом громко расчихался Вим. Но Илаим ничего не замечал, продолжая убирать камни один за другим.

Прозрачный человек не стал расчищать завал целиком, ограничился лишь узким проходом. Он пропал из вида, но вскоре вновь стоял перед каменной стеной, опустив голову.

— Путь свободен. Пойдем. — Илаим едва заметно взмахнул рукой.

— С той стороны безопасно? — Вим покосился в сторону прохода.

— Да. Безопаснее, чем здесь. Пока.

— Зато честно, — кивнул Вим. — Ну, старушка, ты первая. Если наши мохнатые друзья решат наведаться в гости, постараюсь задержать их светской беседой.

Вим подошел к стене, отделяющей их от главной пещеры, и глянул в щель между камнями. Лицо его стало хмурым. Подняв музыкальную коробочку, он сыграл начало какой-то песни.

— «Pink Floyd», «Outside The Wall»¹, то есть «За стеной», — пояснил он, повернувшись к призраку, но тот не отреагировал на его слова. — Что ж, посмотрим, что ждет нас на той стороне. Только быстрее. Не думаю, что у нас есть много времени.

¹ Само собой, песня с альбома «The Wall» (1979)

— Ты прав, — сказал Илаим ровным голосом.

Белка посмотрела на прозрачного человека, затем на Вима и кивнула. Вим прав — хуже, чем сейчас, не будет, а так у них появился шанс на спасение. Нельзя его упускать. Стоит взглянуть, что там за стеной.

Она поползла по узкому проходу, обдирая кожу на спине и локтях. К счастью, проход оказался недлинным; вскоре девочка выбралась с другой стороны и огляделась.

Идеально ровный туннель уводил вниз. Белка не знала, как глубоко они забрались под землю, но, наверное, отсюда рукой подать до сердца земли. Глядя в темноту, Белка подумала об этом сердце — похоже ли на сердце человека или же выточено из крепкого камня? Что за кровь его омывает? И как часто оно бьется?

Белка поежилась. А ведь недавно она и подумать не могла, что окажется здесь. Жизнь казалась такой... predetermined? Белка знала, что будет завтра, а что — через несколько лун. Знала, когда по реке пойдет рыба, а когда на юг полетят казарки и серые гуси, знала, где она будет, когда это случится... Сейчас же она даже не представляла, что произойдет, когда она сделает следующий шаг.

На полу туннеля лежали все те же блестящие палки, прямые и длинные. На них крепилась еще одна подземная лодка, с круглыми, как полная луна, полозьями.

— Хотел бы я знать, кто это построил... — проговорил Вим, выбираясь из-за завала. — Вашего племени работа?

Вопрос был адресован Илаиму. Белка не поняла, как прозрачный человек оказался на этой стороне, но из прохода он точно не выбирался.

— Нет. Это сделали те, кто пришел после нас.

— И кто же?

— Ты знаешь о них больше, чем я.

Вим задумчиво потер кончик носа.

— Неужели? Если исходить из того, что я не знаю ровным счетом ничего...

— Всему свое время.

Голос Илаима прозвучал жестче прежнего. Девочка с любопытством посмотрела на прозрачного человека. По лицу ничего не скажешь, но пока это было самое яркое проявление чувств, которое тот себе позволил. Видать, Вим задел его за живое. Хотя Белка плохо понимала, в чем суть их перепалки.

— Ясно. — Вим посмотрел себе под ноги. — Выходит, я их знаю... Интересный поворот.

— Нет времени, — перебил его прозрачный человек. — Вы должны быстрее уходить. Скоро они придут за вами.

— И как далеко мы сможем забраться, прежде чем нас вернут в гостеприимные объятия нашей белой Хозяйки?

— Пешком вы не уйдете, — сказал Илаим. — Разумнее всего воспользоваться этим транспортным средством.

Он указал на подземную лодку. Вим подошел к ней, навалился, пытаясь сдвинуть с места, но та не шелохнулась. После нескольких толчков Вим отступил.

— Действительно, разумнее всего! Эта штука насквозь проржавела. Пара дней, зубило и ведро масла — и, может, я бы и сдвинул ее с места. А так...

Вим в сердцах ударил кулаком по толстому борту. И тут же замахал рукой, лицо перекосило от боли.

— Вот зараза!

Илаим провел ладонью над круглыми полозьями подземной лодки. Из-под его пальцев посыпался рыжий песок. Вскоре круги заблестели, словно они и в самом деле были маленькими лунами. Материал чем-то напоминал тот, из которого была сделана фигурка Медведя.

Вим восхищенно присвистнул.

— И как вы это делаете? Та штука с камнями, превратившись в песок, и здесь — взмахом руки убрать всю ржавчину. Я бы предположил, что у вас есть Морской Конек или...

— Мне не нужны предметы, — перебил его Илаим. — Но ты прав: принцип действия такой же, как и в Морском Коньке, — разрушение внутренних связей объекта. Я использую ту же энергию, которой оперируют предметы.

— Ага! — Вим вострепнулся, как кулик перед дракой. — Так я и думал. Все, что дают предметы, можно получить и без них. Я прав?

В его голосе Белке послышался вызов. Словно Вим подначивал прозрачного человека, мол, только попробуй сказать, что это не так.

Илаим замер, подбирая наиболее подходящий ответ.

— Предметы позволяют управлять потоками энергий, направляя их в нужное русло. Удобный инструмент, но по ряду причин такие, как я, не могут ими воспользоваться.

— Такие, как вы. — Вим задумался. — Никогда не встречал никого из вашего племени. И не думал, что придется увидиться. Да еще и общаться. У меня столько вопросов... Не знаю, с чего начать.

— Не сейчас и не здесь, — сказал Илаим.

— Всего один. — Вим поднял руку. — Раз уж зашла речь... Почему вы не можете пользоваться предметами?

— Мы существуем на ином энергетическом уровне, чем существа вашего вида. А предметы действуют как якоря. Или, если хотите, магниты. Вокруг них происходят завихрения энергетических потоков. Потому вы и видите нас, только когда рядом есть предметы. Рыбу видно в воде.

Илаим задумался.

— Мы нуждаемся в этой энергии, как вы нуждаетесь в воде... Но если воды слишком много, можно и утонуть. Мы можем их касаться, даже переносить, но использовать артефакты постоянно... Когда вы пользуетесь предметами, через вас проходит лишь малая часть энергетических потоков и вы испытываете физические страдания. Мы же получаем все целиком. Предметы нужны нам, поскольку вокруг них создается оптимальная среда для нашего существования, но они же способны лишить нас жизни.

— Чтоб я хоть что-то понял... — Вим покачал головой.

Белка незаметно выдохнула. Раз уж он ничего не понимает, то и ей не стоит беспокоиться. Рыба, которая утонула, — разве такое бывает? Почему Илаим вообще заговорил о рыбалке?

— Пора, — сказал прозрачный человек. — Время уходит. Вы подвергаете себя большой опасности, оставаясь здесь.

Вим толкнул подземную лодку. Со скрипом, от которого сводило зубы, та немного сдвинулась с места.

— И как мы поедem на этой дрезине? Мотор-то здесь не предусмотрен... Как и тормоза.

— Не беспокойтесь. Для движения нужен только импульс. Я вам помогу.

— Спасибо... А почему вы нам помогаете?

— Потому что вы поможете мне, — ровным голосом ответил Илаим.

Вим только хмыкнул.

— Ладно. Давно хотел прокатиться по шахтам на вагонетке без тормозов. Прямо-таки мечта детства.

— Быстрее, — сказал Илаим, оборачиваясь — Она опять голодна и...

Его слова заглушил рев Хозяйки красных людей и поднявшийся следом визг карликов. Из-за завала слышался перестук камней. Похоже, карлики разбирали стену. Гортанные выкрики прозвучали совсем близко. Белка сжалась, разворачиваясь к проходу.

Вим схватил девочку за руку и потянул к подземной лодке.

— Пора уносить ноги. Обед у королевы — это, конечно, здорово, но только не в виде главного блюда. Надеюсь, тебе понравятся американские горки.

— Что? — не поняла Белка.

— Закрой глаза, крепко держись за борта. И постарайся громко не кричать.

Он помог девочке забраться в лодку и залез следом.

— Вы с нами?

Вим посмотрел на прозрачного человека. Но тот отступил в тень.

— Нет, — сказал Илаим. — Я встречу вас в конце дороги.

Прозрачный человек поднял руки. Со скрипами и визгом подземная лодка сдвинулась с места.

В тот же момент из прохода появилась вытянутая морда мохнатого карлика. Вытаращив глаза на беглецов, он заверещал что было мочи.

— Пока-пока! — Вим помахал ему ладонью.

Карлик выбрался из прохода и на четвереньках бросился к подземной лодке. Но двигался он странно медленно, как во сне. Белка заворуженно смотрела на огромные, налитые кровью глаза, оскаленную пасть с кривыми желтыми зубами и длинные узловатые пальцы... Следом, словно огромные рыжие муравьи, ползли его собраты. Но ни один не взглянул в сторону Илаима.

Прозрачный человек взмахнул руками, и лодка устремилась в глубь туннеля.

Подземная лодка неслась быстрее и быстрее, громыхая и раскачиваясь на ухабах. Из-под круглых полозьев летели яркие искры. Белку мотало так, что казалось, еще немного — и ее вышвырнет наружу, размажет по стенам туннеля склизким кровавым пятном. Девочка цеплялась за борта и молила духов, чтобы ей хватило сил удержаться. От каждого толчка зубы громко клацали — Белка боялась откусить свой язык.

Вим был тысячу раз прав, когда сказал ей закрыть глаза. И почему она его не послушалась? Сейчас же Белке не могла даже зажмуриться. Она задыхалась; от резкого ветра в лицо на глаза наворачивались слезы.

Туннель уводил все глубже. Подобное не вписывалось в представления девочки о мире. Ее мир был куда меньше и уютнее. В нем не было бесконечных темных переходов и грохочущей подземной дороги. В нем светило солнце... Здесь же Белка видела лишь мелькающие в отдалении пятна серого света да изредка вспыхивающие яркие огоньки — быть может, светлячков, а может, и звезды, спустившиеся под землю.

Белка не решалась поднять голову над бортом подземной лодки. Девочке казалось, что потолок туннеля опускается. Вот сейчас она врежется головой в какой-нибудь выступ, и путешествие закончится. Когда ей мерещилось, что развевающиеся косички задевают камень стен, Белка вздрагивала всем телом.

— Проклятье!! — прокричал Вим. — Удружил наш прозрачный друг! Весело будет, когда мы на такой скорости влетим в стену!

Он сидел скрючившись, уперевшись ладонями в борта лодки, так что голова оказалась чуть ли не между колен. Может, дело в тусклом свете, но лицо его выглядело зеленовато-серым, как выгоревший на солнце мох. Усмешка была совсем вымученной.

— Слышишь? — неожиданно крикнул Вим.

Белка замотала головой. За грохотом и скрипом подземной лодки она едва разобрала его слова, что уж говорить о прочих звуках.

— Крики. Впереди.

Прислушиваясь, Вим вытянул шею, точно гусь. Белка также напрягла слух. Но в тот же момент подземная лодка повернула вправо. Громкий визг резанул по ушам, посыпались искры. Девочку швырнуло назад.

— Держись, старушка! — Вим схватил ее за руку. — Похоже, начинается самое интересное...

Он вертел головой, что-то высматривая в темноте. Глаза — огромные, как у совы. Туннель снова повернул. Подземная лодка накренилась; лишь каким-то чудом круглые полозья удержались на блестящих палках.

Впереди замерцал свет. Белка чуть приподнялась. Выход? Неужели они выбрались? Наружу — прочь из черного нутра подземелий, к солнцу и чистому небу... Но почему свет такой слабый? Ветер донес приглушенные крики и визг.

— Бандерлоги! — выкрикнул Вим, приподнимаясь.

Белка вздрогнула. Карлики-людоеды? Как они могли оказаться впереди? Словно отвечая на ее вопрос, Вим сказал:

— Выходит, была короткая дорога... Бабушка, а почему у тебя такие большие зубы?

При чем здесь мать матери, Белка не поняла, но зубы у этих тварей в самом деле были большими.

А спустя пару ударов сердца подземная лодка вывела их на свет. Белка невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, то закричала в голос. И вопила до тех пор, пока в легких не кончился воздух.

Прямо под ними была пропасть.

Стены пещеры уходили отвесно вниз, ровные, точно обранные ножом. Далеко внизу Белка увидела острые камни, торчащие из земли, подобно гигантским клыкам. И кости. Горы всевозможных костей. Черепа самых разнообразных существ тарачились на нее пустыми глазницами. Белка не сразу разглядела красных карликов, снующих среди каменных клыков.

Сперва девочке показалось, что подземная лодка летит над провалом. И сейчас она устремится вниз, на груды костей и острые камни. Но мгновения тянулись, а лодка не падала, продолжая нестись вперед.

Подземная дорога вовсе не закончилась: через пропасть была перекинута конструкция из бревен, ажурная, как паутина. Прямо на этих бревнах и лежали блестящие палки. Вся конструкция дрожала и тряслась, словно ее раскачивали сильные порывы ветра. Но удивительным образом она держалась.

Белка вцепилась в борта лодки так, что из-под ногтей пошла кровь. Должно быть, она кричала, но не слышала собственного крика. Уши словно забили мягким мхом; сердце трепетало, как ласточка в когтях у ястреба.

Вим дернул ее за плечо. Он что-то прокричал, но за гулом в ушах Белка не разобрала ни звука. Вим вытянул руку, указывая вперед, и девочке стоило большого труда посмотреть в ту сторону.

Лучше бы она этого не делала. Белка увидела, как по бревнам деревянной паутины карабкаются красные люди. Их было очень много; они ползли друг по другу, образуя живые цепочки и гроздья. Одна из деревянных балок обломилась, не выдержав веса повисших на ней тварей, и они посыпались вниз, подобно желудям с дуба. Белка не увидела, что случилось, когда карлики свалились на дно пропасти, но вряд ли кто-нибудь выжил. Остальных это не остановило, и они ползли вверх, сталкивая сородичей.

Очередная балка обломилась и, вращаясь, полетела вниз, сшибая карликов. Деревянная паутина раскачивалась все больше. Белка сжалась. Ну же! Она навалилась на стенки лодки, словно это могло помочь им ехать быстрее. Впереди виднелась

отвесная скала. Блестящие палки исчезали в черном зеве нового туннеля. Оставалось совсем немного...

Один из карликов вскарабкался наверх и остановился, тараща глаза на несущуюся подземную лодку. На уродливой морде появилось растерянное выражение, словно карлик не понимал, как здесь очутился. Пошатываясь, он поднялся на ноги, и в тот же миг подземная лодка врезалась в него на полном ходу. Удар подбросил карлика высоко в воздух и так швырнул о скалу, что остался темный отпечаток.

Белка быстро отвела взгляд. И увидела внизу морды карликов. Они были так близко, что протяни она руку, то смогла бы до них дотронуться. Если еще раньше ей не откусят пальцы. Один из карликов вцепился в блестящую палку. Подземная лодка чуть подскочила, из-под круглых полозьев брызнули кровавые ошметки. Белка отпрянула, почувствовав на лице теплые капли. Еще один карлик выбрался позади подземной лодки. На четвереньках он бросился следом, но не удержался и сорвался вниз. Белка успела заметить, как он рухнул на каменный клык, насквозь пронзивший его тело.

Деревянная паутина содрогнулась. Дальний ее конец повело в сторону, бревна одно за другим падали в пропасть. Конструкция разваливалась на глазах. Карлики тоже заметили, что происходит, — часть из них бросилась назад, карабкаясь по спинам и головам сородичей. Другие, наоборот, спешили забраться выше, сталкивая любого, кто пытался им помешать. Паутина зашаталась сильнее...

Подземная лодка нырнула в новый туннель. Тьма вновь сомкнулась над головой, но Белка встретила ее радостным воплем. Они проскочили.

Белка не знала, сколько еще продолжалась безумная гонка. Скорее всего, несколько мгновений, растянувшихся до бесконечности. Впереди вновь замерцал свет, и из темноты проступили очертания человеческой фигуры.

Это был Илаим. Прозрачный человек стоял посреди туннеля, протягивая к ним руки.

— Прочь! — заорал Вим. — Уходи с дороги! Тебя же...

Илаим не шелохнулся. Стоял и печально смотрел на несущуюся подземную лодку. Белка зажмурилась.

Резкий толчок швырнул девочку вперед. Она ударилась плечом о борт лодки, и рука онемела; Белка попыталась пошевелить пальцами, но не поняла, смогла ли это сделать. А затем пришло осознание того, что лодка остановилась.

Белка заставила себя открыть глаза. И первое, что увидела, — бесконечно печальный взгляд Илаима. Двумя руками прозрачный человек держался за борта подземной лодки. Легко, будто он просто опирался на нее.

— Черт, черт, черт... — Вим выбрался наружу и рухнул на четвереньки. — Чтобы я еще когда-нибудь...

Белка не нашла сил подняться и осталась лежать на дне подземной лодки. Перед глазамиплыли цветные пятна, в ушах звучал грохот подземной дороги. Девочка не могла поверить, что все закончилось, а она еще жива.

— Чтоб я еще раз... — повторил Вим. — Ты совсем рехнулся, когда впихнул нас в эту железную коробку?

— Что-то не так? — ровным голосом спросил Илаим.

— Не так? О нет! Все в полном порядке! Теперь я знаю, что такое душегубка и на что похож гроб на колесиках! Спасибо тебе, добрый человек! Черт...

— Хорошо, — сказал Илаим. — Следуйте за мной. Осталось немного.

ГЛАВА 6

ЧЕРНАЯ РЕКА

— Друг мой, — Вим посмотрел на маячившую впереди спину Прозрачного, — всего один вопрос...

Илаим не повернулся и не замедлил шага. Вим не понял, услышал ли его их проводник, но продолжил:

— Я понимаю, наверное, у нас разные представления о расстоянии и времени, но как долго будет еще продолжаться ваше «немного»?

— Мы почти пришли.

— Ага... Так я и думал.

Вим вздохнул. «Мы почти пришли» — очень хороший ответ. Вроде и дает надежду на то, что скоро все закончится, но на самом деле может означать что угодно. «Почти» способно тянуться бесконечно. Как в известном парадоксе — Ахиллес почти догнал черепаху. Ну да, конечно... Вот такими «почти пришли» родители успокаивают капризничаящих детей. Мол, потерпите еще немножко, а главное — молчите и не отвлекайте старших дурацкими вопросами. Хотя голос Илаима звучал спокойно, Вим готов был поклясться, что услышал в нем раздражение.

Они шли около часа. Прозрачный вел их по туннелю настолько узкому, что человек более упитанный застрял бы там, как Винни-Пух в норе у Кролика. Хотя Вим и мог выпрямиться в полный рост, он шел пригнувшись. Стоит поднять голову, и наверняка он врежется лбом в какой-нибудь невидимый сталактит. А Вим уже собрал внушительную коллекцию синяков и шишек и не горел желанием ее пополнять.

Каменные стены давили. Вим никогда не страдал от клаустрофобии и не видел ничего страшного в темных замкнутых пространствах. Но сейчас он каждой клеточкой кожи ощущал многометровую толщу камня у себя над головой. Воздух здесь был тяжелым и спертым, хоть ножом режь. Будто многие годы ничто не приводило его в движение. Здесь, поди, не водилось даже летучих мышей... В то же время Виму мерещились всяческие шорохи и скрипы. То впереди, то за спиной, а то и сбоку, где точно не было ничего, кроме каменных стен.

В груди шевельнулось неприятное чувство, сродни надвигающемуся приступу паники. А единственный известный ему способ держать себя в руках — говорить без умолку — здесь не срабатывал. Да и собеседники попались не особо разговорчивые. На все его вопросы Илаим ограничивался скухими ответами, Белка же и вовсе молчала.

Девочка, спотыкаясь, брела за его спиной, глядя себе под ноги. Вим едва различал ее лицо — бледное, как у покойника; длинные косички висели сосульками. Удивительное дело, что она вообще держится после всего, что им пришлось пережить. Схватка с бандерлогами, кошмарная подземная царица и гонки на вагонетке — тут у кого угодно сдадут нервы. Проще было бы, будь она хоть немного старше. Но Белка же совсем ребенок — откуда у нее столько сил?

— Держись, старушка, — проговорил Вим. — Потерпи еще немножко... Скоро мы придем. Не знаю куда, но надеюсь, наш прозрачный друг понимает, что делает.

Белка не подняла глаз. Ее била мелкая дрожь. Вим стянул свою изодранную в лохмотья куртку и накинул на плечи девочки. Пользы от такой одежды мало, но хоть что-то. Сейчас бы не помешало развести костер, согреться и накормить ее горячей едой. И отправить спать недели на две. Да где все это возьмешь под землей?

— Ну же, не вешай носа. Все же хорошо закончилось...

Белка шмыгнула носом и посмотрела на Вима. Огромные глаза влажно блеснули в темноте.

— Они его убили, да?

Вим не сразу понял, о ком она говорит.

— Убили? Ох... Ты про нашего друга-медведя. — Он задумался. — Знаешь, я так не думаю. Уж он-то им не по зубам. Все у него в порядке, я уверен. Он парень крепкий, он победил великана — что ему какие-то карлики? Вот выберемся мы отсюда и вернемся за ним. Обещаю.

Вим чувствовал себя как отец, который говорит ребенку, что его любимая игрушка не потерялась, а отправилась в путешествие в далекую волшебную страну. Паршиво, в общем. Но Белка слабо улыбнулась. Хотелось надеяться, что девочка поверила ему на слово.

Туннель, по которому они шли, был слишком прямым и ровным, чтобы возникнуть естественным путем. Несколько раз они спускались по крутым металлическим лестницам — перила и ступени насквозь проржавели и обросли сталактитами толщиной с палец.

Интересно, кто же это построил? Илаим сказал — «те, кто пришел после нас», и то, что Вим знает о них куда больше самого Прозрачного. Но мозаика пока не складывалась. Либо ему не хватало важных частей головоломки, либо он не мог собрать ее надлежащим образом.

Женщина в форме СС, предупреждение на чистейшем немецком... Да и великан, похитивший Аску, — у него на голове были скобы, как у известного чудовища. А Виктор Франкенштейн тоже был немцем. Двигало же им стремление создать идеального человека. Значит ли это, что за тем, что здесь творится, стоят нацисты?

Среди Странников ходили слухи о группах нацистов, которых забрасывали в прошлое, пытаясь таким образом изменить ход Второй мировой. Здесь вмешаться, там подправить... Вроде бы к этому приложил руку личный адъютант Гитлера. Какая-то дама, чтоб он еще помнил, как ее звали... Простое немецкое имя — Мария или Хельга, что-то в этом роде.

Мысль, конечно, не новая. Не одни нацисты пытались поправить свое положение в будущем, воздействуя на точки в прошлом.

Но беда в том, что ткань времени — штука достаточно упругая. Каждая такая попытка неизменно натывается на контрдействие и в любом случае гаснет. Если, следуя известной метафоре, сравнить время с бурной рекой, то такие попытки сродни швырянию в нее камней в надежде изменить направление потока. Ну да, могут появиться волны, по воде пойдут круги... Но общее течение быстро не оставит от них и следа.

Но что будет, если действовать широкомасштабно? Не бросать камни в воду, а построить плотину поперек реки? Попытаться полностью перекрыть эпоху? В более поздние времена так не получится — слишком уж широка река, и слишком сильное течение. Однако в самом начале, считай, у истоков, может и сработать.

Конечно, это потребует невероятных усилий и затрат, но... Вим посмотрел на ровные стены туннеля. Сколько же нужно людей, ресурсов и времени, чтобы такое построить?

Вим задумался. Так, значит, нацисты? Но, с другой стороны, налицо были технологии, которых не могло быть в нацистской Германии. Вертолеты, голографические проекции... И опять же — пресловутый великан.

Если Белка права и гигант в самом деле один из ее сородичей, то очевидны и биологические технологии, недоступные даже в начале XXI века. Либо Вим чего-то не знал о научных достижениях гитлеровских ученых, либо кусочки мозаики не сочетались... Нацисты проводили эксперименты на людях — известный факт. Но Вим плохо знал, в чем эти опыты заключались.

В голове вертелась лишь пара-тройка имен ученых: Август Хирт, Йозеф Менгеле, Зигмунд Рашер. Кто-то из них, кажется, сбежал в Бразилию, и там его съела акула...

— Осторожно!

Вим вздрогнул. Голос Илаима прозвучал абсолютно отстраненно. Прозрачный человек остановился и поднял руку. Вим едва не врезался ему в спину.

— А?

— Здесь обрыв, — сообщил Илаим тоном экскурсовода, который в тысячный раз проговаривает заученный текст.

— О! Спасибо, что предупредил до того, как я свернул шею...

Вим придержал за руку Белку. Девочка брела как зомби, покачиваясь и опустив глаза. Похоже, мыслями она была где-то далеко отсюда, рядом со своим медведем, и того, что творилось под носом, не замечала.

— Нам нужно спуститься, — сказал прозрачный человек. — Здесь есть лестница, но идите осторожнее — ступени скользкие.

— Спуститься? — Вим вздохнул. — Я надеялся, ты ведешь нас к выходу на поверхность. К белому свету и все такое, разве не так?

— Нет. Рано. Я веду вас к реке.

— Что значит «рано»? — Вим растерялся. — К какой еще реке?

Он прислушался. Снизу и в самом деле доносилось тихое журчание воды. Лестницу он сперва не заметил: по сути это были толстые рельсы, вбитые в стену. Никаких перил, разумеется, не имелось.

— Я помог вам, — сказал Илаим. — Вы поможете мне.

— Ага. — Вим смотрел вниз. В конце концов ему удалось разглядеть блеск темной воды. Не так глубоко, как сперва показалось. — Но вы не сказали, в чем заключается эта помощь.

— Пойдем, — сказал Илаим, ступая на первую ступеньку.

Ничего не оставалось, как пойти следом, цепляясь за осклизлую стену и молясь о том, чтобы не оступиться. Но обошлось. Вскоре они стояли на небольшом помосте, сооруженном из листов рифленого железа и ржавых решеток. Вим увидел короткую пузатую лодку, лежавшую кверху брюхом, какдохлый дельфин.

Они оказались на берегу узкой черной подземной реки. Вим не представлял, откуда и куда она несет свои воды. Откуда вообще взялась под землей река?

Но Белка встрепенулась. В глазах ее появился лихорадочный блеск; она вытянула шею и принялась.

— Река... — проговорила девочка, шагнув к воде. — Она вернулась!

Судя по выражению лица, Белка готова была броситься с причала в воду.

— Оолф сказал, что, чтобы найти наш род, нужно идти вниз по реке.

— Хм... — Вим потер подбородок. — Не думаю, что он говорил про *эту* реку.

Белка замотала головой.

— Река — всегда одна. Просто у нее много обличий.

Илаим смотрел куда-то туда, где черный поток скрывался за каменным уступом.

— Она права. Вы должны спуститься по реке.

— Опять! Ну, знаешь, никуда я не пойду!

Вим по-турецки сел на железные решетки причала и с вызовом посмотрел на Прозрачного. Он терпеть не мог, когда ему указывали, что делать. И уж тем более — когда не объясняли, почему он должен это делать. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

— Ты не можешь остаться здесь, — сказал Илаим, глядя ему в глаза. Ни за что в жизни Вим бы не стал играть с этим парнем в гляделки.

— Почему же? А если я всю жизнь мечтал о том, чтобы поселиться на берегу реки? И раз мы решили, что все реки — по сути одна река, чем это место хуже прочих?

— Это нелогично, — сказал Илаим. — И опасно. Подземные люди могут сюда добраться.

— Проклятье... — Вим вздохнул. Может, написать у себя на лбу слово «сарказм»? И тогда Илаим перестанет воспринимать каждое его слово буквально? Хотя вряд ли поможет — чувство юмора у этого парня отсутствовало как таковое.

— Я хотел сказать, что не собираюсь ввязываться в непонятную авантюру, когда я не вижу ни рисков, ни ставок. Вы хотите, чтобы мы вам помогли, но так и не сказали, в чем именно.

Илаим едва заметно кивнул.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне вернуться домой.

— Замечательно, уже легче. И для этого мы должны отправиться вниз по реке?

— Да. В конце пути будут ворота, а у вас есть ключи. У каждого.

Вим покосился на Белку. У каждого? Ах да... Илаим наверняка говорил об артефактах. Медведь у Белки, у него же — Сова, которую дал ему старый Кеттил, вождь племени навси.

— И что за ворота? — Вим прищурился.

Странно, но от взгляда Прозрачного у него быстро начинала болеть голова. Возможно, дело в легком сотрясении: бандерлоги пару раз хорошенько приложили его по затылку. Но, скорее всего, именно Илаим оказывал на него такое действие. Он ведь что-то говорил про то, что Прозрачные существуют на другом энергетическом уровне. Возможно, речь шла о некоем излучении, вроде радиации.

— Ворота большие, — сказал Илаим. — Вы сразу их узнаете.

— Какое исчерпывающее описание! Полагаю, глупо спрашивать — куда они ведут?

— Домой, — сказал Прозрачный.

— Так я и думал, — вздохнул Вим. — Ясно. Итак, вы хотите, чтобы мы добрались до этих ворот и открыли их, так? И все?

Илаим кивнул.

— Как-то подозрительно просто звучит, — пробормотал Вим. — Почему бы вам самому этого не сделать? Если у вас нет ключа, так я дам, мне не жалко.

Он вытащил фигурку Совы и протянул ее Прозрачному. Но тот отшатнулся, словно Вим предлагал ему живого скорпиона.

— Я... — По печальному лицу скользнула тень. — Я не могу. Ворота сделаны так, что ни один из таких, как я, не может открыть их самостоятельно. Потому мне и нужна ваша помощь

— Вон оно что, — протянул Вим.

— Мы должны идти по этой реке, — подала голос Белка.

Вим покосился на девочку. Пока он беседовал с Илаимом, она стояла на краю пристани, глядя в черную воду. Похоже, девочка не слушала их разговор, погруженная в собственные мысли.

— Придется, — сказал Вим. — Во-первых, всегда нужно отдавать долги. Он нам помог, теперь наш черед платить той же монетой. А во-вторых, у нас нет выбора. Назад дороги нет, если

ты не хочешь снова повстречаться с карликами-людоедами. — Поморщившись от боли в мышцах, он поднялся на ноги. — Хотя нутром чую — есть здесь какой-то подвох.

На лице Илаима не дрогнул ни один мускул.

Вим подошел к лодке. Это оказалась обычная плоскодонка с подвесным мотором. Лопасты винта были перекручены так, словно по ним долго били молотком; сбоку виднелось несколько глубоких вмятин. Но в целом судно выглядело куда надежнее плота, на котором они с Белкой и медведем плыли по Белой реке.

— А неплохая лодка. — Вим пнул по крутому металлическому борту. — Мотор, я полагаю, не работает?

— Нет.

— И починить нет никакой возможности?

Илаим провел рукой над мотором.

— Многие части разрушились. Без них я не могу заставить его работать.

— Жаль... А весла? Их, я полагаю, нет?

— Другого корабля у меня нет, — сказал Илаим.

— В общем, ты хочешь, чтобы мы забрались в эту посудину и доверились течению? Хорошая перспектива.

— Это лучшее, что я могу вам предложить.

— Знаешь, один раз ты уже посылал нас покатиться. Мне как-то не хочется повторения, вот честно. Сразу скажи — что там будет? Водопады, пороги, что еще?

— Не будет порогов и водопадов. — Прозрачный человек отвернулся. — Это спокойная река.

— Ладно, придется поверить на слово. Помоги-ка...

Присев на корточки, Вим взялся за край борта и слегка приподнял лодку. Она оказалась тяжелее, чем он думал, но Илаим, взявшись одной рукой, легко перевернул ее и столкнул в воду. Вима окатило холодными брызгами. Он отпрянул, ладонью вытирая лицо, и уважительно покосился на Прозрачного. А по виду ведь не скажешь, что он такой сильный...

— Ты ведь с нами не поплывешь?

Илаим кивнул.

— У меня свои пути.

По голосу Прозрачного Вим сразу понял — большего он от него не добьется.

— Давай, старушка. — Вим взглянул на Белку. — Посмотрим, куда приведет нас эта река?

Девочку не надо было уговаривать. Вим и глазом не успел моргнуть, а она уже запрыгнула в лодку и устроилась на корме.

— Снова в пути, — проговорил Вим, забираясь следом. — Не так уж плохо, если подумать... До скорой встречи?

Илаим не ответил. Вместо этого он оттолкнул лодку, и она разом оказалась на середине реки. По воде побежали невысокие волны.

До скорой встречи? Вим привстал, смотря на одинокую фигуру, оставшуюся на железном причале. Но Илаим исчез еще до того, как лодка скрылась за скальным уступом.

Илаим не обманул. Река и впрямь оказалась тихой и спокойной. Лодка плавно скользила по подземному ущелью, слегка покачиваясь на слабых волнах. Не чета поездке на вагонетке, о которой Вим вспоминал с содроганием. Сейчас же движение убаюкивало и успокаивало, словно он лежал в огромной колыбели. Пусть и жесткой, неудобной, но все же... Вим то и дело клевал носом, глаза слипались, и он едва держался, чтобы не уснуть. Усталость навалилась такая, что казалось, он не сможет поднять руку или лишний раз повернуть голову.

Белка и вовсе спала — отключилась, едва они успели отплыть. Краем глаза Вим видел, как девочка вздрагивает во сне, скрипит зубами и сжимает кулаки. Вряд ли ей снился хороший сон, но и будить ее он не рискнул. Пусть хоть так, но выспится. Сам он пока держался, но лишь потому, что боялся проспать какую-нибудь опасность. Конечно, Илаим обещал, что на реке не будет порогов и водопадов, но все же... Неприятно проснуться, падая в бездонную пропасть.

В подземном ущелье было светло. Камни и стены здесь покрывала некая плесень, похожая на пушистый ковер, с флюоресцирующими серебристо-голубыми ворсинками. Над нитями парили сверкающие серебристые пылинки — насекомые или же споры грибов. Красиво, конечно, — черная вода реки и мягкий свет стен... Но Вим был не в том состоянии, чтобы восхищаться чудесами природы.

Он не знал, как долго они плыли. Здесь, под землей, невозможно следить за временем. День, ночь — все едино, и внутренние часы отказались работать. Чтобы уследить за минутами, Вим начал играть «Shine On You Crazy Diamond»¹, но остановился на середине. Слишком вымученной получалась песня, да и эхо подземелий придавало ей чересчур мрачное звучание.

В итоге Вим махнул на все рукой. Он устроился на носу лодки и смотрел, как темная вода плещется о металлические борта. Мысли текли медленно и вяло. У него была тысяча вопросов, но сейчас совершенно не хотелось искать на них ответы. В любом путешествии наступает такой момент, когда не нужно ничего делать — надо довериться течению и смотреть, куда оно тебя вынесет.

За кормой раздался громкий всплеск, словно в воду упал большой камень. Вим быстро повернулся, однако ничего не заметил. Показалось? В подобных местах богатое воображение способно сыграть любую шутку. По черной воде бежали невысокие волны, поднятые лодкой, в остальном же река была тиха и спокойна. Точно показалось...

Всплеск повторился и прозвучал куда ближе. Белка открыла глаза и приподняла голову над бортом.

— Крупная рыба, — проговорила она заспанным голосом.

¹ Песня с альбома Pink Floyd «Wish You Were Here» (1975), посвященная бывшему члену группы Сиду Баррету. Название переводится как «Сияй, безумный бриллиант». На самом деле это композиция в девяти частях, общим временем около получаса, так что немудрено, что Вим выдохся, так и не доиграв ее до конца.

— Рыба? — Вим перегнулся через борт. — А рыба бы нам сейчас не помешала... Сашими всякие. Как бы только ее поймать?

В лодке не было ничего, что могло сойти за снасти. Хотя... Вим посмотрел на свои ботинки. Хорошие туристические ботинки с высокой шнуровкой. А по сути, ведь все, что нужно, — леса, крючок и наживка. Если связать шнурки вместе, получится не самая плохая леса. Наживка? Вполне сойдет что-нибудь блестящее... Да тот же артефакт. Чем не блесна?

Воодушевленный этой идеей, Вим принялся расшнуровывать ботинки.

— У тебя нет чего-нибудь твердого и острого?

Белка нахмурилась.

— Чего-нибудь похожего на крючок? Не знаю там, наконечник стрелы или что-нибудь в этом духе? Острой кривой кости?

Он посмотрел на многочисленные косички девочки. Сейчас ее прическа выглядела растрепанной, волосы торчали во все стороны, соколиные перья переломались... Чудо, что бандерлоги все не повыдергивали.

Заметив его взгляд, Белка провела рукой по волосам.

— Острой кости?

Она задумалась, а затем принялась расплести одну из косичек. Вскоре на ее ладони лежала короткая раздвоенная кость.

— Здесь живет тень лисы, — многозначительно сказала Белка. — Я добыла ее две зимы назад.

— Отлично! — Вим торжествующе усмехнулся. — То что нужно. Думаю, твоя лиса только порадуетя возможности порыбачить.

Он обломил кусочек кости, чтобы получился острый край, и привязал к шнурку. Чуть выше он закрепил фигурку совы. Умом он понимал, что на подобную удочку может клюнуть только рыба, страдающая крайней степенью кретинизма. С другой стороны, станет ли умная рыба жить столь глубоко под землей? Так почему бы не попробовать?

Он закинул свою импровизированную удочку в воду.

— Ловись, ловись, рыбка... Большая и маленькая...

Вим быстро смотал лесу. Естественно, ничего не вытащил. Вторая, третья, четвертая попытки прошли с тем же нулевым результатом. Может, рыба здесь и была глупой, но не настолько, чтобы клевать на артефакты. Тем не менее Вим снова забросил удочку, пристально всматриваясь в воду.

В черной глубине мелькнуло что-то большое и белое. Проплыло мимо лодки на расстоянии не больше метра. Вим замер, не смея пошевелиться. Краем уха он услышал, как тихо ойкнула Белка.

Некоторое время существо плыло параллельно лодке. Длинная извивающаяся белая лента. А затем вода вспенилась, и существо рванулось на поверхность.

И это была вовсе не рыба.

ГЛАВА 7

ЗМЕИ И ЛЕСТНИЦЫ

— Главное — не делай резких движений, — тихо проговорил Вим.

Белка сглотнула. Она крепко держалась за холодные борта, но руки дрожали. Крик липким комком застрял в горле.

Слегка покачиваясь, над лодкой нависла гигантская белая змея.

Самая большая змея, которую встречала Белка, была не длиннее ее руки. Эта же тварь оказалась минимум в три раза длиннее лодки. Точнее сказать сложно — большая часть извивающегося тела скрывалась под водой. Белка видела лишь шею, толстую, как ствол дерева, да приплюснутую треугольную голову, размером с голову бизона. По плотной белоснежной коже скользили радужные разводы. Сразу за головой виднелись ярко-красные лохмотья, похожие на клочья окровавленной шкуры.

Веки твари срослись, виднелись лишь выпуклые шары, перекатывающиеся под кожей. В то же время Белка не могла избавиться от чувства, что змея пристально на нее смотрит, разглядывает, изучает... Мелькнул бледно-розовый язык длиной с ладонь.

Змея не нападала. Просто плыла рядом с лодкой, не отставая ни на шаг. Длинное тело плавно извивалось под водой, голова же оставалась высоко поднятой. Кроме тихого плеска чудовище не издавало ни звука. Пасть твари была закрыта, но Белка очень живо представила огромные клыки, блестящие от капель яда. Да ей и не нужен яд! В один присест эта змея могла откусить ей голову, а то и проглотить целиком.

Вим постарался отползти подальше от змеи. Вот только бежать им было некуда. Прыгать в воду глупо — змея настигнет их прежде, чем они доберутся до берега. Проще уж сразу шагнуть ей в пасть. Вим вытер со лба капли воды.

— Вот и порыбачили. Проклятье... Хороший улов. Осталось понять, кто кого поймал.

Голова змеи повернулась в его сторону. Вновь метнулся длинный язык, словно змея облизывалась, предвкушая хороший и сытный обед. Она качнулась, наклоняясь ближе к лодке. При желании Белка могла бы погладить ее по холодной и гладкой, как у лягушки, шкуре. Белка содрогнулась от омерзения, только представив это. Змеи ничем не лучше пауков.

— Подземный змей, — пробормотал Вим. — Как мило. Великий Полоз, Пифон и Апоп¹. Для полноты картины ему осталось только прикусить собственный хвост.

— Зачем? — зашептала Белка. — Зачем змее кусать собственный хвост?

— Как бы сказать попроще? Всякая тварь стремится к завершенности. Змея, кусающая собственный хвост, — древний хтонический символ. А раз уж мы в хтоническом царстве...

Змея рванулась вперед. Ее голова оказалась почти вплотную к бледному лицу Вима. Он замолчал. Белка видела, как задрожала жилка на его шее. Однако Вим не закричал и не попытался отползти; широко раскрытыми глазами он смотрел прямо на чудовище. И то отступило. С завораживающей плавностью змея отстранилась и снова нависла над лодкой. Глаза под сросшимися веками медленно вращались.

Вим выдохнул сквозь сжатые зубы.

¹ Как всегда, Вим смешивает все в одну кучу. Апоп — в египетской мифологии огромный змей, обитающий под землей, враг бога солнца Ра. Великий Полоз — существо из «Сказов» Бажова, всему золоту хозяин. Пифон — в древнегреческой мифологии дракон, сын богини земли Геи, охранявший вход в Дельфийское прорицалище и убитый Аполлоном. «Змея» же, встреченная Вимом и Белкой, скорее всего и вовсе амфибия, вроде протей, о чем свидетельствуют наружные жабры.

— Так, старушка, надежда только на тебя... Попробуешь забраться в голову нашей красотки? Объяснить ей, что обед лучше поискать в другом месте?

Белка кивнула. Стараясь не делать лишних движений, она вытащила фигурку Хранителя Рода. В этот момент лодка качнулась, и маленький Медведь чуть не выскользнул из руки, будто он хотел вырваться на свободу, но Белка вовремя сжала пальцы. Закрыв глаза, девочка представила огромную белую змею.

...Вода струилась вокруг ее гибкого тела. Белка ощущала, как дрожит поток, чувствовала каждую волну, катящуюся от лодки... Зрением, которое не имело никакого отношения к глазам, она видела волны тепла, поднимающиеся от двух тел посреди холодного моря. Она замечала каждое их движение, слышала малейший выдох... От нее невозможно спрятаться...

Именно тепло и привело сюда змею. Чудовище следовало за ними с того момента, как они сели в лодку. Выжидало, подбираясь ближе и ближе, пока наконец не предстало во всей красе. Тварь не была голодна, но они вторглись в ее владения. А чужакам здесь не место.

Образы в голове змеи двигались медленно и плавно. У Белки не получалось за них зацепиться. Стоило только настроиться на какую-нибудь мысль, как она ускользала от нее, утекала, как мелкий песок сквозь пальцы. Управлять же ими — все равно что пытаться изменить ход течения реки.

— Мы не враги... — зашептала Белка. — Уходи... Плыви назад...

Фигурка Медведя ледяным холодом жгла ладонь. Белка едва сдерживалась, чтобы не отбросить ее в сторону. А следом за болью пришла и слабость — словно волна прокатилась от запястья по всему телу. Плечи девочки опустились; Белка прижалась спиной к борту лодки, чувствуя, что еще немного — и она потеряет сознание.

— Уходи... пожалуйста...

Если змея и услышала мысленный зов, то никак на него не отреагировала. Плоская голова раскачивалась над лодкой, змея

и не думала отставать. Красные лохмотья на шее вздымались и опадали. Не нападала она лишь потому, что еще не решила, насколько опасны чужаки, и давала им время самим убраться из ее владений. Но так не могло продолжаться бесконечно. Рано или поздно чудовищу придется атаковать.

В мыслях змеи промелькнул образ полузатопленной пещеры. Белка увидела узкую щель — разлом в стене, в который человеку и не протиснуться. Внутри же... В мелкой воде покачивались горы блестящих яиц размером с кулак, скользких, как лягушачья икра. Вон оно что... Змея защищает свое гнездо!

— Уходи... Мы не причиним вреда твоим детям...

Чудище отстранилось. Голова его скрылась под водой, лишь скользила за бортом расплывающаяся белая лента. Но не успела Белка обрадоваться, как змея вновь появилась с другой стороны лодки. Они подплыли слишком близко к гнезду; страх за потомство оказался куда сильнее голоса Белки. Змея громко пискнула, как огромная летучая мышь. В приоткрытой пасти блеснули треугольные зубы, каждый размером с палец.

Волны слабости накатывали одна за другой. Нет... Как ни старайся, но убедить чудовище оставить их в покое не получится. Змея решила, что ее гнезду угрожает опасность, и эта мысль вытеснила остальные. Но если ее нельзя изменить, может, получится направить в другую сторону?

— Обернись... Другой змей подбирается к твоим детям... неужели ты не видишь? Он за тобой.

Чудище завертело головой. Белка почувствовала, как разгорается его страх. Другая змея? Рядом... Готовая пробраться в гнездо и сожрать всю кладку. Да вот же она! И волна, отходящая от сильного гибкого тела.

Извернувшись, змея впилась зубами в собственный хвост и закружилась в бесконечном кольце. Вспышка боли заставила Белку разжать руку; фигурка Хранителя Рода со стуком упала на дно лодки. Боль ушла, осталась лишь всепоглощающая слабость.

А лодка быстро уплывала от чудовища, в ярости пожирающего самое себя.

— Ничего себе, — проговорил Вим, провожая змею взглядом. — Ну ты даешь! Ты в самом деле заставила ее съесть собственный хвост!

В его голосе прозвучало восхищение. Белка закрыла глаза и провалилась в пустой черный сон без сновидений.

— Просыпайся, — голос прозвучал совсем близко.

Кто-то легонько потянул ее за плечо. Белка застонала, переворачиваясь на бок. Открывать глаза не хотелось. Было холодно, мороз пробирал до костей. А раз холодно, значит — зима... Зимой же нужно больше спать, беречь силы. Скоро солнце вернется и снимет с Матери Аэйлы ледяные одежды, а пока... Белка пошарила рукой в поисках теплой шкуры, которой можно было укрыться с головой. И почему никто не развел костер?

Костер? Белка замерла. Сердце затрепетало, шея вмиг покрылась холодным потом.

Это же она должна следить за огнем! Всю ночь кормить его сухими ветками и корой. А она не смогла... Она уснула, и теперь очаг погас. Что она наделала! Зимой огонь не должен гаснуть, иначе как солнце найдет дорогу к Белой реке?

Белка чуть не взвыла от отчаянья. Она не смогла! И теперь из-за нее погибнет все племя. Теперь зима будет вечной!

— Ты в порядке? Плохой сон? Знаешь, лучшее средство избавиться от кошмаров — проснуться. Всегда помогает, стопроцентная гарантия.

Голос несколько не походил на голос старого Оолфа. Но разве не знахарь поручил ей следить за огнем? Белка приоткрыла один глаз.

Однако вместо стен хижины из веток, скрепленных промерзлой глиной, вместо остывших углей очага она увидела склонившееся над ней лицо. Худое, бледное, исцарапанное... Сперва девочка даже не поняла, кто это.

Белка отпрянула и больно ударилась затылком обо что-то твердое. Но вместе с болью пришло и осознание того, что случилось на самом деле и где она находится. Селение кайя осталось

далеко, там, где светит солнце, а вода в реке другого цвета. Костер и в самом деле погас, но не по ее вине. Сама Владычица Льда погасила тот огонь.

— Эй! Не бойся! Это же я. — Вим пригладил растрепанные волосы, ободряюще улыбнулся. — Может, и не лучшая картина со сна, но все не так плохо. Похоже, что мы приплыли.

Белка привсталла. Ее мутило; голова казалась такой тяжелой, словно ее вытесали из камня. Непонятно, как она вообще держится на шее.

— Приплыли? Куда?

— Если бы я знал, — сказал Вим. — Вот только река опять закончилась. К счастью, обошлось без водопадов. Не обманул наш прозрачный друг.

Он поднялся на ноги, и лодка закачалась. Только сейчас Белка поняла, что они остановились. Широкий нос лодки упирался в невысокую каменную стену. Когда Вим встал, его голова оказалась как раз вровень с ее краем. Внизу же Белка увидела несколько больших полукруглых отверстий, перегородженных толстыми прутьями. Именно туда и утекала вода, вскипая вокруг прутьев белой пеной и исчезая в крошечной темноте. Из глубины доносился мерный гул.

Белка дотронулась до стены. Та была сделана из ровных и гладких камней, подогнанных друг к другу без малейшего зазора. Камни покрывала липкая пленка водорослей. Белка брезгливо отдернула руку. На пальцах осталась холодная слизь.

Схватившись за край стены, Вим неловко подтянулся, забираясь вверх.

— Ого! — воскликнул он. — Однако...

Вим огляделся, приставив ладони ко лбу.

— Что там?

Белка встала, опираясь о скользкую стену. Но заглянуть за край она не могла: слишком высоко. Прыгать же в лодке девочка не рискнула: не хватало еще, чтобы суденышко опрокинулось и она упала в воду. А там ее утащит за решетки, в бездонную черную бездну.

— Держись, — присев на четвереньки, Вим протянул девочке руку.

Белка крепко схватилась за его запястье и, опираясь ногами о стену, вскарабкалась наверх. Мокасины скользили, но ей удалось удержаться. Придерживая девочку за локоть, Вим помог ей встать.

Наверху стены оказалась широкая ровная площадка. А с противоположной стороны раскинулась огромная пещера. Размерами она ничуть не уступала логову карликов. Только здесь было тихо — ни визга, ни криков, ни чудовищного рева... Ничего, кроме ровного гула воды за спиной. Белке слышала стук собственного сердца.

И повсюду был лед.

Белка уставилась на огромные колонны из мутного голубоватого льда. Из земли торчали громоздящиеся друг на друга ледяные плиты. Их края выглядели острыми, как лезвие ножа. В центре пещеры Белка увидела провал, окруженный длинными переплетенными палками. Из огромной ямы лился ровный красный свет, отсвечивая на ледяных колоннах и плитах.

У Белки перехватило дыхание. Она дошла? До самого Сердца Земли, в царство Владычицы Льда?

Внизу Белка заметила какие-то темные фигуры; очертаниями они могли сойти за человеческие, но, сколько Белка ни присматривалась, ни одна не пошевелилась. Увидела она и дома: несколько припорошенных инеем прямоугольных зданий, размером больше Длинного Дома навси, и еще какие-то сооружения, назначения которых она не поняла. В стороне стояло несколько десятков сцепленных друг с другом подземных лодок.

Белка нахмурилась. Но если это земли Владычицы Льда, где же тогда кайя? Где ее род? В селении, похоже, не было ни одного живого существа.

— Так значит, это и есть база? — проговорил Вим. — И сюда запрещен вход?

Он прошелся по краю площадки. Стена была высокой и крутой, просто так не спуститься. Внизу же опасно поблескивали

ледяные глыбы, похожие на наконечники копий. Дойдя до конца стены, Вим остановился.

— По ходу дела, у нас тут плотина и небольшая гидроэлектростанция, — проговорил он. — А я-то думал, откуда здесь электричество? Хорошая немецкая работа — все брошено, а продолжает функционировать...

— Вода, дающая огонь? — переспросила Белка. — Это колдовство?

— Можно сказать и так, — кивнул Вим. — Превращение элементов, алхимия в своем роде... Ага, нам сюда.

Из стены через равные промежутки торчали изогнутые прутья. Они были настолько тонкими, что Белка в жизни не рискнула бы по ним спускаться. То же самое, что лезть на дерево по тоненьким веточкам: стоит наступить — и они тут же обломятся. Но Вим безо всякого страха полез вниз, и ни один прут не прогнулся под его весом.

Белка прикусила губу. Раз уж он не боится, то она и подавно. Она же кайя... Внизу, на острие ледяной глыбы, вспыхнул красный отблеск, похожий на пятно крови.

— Ты чего-то ждешь?

Белка решительно шагнула к краю. Прутья и в самом деле оказались на удивление прочными: не сломались и не шелохнулись, пока она по ним карабкалась. Тем не менее Белка цеплялась за них так, что костяшки пальцев побелели; шершавая ребристая поверхность впивалась в кожу. После каждого шага Белка останавливалась, но все же находила силы ползти дальше. Внизу Вим извелся, дожидаясь, пока она спустится.

Только ступив на твердую землю, Белка почувствовала себя уверенней. Снизу стена уже не выглядела высокой, и стоило так переживать? Да и ледяные глыбы оказались не такими острыми. Хотя свалиться на них было бы неприятно.

Девочка поежилась. С этой стороны оказалось заметно холоднее. Мороз пощипывал кожу, с каждым выдохом изо рта вырывалось густое облачко пара.

— Только тихо, — сказал Вим, оглядываясь. — Вроде здесь никого нет, но мало ли.

Белка невольно прислушалась, но кроме гудения воды ничего не услышала.

— Перебежками до экскаватора, — прошептал Вим. — Думаю, ворота, о которых говорил наш прозрачный друг, находятся в той красной яме. Надеюсь, это не врата ада.

— Перебежками до чего?

Вим закатил глаза.

— Прости. До вон той штуки, — махнул он рукой. — Скажем так: это большая палка-копалка.

Белка склонила голову.

— Очень большая, — подвела она итог. — И неудобная.

Вим фыркнул.

— В яблочко. Ну что, вперед?

ГЛАВА 8

ХОЛОДНЫЕ ИГРЫ

Тонкая ледяная корка потрескивала под ногами. Белка бежала легко, не ступая на пятки. Почти бесшумно. Чего не сказать о Виме: тот громко топал, тяжело дышал и пыхтел, как загнанный олень. Девочка бросила раздраженный взгляд через плечо. Ведь сам же сказал: тихо! А шума от него больше, чем от лося, ломящегося через лесную чащу. Нужно быть совсем глухим, чтобы его не услышать.

Но, похоже, в подземном поселке и в самом деле никого не было. На участке между стеной и поселком спрятаться негде — Вим и Белка были видны как на ладони. Однако никто не вышел им навстречу, никто не окликнул; ни одна из темных фигур не пошевелилась. Сперва Белка приняла их за вырезанные из дерева статуи. Но тут же поняла, что это не так: здесь же земли Владычицы Льда, значит, и статуи — ледяные. И это не статуи — это люди, которых она заморозила!

Белка запнулась. Только не... Люди-кайя! Ее племя: это они? Владычица Льда забрала ее сородичей, чтобы превратить их в ледяные фигуры? Нет...

Девочка замотала головой, отказываясь верить, что такое возможно. Не для того она столько прошла, чтобы в конце пути найти лишь несколько ледышек.

Они подбежали достаточно близко к брошенному селению, и Белка смогла все хорошо разглядеть. Ближе всех стоял высокий светловолосый мужчина с поднятой рукой, будто он подавал кому-то знаки. На его бледно-голубом лице застыло недовольное

выражение. Черную одежду покрывал тонкий снежный налет. Мужчина был точно не из кайя... Он больше походил на одного из людей в черных шкурах, которые и забрали ее племя.

Чуть в стороне стояло еще двое, но и среди них не оказалось кайя. Все те же люди в черных шкурах; судя по выражению оледеневших лиц, один рассказывал другому веселую историю. Второй — хохотал; от одного взгляда на этот застывший смех становилось жутко.

Тем не менее Белка облегченно выдохнула. Так или иначе, но это не кайя, а значит, еще оставалась надежда, что ее сородичи живы.

Среди оледеневших людей Белка заметила и мохнатых карликов — около десятка их сгруппировались около подземных лодок. Девочка весьма удивилась, когда поняла, что, прежде чем превратиться в статуи, маленькие люди не пытались на кого-нибудь напасть. Наоборот — они работали, доставали из подземных лодок камни. Выражение на мордах было тупым, но не злобным: никаких вытаращенных глаз и оскаленных клыков. Они были одеты в мешковатые балахоны, со знаками, нарисованными на спине и груди. Рядом стоял еще один из людей в черных шкурах: одна рука вытянута вперед, рот раскрыт. Похоже, он указывал карликам, что те должны делать.

Белка услышала, как за спиной громко хмыкнул Вим.

— Надо же, карлики-рудокобы. Куда же без гномов-то?

Они добежали до конструкции, которую Вим называл «большой палкой-копалкой», и остановились под огромным ковшом с длинными торчащими зубьями. Белка догадалась, что эта штука нужна, чтобы рыть землю, но как именно — оставалось для нее загадкой. Потребуется человек десять только для того, чтобы сдвинуть подобный ковш с места.

Подняв голову, Белка увидела короб со стенкой из прозрачного льда. С той стороны она разглядела еще одного человека. Должно быть, при жизни его лицо было кирпично-красным, сейчас же приобрело бледно-розовый оттенок брюха форели. Замерзшие глаза белели как молоко.

— Только ничего не трогай, — предупредил Вим. — Эта штука может оказаться очень холодной... А я не знаю, как лечить обморожения.

Белка перевела дыхание. От холода у нее дрожали руки и плечи; зубы стучали; кожа покрылась мурашками. Белка подышала на ладони, чтобы немного согреть пальцы.

— Интересно, что здесь случилось? — сказал Вим, оглядываясь. — Я как-то видел кино про взрыв ядерной бомбы: там люди — раз! — и превратились в горстки пепла. А здесь, такое чувство, взорвалась ядерная бомба наоборот.

— Владычица Льда, — мрачно сказала Белка. — Она заморозила этих людей.

— Может быть, — сказал Вим. — Вопрос только — зачем?

Девочка пожала плечами.

— Потому что она злая. Она хочет, чтобы наступила вечная зима и никогда не светило солнце.

— Чудесная мотивация. Правда, здесь и без того никогда не светило солнце.

Вим почесал кончик носа.

— Теперь до того барака, — махнул он рукой. — Посмотрим, что там внутри.

Пригибаясь, они добежали до длинного прямоугольного дома. Из-за приоткрытой двери струился ровный мягкий свет. Желтые и красные пятна дрожали на ледяной корке под ногами.

Рядом с дверью они нашли еще трех замерзших человек — они сидели вокруг помоста на тонких ножках. Каждый из них держал в руках тонкие прямоугольники размером чуть меньше ладони; на помосте горкой лежали разноцветные кружочки.

— Пара троек, — пробормотал Вим, заглядывая через плечо одному из замерзших людей. — Не стоило повышать ставки с такими картами.

Белка промолчала. Глупо пытаться вникнуть в каждое слово Вима — ничем, кроме головной боли, это не закончится.

— Посмотри на их лица, — сказал Вим. Он осторожно дотронулся пальцем до одной из ледяных фигур. — Не знаю, что

именно здесь произошло, но это случилось мгновенно. Они даже не успели понять, что происходит... Прямо какой-то «Лед-девять»¹, не иначе.

Он шагнул к приоткрытой двери, заглядывая в дом. Белка осталась стоять у него за спиной. Ей совсем не нравился струившийся оттуда желтый свет. Он был какой-то неправильный — не слишком яркий, ровный и абсолютно безжизненный. И он ничуть не грел, словно Владычица Льда заморозила не только людей, но и само пламя.

Белка обернулась к яме, из которой лился красный свет — столь же безжизненный и ровный, как и свет из дома. А что, если там и в самом деле находится сердце земли?

Желудок Белки невольно сжался. Находилось... Пылающее, огненное, живое сердце. Но Владычица Льда заморозила его. Погубила. Как червь, который выедает ядро ореха, оставляя только пустую скорлупу. Теперь земля не сможет принести плодов, она превратится в мертвую ледяную пустыню.

— Ничего себе, — слышался голос Вима. — Ты только посмотри...

Он вошел в дом; чуть помедлив, Белка прошла следом. Внутри вдоль стен ровными рядами лежали небольшие желтые камни и ничего более. Белка пожала плечами, не понимая, что же так удивило Вима.

— Знаешь, что это?

Девочка покачала головой. Камни как камни, разве что желтые, блестящие и очень гладко обтесанные. Должно быть, много труда ушло на то, чтобы придать им такую форму. Вим взял один, повертел в руках и презрительно фыркнул.

¹ Лед-девять — вымышленное вещество из романа Курта Воннегута «Колыбель для кошки». Модификация воды, более стойкая, чем обычный лед. При контакте с жидкой водой действует как центр кристаллизации для соприкасающейся с ним воды, которая быстро затвердевает и тоже превращается в лед-девять. Попадая в любой водоем, сообщаящийся с Мировым океаном, лед-девять мог вызывать кристаллизацию большей части воды на Земле и гибель жизни на планете.

— Лови. — Вим бросил камень девочке.

Белка поймала его одной рукой и удивленно вскрикнула: камень оказался очень тяжелым, куда тяжелее, чем можно было подумать. Холодный настолько, что обжигал руки. Внутри блестящей поверхности Белка разглядела собственное мутное отражение. Ей не доводилось видеть настолько странных камней. Его мягкий блеск завораживал, переливался плавными волнами. Белка подумала, что неплохо бы отколоть от него несколько кусочков и вплести в косички. Словно кусочки самого солнца, упавшие на землю.

— Это золото... Не представляешь, сколько людей из-за него погибло. Или погибнет. Черт... — Вим прошелся вдоль сложенной из желтых камней стены. — Это даже круче, чем форт Нокс¹.

Он насвистел какой-то мотивчик и в ответ на недоуменный взгляд Белки пояснил:

— «Money»², «Pink Floyd»... Песенка как раз в тему. Я бы тебе ее сыграл, да холодновато здесь.

Он взял еще один из камней и долго смотрел на него, держа на вытянутой руке.

— Это, старушка, все зло мира. Концентрированное. И, я полагаю, самой высшей пробы.

— Зло? — Белка выронила блестящий камень и отскочила на полшага, словно тот вдруг превратился в мерзкого паука или змею.

Вим кивнул с самым серьезным видом.

— Правильный подход. Лучше не связывайся. Человечество еще успеет попасть в его сети, так что не стоит торопиться.

¹ Форт Нокс — военная база США, на территории которой расположено хранилище золотых запасов США, где находится около четырех тысяч тонн золота в слитках.

² «Money» («Деньги») — песня с альбома «The Dark Side of the Moon» (1973). Одна из самых известных песен группы и одна из самых удобных для насвистывания.

Он пошел дальше, по узкому проходу между сложенных желтых камней. Белка осторожно двинулась следом. Золото было повсюду, куда бы она ни посмотрела. Камень к камню, ровными аккуратными рядами. Под потолком горели тусклым светом длинные палки; Белка слышала монотонное жужжание, словно над головой кружила толстая пчела. Но отчего-то девочке казалось, что жужжит и светится само золото. Каждый отблеск на блестящей поверхности манил; хотелось остановиться и просто смотреть на переливы желтого света. Вот вытесать бы из этих камней нож, сделать наконечники для копий...

Белка замотала головой. Кажется, она начала понимать, о чем говорил Вим, когда назвал эти камни злом. Если бы у нее был нож из золота, могла бы она ходить с ним на охоту? Или бы сидела и смотрела на переливы желтого света, пока бы не ослабла от голода? В этих камнях таилась какая-то особая сила... Духи, которые жили внутри них, не походили на заурядных духов камней и гор. Куда больше они напоминали тех духов, что жили в бездонных омутах и болотах. Похожие на клубки извивающихся змей: Белка легко представила, как они шевелятся внутри каждого желтого камня. Стоит подойти слишком близко...

— Никогда бы подумал, что такое увижу, — проговорил Вим. — В каждом слитке килограмма полтора-два. А всего здесь... Боюсь предположить. Несколько сот тонн, а то и на порядок больше.

Он взял один из камней. Белке почудилось, что духи-змеи обвилились вокруг его запястья и пальцев, скользя по ним узкими сверкающими лентами.

— Ни клейма, ни пробы... Ну и зачем в каменном веке столько золота? Тут нет ни одного банка. Еще несколько тысяч лет от этого хлама не будет никакой пользы.

Широко размахнувшись, Вим далеко отшвырнул желтый камень. Тот громко звякнул, ударившись о колонну из точно таких же камней.

— Всегда мечтал сделать что-то подобное, — сказал Вим в ответ на изумленный взгляд Белки. — Можно теперь хвастаться, что выбросил золотой слиток — поступок бессмысленный, но

красивый. Пойдем отсюда. У меня глаза болят от этого блеска. Того и гляди захочется захватить сувенир на память.

Лишь когда они вышли из дома, полного золота, Белка смогла вздохнуть свободнее. Словно с груди убрали тяжелый камень. Но стоило прикрыть глаза, она вновь увидела блестящие ряды желтых камней. Белка замотала головой, прогоняя наваждение.

Вим попытался закрыть дверь дома, но не смог сдвинуть ее с места. Пятясь, он задел спиной одного из замерзших людей. Ледяная фигура пошатнулась и упала набок. От удара голова откололась и откатилась в сторону. Белка вскрикнула, глядя на пустые глаза и застывшую улыбку.

— Э-э... — Лицо Вима, и без того бледное, как у мертвеца, стало совсем белым. — Прости, приятель. Честное слово — не хотел... Лучше пойдем отсюда. Мне здесь не нравится. Золото, лед и мертвые нацисты — боюсь предположить, что будет дальше. Надеюсь, мы не встретим Индиану Джонса.

Перебежками они добрались до соседнего здания. Белка не удивилась, когда выяснилось, что и оно заполнено золотыми камнями.

— Золото, золото, золото, — пробормотал Вим. — И зачем? Нельзя же быть таким жадным... Хотя если допустить, что эти парни работали вместе со своими друзьями из двадцатого века? Даже не нужны линзы — слишком ненадежный метод. Просто добываем в каменном веке золото: спокойно, без спешки, никто не мешает. Через несколько тысяч лет остается только откопать его в условленном месте. Умно, ничего не скажешь, и надежно, как в швейцарском банке.

Девочка прошла немного вперед, осматриваясь. Лед, всюду лед и ничего более. Она внимательно вглядывалась в лица ледяных статуй, но, к счастью, не увидела ни одного знакомого — среди этих людей не было кайя. Может, их следует искать в красной яме?

Белка поежилась. Провал в равной степени пугал и притягивал ее. Там ведь могло быть что угодно: Сердце Земли или ворота, которые она должна открыть для Илаима...

Белка резко остановилась. Вим, топавший позади, чуть не врезался ей в спину.

— Что...

— Там кто-то есть, — сказала Белка, глядя в сторону еще одного обледененного дома.

Вим удивленно поднял бровь.

— С чего ты взяла?

— Голоса. Там кто-то разговаривает.

Вим прислушался.

— Нет здесь никого, тебе померещилось. У меня самого нервы на пределе — тут что угодно может почудиться.

— Тсс! — зашипела Белка. — Ты можешь хоть немного помолчать?

— Ну... — начал Вим, но под взглядом Белки прикусил язык. — Ладно.

Он озадаченно посмотрел в сторону, в которую указывала девочка. Обычный дом, ничем не отличавшийся от прочих на базе. У входа — пара ледяных статуй, внутри наверняка опять золото...

Девочка пробежала вперед, прячась в тени стены. Когда она добралась до угла, все ее сомнения отпали: в доме в самом деле кто-то разговаривал. Тихо, почти шепотом; голос то и дело срывался на противное шипение и треск. Слов Белка не разобрала.

Рядом остановился Вим.

— Ага, — проговорил он. — Пожалуй, здесь нам бояться нечего. Пойдем.

Он легонько толкнул Белку в плечо.

— Там кто-то есть! — упрямо сказала девочка. Она задумалась, пытаясь представить, кто же способен издавать подобные шипящие звуки. — Это говорящая змея!

Вим покачал головой.

— Это говорящий ящик, — сказал он. — Радиопередатчик или что-то в этом роде.

Он зашагал к дому; Белка пошла следом. Она не хотела встречаться с говорящей змеей, но оставаться одной среди ледяных статуй ей хотелось еще меньше.

Держась за спиной Вима, девочка вошла в дом. Все оказалась именно так, как он и говорил: слова и шипение доносились из большого деревянного ящика на тонконогом помосте. Выпуклую переднюю стенку обтягивала шершавая черная шкура; деревянная крышка растрескалась от мороза, так что ледяные кристаллы пучками торчали в стороны.

Говорящей змеи девочка не заметила. Наверное, ее держали внутри ящика — поверить в это оказалось куда проще, чем в то, что кусок дерева способен разговаривать. Змея была очень старой: голос слабый, да и хрипела она через слово, точно беззубая старуха.

Напротив ящика сидел еще один замороженный человек; его правая рука отломилась и валялась на земле. На лице застыло сосредоточенное выражение — даже после смерти он продолжал внимательно слушать. Вим обошел его по кругу.

— Ага, — проговорил он. — Передатчик... Что и требовалось доказать.

— Что она говорит? — спросила Белка, не спуская глаз с ящика. Судя по его размерам, говорящая змея была не слишком большой.

— Центральная База вызывает станцию «Пангея-14», — перевел Вим. — Как-то так. Эта штука хрипит так, что ничего не разобрать. Динамики совсем испортились. Удивительно, что эта штука вообще работает.

— И что это значит?

Вим пожал плечами.

— Понятия не имею. В общих чертах — одна база вызывает другую. Но что еще за базы и станции... — Он развел руками. — Помнишь, что говорил наш прозрачный друг? Мол, эти туннели вырыли те, кто пришел после них? Эти ребята, похоже, развернулись здесь на всю катушку.

Он осторожно поднял заледеневшую руку. Окоченевшие пальцы сжимали тонкую пластину с обломанным краем. Вим поднес ее к самому носу, прищурился.

— Ничего не прочесть, — сказал он с досадой. — Похоже на запись радиogramмы... Смотри сюда.

Вим протянул замерзшую руку Белке. Девочка в ужасе отпрянула, но Вим, погруженный в собственные мысли, этого не заметил. Он указал на бессмысленный набор темных черточек в верхней части пластины. Их было почти не видно за мутной ледяной пленкой. В том месте, куда он ткнул пальцем, пластина осыпалась.

— Стандартный бланк, — объяснил Вим. — И здесь написано, что это станция «Пангея-8». Вызов же идет на четырнадцатую. То есть, получается, где-то есть еще тринадцать подобных станций.

Он замолчал, оглядываясь по сторонам. Выражение лица стало растерянным и изумленным. Вим положил руку рядом с говорящим ящиком и отступил на полшага.

— Минимум тринадцать, — тихо проговорил он.

По тону его голоса Белка догадалась, что случилось что-то страшное. Впрочем, Вим был скорее удивлен, чем напуган. Он принялся быстро загибать пальцы, что-то бормоча под нос.

Говорящая змея в ящике снова зашипела, выплевывая обрывки слов на непонятном языке.

— И опять вызов, — пробормотал Вим. — Голос идет по кругу, не меняются даже интонации. Похоже, это запись.

Он нагнулся к ящику и осмотрел его со всех сторон.

— Я вообще не понимаю, откуда идет сигнал. Мы вроде как под землей: радио не должно здесь работать. Если только нет внешней антенны на поверхности...

Протянув руку, Вим схватил какую-то палку.

— Как я и думал, — торжествующе сказал он. — Вот и нить Ариадны.

Палка на самом деле оказалась замерзшей веревкой. Вим потянул ее вверх; ледяная корка со звонким треском осыпалась на пол. Перебирая веревку руками, Вим немного прошел в глубь дома.

— Отлично. Эта штука должна вывести на поверхность, и там — здравствуй, солнце. Как думаешь, куда заведет нас этот клубок?

Белка не сдвинулась с места.

— Мы должны открыть ворота, — напомнила она. — Мы обещали Илаиму.

— Точно. — Вим разжал руки, и веревка упала. Он с раздражением оттолкнул ее ногой.

— Кайя всегда держат слово, — сказала Белка, убирая с лица косички.

— Я знаю. — Вим кивнул. — Ладно, глянем, что там внутри красной ямы.

Он двинулся к двери, но на полпути остановился и вернулся к говорящему ящику. Склонившись над ним, Вим принялся что-то крутить и нажимать. Белка решила, что он хочет освободить говорящую змею. Тем более, шипение прекратилось, и голоса стихли. На всякий случай она отступила к двери.

Перед ящиком стоял меховой шар, размером с кулак, на тонкой, как у гриба, ножке. Вим постучал по нему пальцем, выбив облачко инея. В ответ из ящика слышались громкие шипящие удары, словно кто-то пытался выбраться наружу. Белка отпрянула, но на этот раз обошлось. Говорящая змея осталась сидеть внутри.

Вим громко откашлялся и нагнулся к меховому шару.

— Привет, — сказал он. — Интернациональное сопротивление приветствует вас на волне первого «Свободного радио каменного века».

Говорящий ящик затрещал. Вим поморщился, прижал ладонь к уху. Но в другой руке уже появилась музыкальная коробочка.

— И сегодня в нашем репертуаре... Пусть будет «Run Like Hell»¹. Хорошая антифашистская песня.

Вим ухмыльнулся и заиграл очередную странную мелодию. Губы его посинели, руки дрожали от холода, но, несмотря на это, он доиграл песню до конца.

— Надеюсь, этот кавер «Pink Floyd» доставил вам несколько неприятных минут. На этом «Свободное радио каменного века» прощается с вами. До скорой встречи!

¹ Песня с альбома «The Wall» (1979)

ГЛАВА 9

ЗВЕЗДНЫЙ СТРАННИК

Слегка пошатываясь, Вим вышел из ангара. За спиной хрипел радиопередатчик. Уходя, Вим переключил его на прием, надеясь получить какой-нибудь ответ на свою выходку. Но в эфире не было ничего, кроме статического треска и хрипов. Может, его и слышали, но полностью проигнорировали.

Шутка, конечно, вышла не ахти. Циничная, злая, и все же мимо цели. Если нацисты заявили сюда из гитлеровской Германии, откуда им знать про «Pink Floyd»? Да и судя по масштабу деятельности, жили они здесь давно. Не исключено, что несколько десятилетий — чтобы превратить эти горы в швейцарский сыр, одного года мало.

Хотя сделано все это не человеческими руками. Вим посмотрел на ледяные фигуры бандерлогов, у вагонеток — каждый в робе с порядковым номером на спине. Люди на базе были только надсмотрщиками, а работы выполнялась карликами. И как только нацистам удалось их приручить?

Приручить? Вим нахмурился, вспомнив о чудовищном великане, который раньше был сородичем Белки. Если нацисты смогли сделать из человека гиганта, может, им под силу сделать и карлика? Ведь, если подумать, эти существа идеально приспособлены для работы в узких подземных переходах и шахтах.

Потом, когда на базе случилась неведомая «ледяная» катастрофа, уцелевшие карлики разбежались. Овцы, потерявшие пастыря, одичали и превратились в волков... Да еще и расплодились, как крысы. Может, воспоминания об этих существах и породили многочисленные мифы о «маленьком подземном народце»?

По узкой тропинке между пустыми ангарами Вим зашагал к котловану в центре станции. Белка шла следом; Вим не слышал ее шагов, только легкое прерывистое дыхание. Брови и ресницы девочки побелели от ледяных крупинок.

Ровный свет очерчивал края котлована кроваво-алым цветом, отчего тот походил на огромную пасть, распахнутую в немом крике. Стальные стойки лесов торчали по краям, точно длинные и тонкие зубы.

Вим поежился, и вовсе не от холода, царившего на базе. Уж слишком гладко все сходилось. Последний круг ада — ледяное озеро, в центре которого томится сам Люцифер. Вим подошел к краю котлована и остановился.

Люцифер, ангел, низвергнутый с неба.

— Что это? Ворота? — тихо спросила Белка, становясь рядом.

В огромных блестящих глазах отражались красные огни. Девочка сжала в кулаке одну из своих косичек.

— Нет. Это, старушка, космический корабль... По крайней мере, эта штука выглядит именно так, как должен выглядеть космический корабль.

Вим в жизни не видел ничего подобного. Самое далекое будущее, в которое ему доводилось забираться, — начало XXI века. А там подобные корабли встречались только в фантастических фильмах. Но никакие, даже самые дорогие спецэффекты не могли сравниться с реальностью.

Корабль был прекрасен. Огромный и в то же время настолько изящный, что дух захватывало. Каждым его изгибом, каждой деталью можно было любоваться бесконечно долго. Стремительные плавные обводы и тонкие остроконечные крылья — в нем было что-то от акулы, что-то от чайки. Выпуклые полусферы иллюминаторов дробились на тысячи граней, как глаза стрекозы. На корпусе пластины из серебристого металла чередовались со светящимися красными полосами из неизвестного Виму материала. Что-то вроде флюоресцирующего пластика или керамики. Корабль больше походил на живое существо, чем на творение человеческих рук.

Хотя не факт, что человеческих. Илаим сказал, что здесь находятся ворота, которые приведут его домой. Выходит, корабль сделали Прозрачные?

Ясно лишь то, что к нацистам он не имеет никакого отношения. Они его только нашли и откопали, и эту работу не довели до конца. Большая часть корабля скрывалась в глубине скальной породы. Каким образом звездолет оказался так глубоко под землей, можно только гадать. И как давно это случилось? Не исключено, что миллионы лет назад, во времена динозавров, или раньше — на настоящей Пангее.

— Что такое «космический корабль»?

Вим повернулся к Белке.

— М-м... Такая специальная лодка. Для путешествий среди звезд.

Девочка долго обдумывала его слова. Все-таки некоторые вещи для нее были слишком сложны. Она ведь даже не знала, что такое колесо.

— Лодка, которая плывет среди звезд? — в конце концов переспросила она. — Это луна? Та самая луна, которая свалилась на землю?

Вим нахмурился.

— Что значит «та самая луна»?

— Очень давно на небе было две луны, — объяснила Белка. — Так рассказывал Оолф. А еще он сказал, что из-за прозрачных людей эта луна упала на землю и разрушила селение с каменными шалашами. И теперь прозрачные люди ищут осколки луны, потому что в них заключены их души. Оолф сказал, фигурка Хранителя Рода — один из таких осколков. Думаю, твой дух-покровитель тоже.

— Мой дух-покровитель? — Вим растерялся.

— Сова, — объяснила Белка. — Я видела у тебя фигурку.

— А... Ну да. А совы не то, чем кажутся.

Вим снова посмотрел на корабль. Предметы — осколки луны? Все может быть. Если верить Илаиму, именно артефакты — тот ключ, который откроет ворота.

На боку звездного странника темнела высокая прямоугольная дыра. Точно уродливая рана — края ее выгибались наружу, похожие на ободранные лепестки цветка. К дыре вела шаткая лесенка из обледенелых металлических труб. Похоже, нацисты не только нашли корабль, но и смогли забраться внутрь. Пусть и изуродовав эту красоту. А что, если это вторжение и стало причиной ледяной катастрофы на базе? В любом случае: пока сам не увидишь — не узнаешь.

— Ну что, старушка, — сказал Вим, — прогуляемся по Луне? Маленький шаг для человека и так далее?

Лицо девочки озадаченно вытянулось. Она хотела что-то спросить, однако Вим уже зашагал к лесенке, тихонько насвистывая «A Saucerful of Secrets»¹. Белка вздохнула и поспешила следом.

Они спустились по раскачивающимся лесам и вскоре стояли перед кораблем. Вблизи он впечатлял еще больше. Вим дотронулся до серебристой пластины обшивки. К его удивлению, металл оказался теплым, точно нагретый солнцем. На гладкой поверхности Вим не заметил ни единой царапины, ни одной вмятины от столкновения с метеоритами — тех шрамов, которые обязаны украшать настоящего звездного странника. Не заметил он и соединяющих швов. Если бы не дыра, проделанная нацистами, можно было подумать, что корпус цельнолитой. Однако в разрезе становилось видно, что обшивка состоит минимум из десятка слоев из самых разнообразных материалов.

Сразу за вскрытой обшивкой виднелся коридор, такой узкий, что даже пара карликов не смогла бы там разминуться. Вим опасался, что внутри корабля окажется темно, но тут им повезло — по внутренним стенам тянулись полосы из светящегося красного пластика, как и снаружи звездолета.

Едва Вим заглянул внутрь, фигурка Совы задрожала в кармане. Невольно он прижал ее рукой и тут же почувствовал, что артефакт заметно нагрелся. Вим обернулся к Белке — девочка

¹ A Saucerful of Secrets («Блюдец, полное секретов») — инструментальная композиция с одноименного альбома (1968). Название намекает на «летающие блюда», космические корабли пришельцев.

так же прижимала фигурку Медведя, словно боялась, что та может сбежать.

— Хранитель Рода, — начала Белка, — он...

— Ага, — сказал Вим. — Похоже, мы нашли ворота.

Он забрался внутрь корабля, звук шагов разнесся гулким эхом. Артефакт прекратил вибрировать, однако напряжение осталось. Вим чувствовал, что фигурку что-то притягивает как магнит. Вот такой вот компас — зато теперь не нужно думать, в какую сторону идти.

Протянув руки, Вим помог Белке спуститься.

— Нам туда, — сказала девочка, глядя в глубь коридора. — Так говорит Хранитель Рода.

— Мой дух-покровитель, — Вим пальцами изобразил кавычки, — с ним согласен.

Они долго шли по узкому проходу, в котором не оказалось ни дверей, ни боковых ответвлений. В ряде мест обшивка была содрана и наружу торчали перепутанные провода, точно внутренности из вспоротого рыбьего брюха. Видать, нацисты постарались.

Коридор закончился тяжелой выдвижной дверью. То, что это дверь, Вим понял сразу: рядом на стене красовалась широкая кнопочная панель с нарисованным на ней соответствующим символом.

— Это ворота? — спросила Белка.

— Не думаю.

Вим надавил на широкую панель, и дверь с тихим шипением уползла вверх. Белка громко взвизгнула и отскочила.

— Не бойся, — сказал Вим. — Это просто автоматика.

Белка ничего не сказала, но на дверь посмотрела весьма уважительно.

Коридор по ту сторону оказался гораздо шире — там Вим смог развести руки. Красный светящийся пластик тянулся по потолку сплошной полосой. Не сказать, чтобы подобное освещение было комфортным. У Вима заболели глаза, будто кто-то давил на них пальцами. Но лучше уж так, чем блуждать в крошечной темноте.

Правая стена коридора представляла собой вереницу длинных аквариумов, разделенных тонкими перегородками. В высоту Вим насчитал восемь рядов. К сожалению, стекло побелело от наледи, и разглядеть, что находится внутри, было невозможно.

Фигурка в кармане тянула в глубь коридора. Стоило им войти, как дверь снова зашипела и встала на место. Белка нервно обернулась.

— Автоматика? — с нажимом она повторила незнакомое слово.

— Вроде того, — кивнул Вим.

— Какое странное имя для духа.

Вим хмыкнул.

Метров через десять проход плавно повернул вправо. Вим так увлекся разглядыванием обстановки корабля, что не смотрел под ноги. За что и поплатился: споткнулся обо что-то твердое и схватился за стену, чтобы не упасть. Выругавшись, Вим опустил взгляд и увидел ноги в высоких черных ботинках.

У стены лежал труп одного из нацистов — белобрысого парня с квадратной челюстью. Еще одна ледяная статуя, но на этот раз не холод стал причиной смерти. Из горла парня торчал широкий осколок стекла. На белом лице застыло обиженное выражение. В руке парень сжимал тяжелый молоток, рядом валялось зубило.

Вот оно что... Вим перевел взгляд и увидел, что стекло одного из аквариумов разбито. По стене и полу разлилось застывшее розовое месиво, явно выплеснувшееся из аквариума. Оно походило на растаявшее ягодное мороженое, которое вновь заморозили.

Похоже, нацистов заинтересовало содержимое аквариумов, вот они и решили взглянуть на него поближе. Но внутри оказалось слишком высокое давление: один удар молотком, трещинка — и аквариум разорвало изнутри. Осколки разлетелись шрапнелью, и парня убило на месте.

Вим подошел ближе, но в аквариуме не обнаружилось ничего, кроме противно-розового льда, из которого торчали перекрученные пластиковые трубки. И что же здесь было?

Вим перешел к соседнему аквариуму. Протер стекло ладонью, подышал и снова протер. Потребовалось около минуты, чтобы избавиться от наледи. Окошко получилось чуть больше кулака.

За стеклом колыхалась вязкая розовая жидкость, в которой поднимались большие пузыри. В глубине аквариума шевельнулась какая-то тень. Что-то медленно повернулось, и Вим увидел обращенное к нему лицо.

Вим отпрянул. Существо определенно напоминало человека, и в то же время... Бледное лицо было распухшим и абсолютно безволосым — ни ресниц, ни бровей. Кожа на щеках свисала дряблыми складками, безгубый рот застыл в широкой улыбке.

Вим вздрогнул, сообразив, кого ему напоминает это существо. Это же уменьшенная копия Хозяйки бандерлогов! Просто невероятно, как подобная мерзость могла оказаться на столь прекрасном корабле... И не одна. Только в этом коридоре находилось не меньше сотни аквариумов.

Глаза существа были широко открыты, но взгляд — пустой и невидящий. Гофрированные трубки тянулись от затылка и шеи, исчезая в глубине аквариума. Уголок рта дернулся; большой пузырь надулся и лопнул, разбившись на десяток маленьких пузырьков. Виму показалось, что существо хохочет.

Он попятился. Жуть... Хороший же груз перевозил звездолет! А если каждая из этих тварей способна вырасти до размеров царицы бандерлогов? Да еще и будет обладать ее телепатическими способностями? Корабль и в самом деле был подобен Люциферу: прекрасный снаружи и насквозь гнилой внутри.

Стараясь не приближаться к стене с аквариумами, Вим зашагал дальше. Милые дела здесь творятся... Что, если нацисты закрыли базу не из-за ледяной катастрофы? Причиной вполне могла быть эта находка. Когда нацисты сообразили, что попало им в руки, они поспешили свернуть всю деятельность. Заморозили станцию в буквальном смысле слова — не пощадив своих же товарищей. Вот только все заморозить у них не получилось. Одному существу удалось сбежать. Хотелось надеяться, что только одному.

Неожиданно впереди слышались тихие шлепающие шаги. Вим резко остановился. Ощущения были такие, словно на него вылили ведро ледяной воды. Глядя на его изменившееся лицо, Белка сжалась.

— Что... что случилось?

Девочка прищурилась, вглядываясь в сторону, в которую смотрел Вим. Разумеется, ничего там не было.

Вим замотал головой. Видать, воображение сыграло злую шутку. Он услышал эхо собственных шагов или что-то в этом роде.

— Все в порядке. Показалось. Ладно, пойдем... Если верить моему духу-покровителю, осталось немного.

Фигурка Совы почти звенела от напряжения. Казалось, если вытащить ее из кармана и положить на пол, то она сама покажется к цели.

Но не успел Вим сделать и шага, как раздался мерзкий визг. Звук тянулся долго, словно кто-то очень старательно царапал ржавым гвоздем по грифельной доске. Он оборвался на самой тонкой и визгливой ноте, а на смену ему слышалось противное хихиканье.

— Вот черт... — тихо сказал Вим.

Сложно сказать, откуда доносится голос. Одновременно он звучал и за спиной, и впереди, и над головой. Омерзительный булькающий смех, от которого кровь стыла в жилах.

— Что это?

Белка испуганно озиралась, крепко сжав кулаки.

— Страж, — проговорил Вим. — Хихикающий Демон. Вот уж кого не ожидал здесь встретить.

— Демон? — переспросила девочка. — Злой дух?

— Добрым его точно не назовешь... Быстрее. Нужно сейчас же уходить отсюда.

Вим развернулся к выходу с корабля. Обещание обещанием, но в условиях сделки не было ничего про Хихикающего Демона. С этими делами Илаим пусть разбирается без его помощи.

Откуда вообще здесь взялся Демон? Все Стражи держатся рядом с Башнями, а поблизости не было и не должно было быть ничего подобного. Остаются линзы... Здесь может быть линза?

Вим судорожно принялся складывать вектора, но тут же бросил это дело. Рассчитать расположение стабильных линз несложно. Все они находятся на пересечении силовых линий от Башен... Но по-хорошему нужны карта, транспортир, циркуль и часа два свободного времени. А главное — нужно знать собственные координаты, чем Вим похвастаться никак не мог. По сути, он мог находиться *где угодно*.

Значит, линза... Так вот какие ворота просил их открыть Прозрачный! И ясно, почему Илаим не пошел с ними. Небось знал, кого они тут встретят! Чтоб он еще хоть раз в жизни поверил Прозрачному! И судя по доносящемуся хохоту, эта жизнь могла закончиться очень скоро.

Схватив растерявшуюся Белку за плечо, Вим потащил ее к двери. У них еще было время выбраться, не так далеко они зашли. А на станции Демон, скорее всего, не будет их преследовать. Все-таки он Страж, а не Охотник.

От рывка Белка запнулась и упала на колени. Вим торопливо помог ей подняться. Эта секундная задержка и спасла им жизнь. Вим не успел нажать на панель, открывающую дверь.

От сильнейшего удара металлическая дверь выгнулась внутрь. Вим увидел проступивший отпечаток огромной ладони с длинными пальцами. Белка заверещала.

Не отпуская руки девочки, Вим попятился. Тяжелая дверь вновь пошатнулась. Хорошо еще у нее не было петель, иначе Страж давно бы ее выбил. Правда, дверь открывалась одним нажатием на соответствующую панель. Пусть сообразительностью Стражи не отличались, но если Демон и дальше будет молотить руками, то в конце концов ее заденет.

— Бежим, — выдохнул Вим. Ломать голову над тем, как Демон оказался у них за спиной, не было времени.

Девочку не нужно было уговаривать. Один вид ладони, от удара которой гнется металл, придаст силы кому угодно. Со всех

ног они бросились вверх по коридору под несмолкаемый хохот Демона.

Звук доносился из крошечных отверстий под потолком; похоже, там находилась вентиляционная шахта. Хотелось надеяться, что для самого Стража тот проход слишком тесный и он не обгонит их сверху. Не хватало еще в конце пути угодить прямоком ему в лапы.

Громко топая, они бежали по коридору космического корабля. Когда на пути попадались двери, Вим и Белка пролезали под ними, не дожидаясь, пока те откроются полностью. Дикий смех постепенно стал стихать, но Вим прекрасно понимал, что это временная передышка. Так просто свою добычу Страж не отпустит.

Корабль оказался гораздо больше, чем можно было подумать. Виму уже начало казаться, что коридоры никогда не кончатся и они с Белкой так и будут бегать, пока не свалятся от усталости. Вот тогда-то Страж их и настигнет... Зачем ему торопиться, если с корабля добыча никуда не денется?

Единственная надежда — найти пресловутые ворота раньше, чем Демон до них доберется. Вот тогда явится Илаим, и пусть он сам разбирается с этой тварью. Должны же у Прозрачных быть свои методы борьбы со Стражами?

— Туда!

Белка махнула рукой в сторону узкого прохода. Туда же тянула и фигурка Совы. Однако не успели они повернуть, как вновь послышался хохот Стража. И совсем близко. На секунду Виму показалось, что Демон уже дышит ему в затылок. Он за поворотом — не дальше. Еще немного — и можно прощаться с жизнью.

Проход заканчивался очередной выдвижной дверью. Белка прижалась к ней щекой.

— Автоматика, пожалуйста, пусти нас!

Вим хлопнул по открывающей панели, и дверь шипя поползла вверх.

— Спасибо, добрый дух. — Девочка юркнула под дверь. Вим поспешил следом. — А теперь опусти эту стену!

Автоматика выполнила и эту ее просьбу. Дверь не открылась и наполовину и тут же стала закрываться.

Вим вскочил на ноги.

— Проклятье... — Он быстро огляделся. — Тупик. Черт, мы в ловушке!

— Это здесь, — выдохнула Белка. — Ворота.

— Вижу... — Вим обернулся.

Страж еще не добрался до двери, но смех его звучал все ближе. И если он уже разобрался с тем, как открываются двери, времени у них не осталось.

Фигурка в кармане совсем свихнулась. Казалось, еще немного — и она выпрыгнет наружу. Ткань куртки заметно топорщилась. Ну и где же замочная скважина?

Комната оказалась маленькой, не больше пяти шагов в поперечнике. В центре ее на полу лежал толстый диск из серебристого металла, диаметром чуть больше метра. Точно такой же диск был закреплен на потолке. Но вовсе не они притягивали артефакт.

На стене рядом с дверью Вим увидел выступающую панель с круглым углублением посередине. Выгравированная сверху надпись предупреждающе светилась красным. Алфавит показался Виму знакомым, но он не смог вспомнить, где видел подобные знаки. Жаль, вавилонская глоссолалия не позволяла читать тексты на незнакомых языках.

Вим вытащил из кармана фигурку Совы и шагнул к панели. В тот же момент артефакт вырвался из пальцев и со щелчком встал в круглое углубление. Светящаяся надпись сменила свой цвет на зеленый.

— И все? А что дальше? Где...

Послышался тихий гул. Площадка в центре зала задрожала. По краю диска забегали тонкие молнии. И, точно отражение в зеркале, такие же молнии заплясали по верхней пластине. Они становились все длиннее и толще. Одна проскочила от верхнего диска к нижнему. Вторая, третья... Пока в глазах не зареяло от ярких вспышек. Линза распустилась, точно цветок, в окружении сверкающих по краю молний.

— Искусственная линза? — выдохнул Вим. — Черт... Первый раз такое вижу.

— Иску... Что?

— Ворота. Те самые ворота, которые просил открыть наш прозрачный друг... Ну и где же он сам?

Вим нервно огляделся. Почему-то казалось, что Илаим должен прямо сейчас материализоваться из воздуха, как он умеет. Или он выйдет из линзы?

Но Прозрачный явно не торопился. В комнате не было никого, кроме Вима и Белки. И судя по приближающему отвратительному смеху, следующим здесь появится Демон. Он же здесь и останется.

Вим посмотрел на дверь. Может, и почудилось, но он отчетливо услышал скрип когтей по металлу.

— Все, старушка, уходим... Нет времени ждать нашего друга. Пусть он сам со всем этим разбирается.

— Уходим? — затравленно проговорила Белка. — Куда?

— Если бы я знал... Туда, куда нас забросит эта линза. Главное, что подальше отсюда.

— Здесь нет выхода. — Девочка всхлипнула. — Он доберется до нас и...

— Выход перед тобой, — начал Вим и тут же сообразил, что Белка смотрит на линзу под углом и не может ее видеть.

Он схватил девочку за руку. В тот же момент Страж налетел на дверь. От отвратительного скипа заложило уши. Демон пытался когтями разодрать металлическую перегородку. И Вим ничуть не сомневался, что Страж на это способен. От удара содрогнулись стены. Фигурку Совы едва не выбило из гнезда.

— Видишь свет? Светящееся окно в воздухе? Прыгай туда!

— Но...

Вим толкнул Белку в линзу. Девочка не успела и вскрикнуть, как уже исчезла в мерцающем свете.

Вим обернулся и увидел, что дверь чуть приподнялась. В образовавшейся щели показалась ладонь с неестественно длинными пальцами. И Вим был готов поклясться, что суставов на этих

пальцах куда больше, чем полагается. Длинные когти заскребли по полу, оставляя на металле глубокие борозды.

Вим почувствовал, что не может пошевелиться. Смех Демона звенел в ушах, лишая воли. Вот и все... Попался в одном шаге от спасения.

Вим зажмурился и до крови прикусил губу. Боль помогла сбросить наваждение. Чувствуя, что добыча ускользает, Демон захохотал еще громче и навалился на дверь. Но поздно. Сплевывая кровь, Вим шагнул к линзе.

Последнее, что он успел заметить, — маленькую фигурку Совы. Новый удар Стража выбил артефакт, и тот, сверкнув в воздухе, упал на пол. Линза задрожала, истончаясь на глазах. Свет покрылся рябью, точно экран телевизора, включенного на мертвый канал. Не медля и мгновения, Вим прыгнул вперед.

А затем свет линзы поглотил его, и Вим почувствовал, что падает в пропасть. Возврата из которой не будет.

ГЛАВА 10

ЗЕМЛЯ МЕРТВЫХ

— Красивый у вас амулет, — сказал Рашер, не спуская глаз с серебристой фигурки Моржа. Хель держала ее двумя пальцами, постукивая по крышке стола. Вагнер, само собой.

— Амулет? — Губы Хель едва заметно дернулись. Настоящую улыбку она себе позволить не могла.

— Ну да, — сказал доктор Рашер. — Этот Морж. Очень тонкая работа...

— Амулет? — Хель покачала головой. — Нет. Я не суеверна, чтобы держать у себя всяческие амулеты и талисманы. Игрушки для дикарей, оставьте их вашей белокурой красоте.

Рашер дернулся. Это была явная провокация, но его так просто не возьмешь.

— Красоте? — переспросил он как можно непринужденнее. Голос прозвучал сипло. — А! Вы про девушку из леса...

— К чему эти игры, Зигмунд? — перебила его Хель. — Она действительно красавица, пусть это и дикая варварская красота. И я знаю, что она вам нравится. Пожалуйста — если это не мешает вашей работе, меня это не интересует.

— Хм... Вы же знаете, что для меня работа стоит на первом месте...

— Надеюсь, Зигмунд, это действительно так.

Доктор мысленно выругался. Но если быть честным, Хель была права. Дикарка и в самом деле его зацепила. Красивая, стройная, юная; и глаза — самого синего цвета, какой он когда-либо видел. Доктор не думал, что придется на собственной шкуре испытать, что такое «утонуть в глазах». В его-то возрасте...

В девушке было что-то... нордическое? Пожалуй, это слово будет самым правильным. Не чета рыжему косоглазому дикарю, которого поймали спустя полчаса в том же лесу. Вот уж кто точно настоящее животное. Ничуть не лучше гигантского медведя — нового любимца Хель.

Тем не менее доктор старался не показывать, что девушка ему интересна. Низшие чины не брезговали использовать дикарей для «удовлетворения личных потребностей». Но Рашер был офицером, а среди них подобное поведение не одобрялось. Мягко говоря, считалось извращением: это же дикари, *животные*... Потому доктор старался сохранять лицо. По его распоряжению девушку поместили в обыкновенный женский барак, вместе с остальными дикарками. Рашер даже не заходил туда без особой необходимости. Впрочем, необходимость еще была: девушка пока не пришла в себя, и приходилось периодически проверять ее состояние.

Но как Хель удалось его раскусить? Прав фельдфебель Ульф, назвав ее ведьмой. Каждого работника станции Хель видела насквозь.

Доктор незаметно, как ему казалось, облизал пересохшие губы.

— Ну ладно. Пусть не амулет... Все равно красивое украшение. Откуда он у вас? Семейная реликвия?

Фигурка Моржа замерла над столом; «Полет валькирий» оборвался так резко, словно гордым воительницам подрезали крылья. Хель повернулась, обратив к доктору демоническую половину своего лица. Череп, обтянутый прозрачной кожей; глаз внутри глазницы казался огромным, как бильярдный шар. Сейчас он был обычного цвета, но Рашеру стало не по себе.

Что не так? Доктор понимал, что сболтнул что-то лишнее. Сказал что-то, что не должно было срываться с его языка. Но что именно? Упомянул ее семью?

Легким движением руки Хель поправила прическу. Белые волосы взметнулись, как медленная метель. Снежная буря, из которой на Рашера скалилась сама Смерть. Доктор почувствовал, что падает в пропасть.

Наваждение длилось всего мгновение, а затем Хель снова повернулась к доктору прекрасной половиной лица.

— Нет... Я нашла его. На станции «Пангея-8», как раз перед тем, как ее пришлось закрыть.

В кабинете Хель было холодно, как в морозильной камере. Но Рашер вспотел так, словно побывал в турецкой бане.

Когда они вернулись из лесной экспедиции, доктор пытался выяснить, чем же занимались на станции «Пангея-8» и почему ее закрыли. Доктор перерыл архив, спрашивал людей, от корки до корки прочитал журнал радиосводок, но ничего не нашел. Документы, если они существовали, были уничтожены. Никто из работников станции никогда не бывал на «Пангее-8» дальше ворот.

Только пилот Франц как-то обмолвился, что место то проклятое. Геликоптер, который отвозил образец девяносто семь на «полевые исследования», разбился безо всякой причины, хотя машина была исправна и пилоты «знали свое дело». И вроде это не единичный случай — подобное случалось и раньше. После чего Франц, сверкая стеклами зеркальных очков, заявил, что если кто и знает, какие дела творились на «Пангее-8», так это «фрау начальник станции», и почему бы Рашеру не спросить у нее самой?

Франц был парнем неглупым. И он умел говорить намеками. «Хорошие пилоты» с разбившегося геликоптера: они наверняка узнали, что-то про станцию — и что с ними стало? Конечно, Рашер ходил у Хель в любимчиках... Но с ней ни в чем нельзя быть уверенным.

На всякий случай доктор решил сменить тему.

— Ваш медведь, — сказал он. — Вы правы, это в самом деле уникальный образец.

Хель кивнула. После возвращения из экспедиции начальник станции приказала построить для медведя отдельный загон. Доктор не сомневался, что у Хель есть особые планы на этого зверя, но какие именно — он даже не догадывался.

— Дело не только в размерах, — сказал доктор, наконец почувствовав под ногами твердую почву. — Это животное совершенно не боится людей.

— Разумеется, — кивнула Хель. — Люди для него не более чем добыча. С чего ему нас бояться?

— Не в том смысле. — Рашер замотал головой. — Медведь не боится людей так же, как их не боится, например, собака.

Хель удивленно приподняла бровь, и доктор продолжил:

— Он ни разу не пытался напасть на обслуживающий персонал. Он вообще очень дружелюбно относится к людям. Если бы такое было возможно, я бы сказал, что это *одомашненный* медведь. Такое чувство, что ему уже доводилось иметь дело с людьми... И еще — он очень музыкален.

— Что? — спросила Хель. Доктор почувствовал себя глупо.

— Музыкален, — повторил он. — Этот медведь поет... Вы знаете Йозефа, который следит за зверинцем? У него есть хобби — он играет на губной гармошке. Так вот, как-то он решил порепетировать рядом с медвежьим загонем. И, представьте, зверь стал ему подпевать! На свой манер, конечно, но Йозеф утверждает, что «Эрику»¹ он прорычал лучше многих на станции...

— «Эрику»... — протянула Хель. — Одна моя знакомая любила эту песню. — Тут же на лице ее появилось жесткое выражение. — Передайте Йозефу, чтобы впредь он не играл свои песенки рядом с медведем. Мне нужен хищный зверь, а не цирковой клоун.

— Есть! — Доктор чуть ли не подскочил на стуле.

— Вы забываете, Зигмунд, что ваш музыкальный и дружелюбный медведь легко разделался с нефелимом. А образец девяносто семь был лучшим.

— Да, конечно, я помню... — Доктор опустил взгляд. Еще бы не помнить — он собственноручно проводил вскрытие великана и готовил отчет для Хель. — Но это и в самом деле дружелюбный медведь. Не понимаю, что заставило его напасть на нефелима.

— Мне кажется, — Хель постучала фигуркой Моржа по столу, — кое-кто может пролить свет на эту историю. Ваша красавица дикарка. Думаю, она совсем не случайно появилась рядом со станцией. Спросите у нее.

¹ Подробнее об этой песне можно прочитать в книге К. Бенедиктова «Блокада 3: Война в зазеркалье»

— Но... Мы же не знаем их языка!

— Так научитесь. Или же научите ее говорить по-человечески. Полагаю, это задание доставит вам удовольствие.

Последнее слово она произнесла с нажимом. Рашер почувствовал, что щеки его заливают краской. Он хотел возмутиться, но вместо этого тихо повторил:

— Есть...

Передачик на столе пискнул. Красная лампочка замигала на входящий вызов. Хель нажала кнопку.

— Слушаю.

— Госпожа начальник станции... — Рашер узнал голос радиста станции. — Мы получили сообщение...

— И? Если это опять Шильке с четвертой, то передайте, что я не собираюсь выделять ему горючее...

— Нет, — Радист радист замялся. — Сообщение поступило со станции номер восемь.

Хель посмотрела на Рашера, однако не стала переключать передатчик на наушник.

— Вы уверены?

— Трижды проверили настройки. Это их волна. Понимаете, у каждого передатчика есть индивидуальный код...

— Без подробностей, — перебила радиста Хель. — Что за сообщение?

— Я... Я не знаю, что сказать. Мы сделали запись, послушайте сами.

Из динамика послышался треск, щелчки, а затем незнакомый голос сказал «Привет».

Молча они прослушали загадочное сообщение. Едва оно закончилось, как Хель приказала:

— Повторить.

Там была песня. Странная неприятная мелодия. Рашеру она совсем не понравилась. Пожалуй, даже больше той непонятной белиберды про Интернациональное Сопротивление. Песня была сыграна на губной гармонике, и, похоже, музыкант сильно фальшивил.

Хель откинулась в кресле. Ритм, который она выстукивала фигуркой по столу, стал быстрым и частым. Словно пулеметная очередь.

Рашер поерзал на стуле.

— Что еще за «Свободное радио каменного века»? И куда нужно бежать?

Хель не ответила.

— Что такое «Pink Floyd»? — сказала она, глядя на передатчик.

— Я не знаю, — растерялся доктор. — Кажется, это по-английски. Розовые флюиды¹? Бессмыслица какая-то...

Хель посмотрела на него так, что Рашеру больше всего на свете захотелось провалиться сквозь землю. Глаза начальника станции сверкали — голубой и зеленый. Вокруг рта закружились снежинки.

— Научите ее говорить, Зигмунд, — сказала она ледяным голосом. — Немедленно займитесь этим.

— Аска? Аска, это ты?

Голос звучал над ухом, но девушка боялась открыть глаза. Она не понимала, где она и что происходит. Что с ней случилось? В голове сгустилась темнота, черная, как самые глубины Большого Озера, куда не донырнуть самому сильному охотнику. Из нее выплывали тени-образы, но девушка не понимала, что они означают. Жуткий грохот и треск, странные люди, грубые руки и боль смешались в чудовищном кипящем вареве. Вот ее куда-то тащат, вот она где-то лежит. Аска перестала различать, что сон, а что явь... Один кошмар сменял другой, и так без конца. Она чувствовала себя крошечной щепкой, подхваченной бурлящим потоком.

Но Аска держалась. Она знала, что жива, и цеплялась за жизнь как только могла. Ей было ради чего жить... Порой Аска видела лицо Вима — слишком далеко, чтобы до него добраться. Но если она не могла прийти к нему, значит, он сам придет за ней. Аска

¹ На самом деле «Pink Floyd» никак не переводится. Группа была названа в честь двух блюзовых музыкантов — Пинка Андерсона и Флойда Каунсила.

верила, что именно так и будет. Ведь так сказала Паучиха. Надо только чуть-чуть подождать. Потерпеть совсем немножко... Он найдет ее, где бы она ни оказалась.

Лицо Вима неизменно таяло, уступая место видениям из кошмаров. Это была перекошенная физиономия Лорхи или же — чудовищная морда великана, убившего ее брата, иногда и вовсе незнакомые лица. Но чаще всего — страшное, рассеченное на двое лицо женщины-призрака.

— Я помню тебя, Аска... — продолжал звучать голос. — Ты стала моложе. Почему духи не вернули мне прожитые годы?

Аска почувствовала, как кто-то дотронулся до ее шеи. Теплые мягкие пальцы... Аска открыла глаза.

Над ней склонилась незнакомая женщина с мягкими чертами лица и добрым взглядом. Растрепанные каштановые волосы падали ей на плечи, но Аска заметила несколько тоненьких косичек. Глядя на Аску, женщина ласково улыбнулась. Она была старше Аски, но не намного — пять-шесть зим, не больше.

Аска повернула голову и заметила рядом еще одну женщину. Девушку... Свою ровесницу. Та сидела на корточках, обхватив руками плечи. Длинная прядка скрывала ее левый глаз, под правым темнел огромный синяк.

Аска перевернулась на бок и попыталась встать. Тело ослабло и не слушалось ее. Но женщина с добрым взглядом взяла ее за руку и помогла подняться. Аска села и огляделась.

Она находилась внутри Длинного Дома. Только стены были сделаны не из бревен, а из каких-то больших пластин. Аска не увидела очага; на полу лежали тонкие шкуры незнакомых зверей, от которых воняло сыростью и плесенью. Но куда худший запах доносился из дальнего угла, у Аски аж глаза защемило. Под потолком горела какая-то длинная палка, но слишком высоко, чтобы дотянуться и погреть руки.

Ее одежда пропала, вместо нее на девушке оказался какой-то странный белый балахон до колен. Сперва Аска подумала, что это чья-то шкура, но, присмотревшись, поняла, что материал похож на плетенку из тростника. Только гораздо тоньше... Балахон

ничуть не грел. В подобном одеянии Аска чувствовала себя все равно что голой.

— Где я? — спросила Аска.

— Неужели ты не помнишь, Аска? — сказала женщина с добрым взглядом. — Мы умерли. Это земля, в которую уходят мертвецы. Старики все ввали. Нет никакой Земли Вечной Охоты.

— Умерли? — Аска растерянно посмотрела на женщин. — Но... Но я жива! Я знаю.

— Тебя ведь зовут Аска?

Она кивнула. Женщина опустила взгляд.

— Я видела... Я помню, как Оолф отдал реке твоё тело. Раз ты пришла сюда, значит, это точно Земля мертвых.

Аска не понимала, о чём говорит эта женщина.

— Кто вы? — спросила она. — Вы говорите на моем языке... Вы навси?

— Навси? — Женщины переглянулись. — Мы кайя. Я из рода Медведя, она из рода Рыси... Ули тоже из рода Рыси, но сейчас она спит. Аска, ты забыла свой род?

— Кайя? — Девушка встрепенулась. — Вы кайя?

— Конечно, — кивнула женщина. — Как и ты. Я Силки, разве ты меня не помнишь?

— Я...

— Конечно, — сказала Силки. — Ты не узнаешь меня... Ведь я была совсем маленькой, когда ты ушла в земли предков. Меня тогда звали Росинка. Помнишь? Ты всегда была так добра ко мне.

Аска испуганно замотала головой.

— Но я тебя помню, — вздохнула Силки. — Ни у кого среди кайя не было столь синих глаз и волос цвета солнца. Тогда ты была куда старше, чем сейчас. Когда ты ушла в земли предков, я проплакала три дня. Но я сдержала слово, которое тебе дала... Я же кайя...

— Слово, которое мне дала?

Вытаращив глаза, Аска смотрела на женщину, которую видела впервые в жизни. О чём она говорит? Не иначе как духи забрали её разум.

— Заботиться о твоей дочери, — сказала Силки. — Оберегать и защищать ее, пока она мала. Я старалась. В голодные зимы отдавала ей свои куски мяса. Она выросла. Она стала отважной и ловкой... Гордой — настоящая кайя.

— Моя дочь? — Аска невольно прижала руки к животу. — Я никогда не знала... У меня нет детей!

Силки не растерялась.

— Духи вернули тебе молодость, — сказала она, — но взамен забрали твою память. Но за что они отправили тебя сюда? Чем ты их прогневала?

Аска прикрыла глаза.

— Я не кайя, — сказала она. — Я навси. Из племени людей Большого Озера.

— Но... — начала Силки, но Аска упрямо продолжала говорить:

— Но я знаю одну девочку из племени кайя. Бесстрашную и сильную. Она умеет исцелять раны. Ее слушаются звери и птицы. Она прошла по реке, и спустилась по водопаду и пришла в Длинный Дом навси. Ее племя забрали люди в черных шкурах, железные птицы унесли их... Но она идет за ними. И она дойдет, я знаю — пусть даже железные птицы улетели на край света. Пусть даже в Земли мертвых.

Аска взглянула на Силки. Та смотрела на нее, открыв рот.

— Вы ведь те самые кайя? — спросила Аска. — Которых унесли железные птицы?

Силки кивнула. За ее спиной кто-то заворочался на ложе из странных шкур и тихо вскрикнул.

— Она придет, — сказала Аска. — А с ней... С ней идет дух-хранитель вашего рода. Он не оставил своих детей.

— Хранитель Рода!

Силки потянула себя за косичку. Так же, как это делала Белка.

— Я видела его собственными глазами! — кивнула Аска. — Гигантский медведь, больше мамонта. Я видела, как он растерзал огромное чудовище... И он придет за вами, я знаю.

Аска замолчала, глядя на стену странного дома. Конечно, придет... Потому что с ним придет ее будущий муж. Надо только чуть-чуть подождать.

— Девочка-кайя? — спросила Силки. — Как ее зовут?

— У нее нет имени, — сказала Аска. — Она еще не прошла испытаний. Хотя те испытания, которые она прошла, не по силам лучшим охотникам.

— Белка? У нее рыжие волосы и косички, как у меня? Я сама учила ее заплетать косички...

— Белка, — кивнула Аска.

Глаза Силки вспыхнули.

— Но ведь это ... — Она замолчала, пристально глядя на девушку. — Ты права, Аска из племени навси, она дойдет. Но нас осталось мало — они забирают людей-кайя, и никто не приходит назад. Не осталось никого из рода Росомахи.

Что-то в ее голосе заставило Аску поежиться.

— Ули говорит, что есть еще другие дома. Там держат охотников, детей и старших женщин... Но я не знаю, так ли это. Ули все время говорит, если не спит.

— Другие дома? — переспросила Аска. — А здесь...

— Дом для молодых женщин, — резко сказала Силки.

Аска невольно посмотрела на другую девушку. Но та лишь тряхнула челкой и ничего не сказала.

— Это Тайда, — сказала Силки. — Она не разговаривает.

— Почему? — спросила Аска, однако, встретив взгляд Силки, прикусила язык.

Из-за большого кровоподтека глаз Тайды казался темнее и глубже. Аска заметила у нее на щеке четыре белых полосы — шрамы, явно от удара когтей какого-то хищника. Точно такие же шрамы красовались с другой стороны на шее. Аска догадалась, что это была рысь. Похоже, когда-то Тайде довелось сразиться с лесной кошкой. Бледные губы девушки скривились в зверином оскале. С равным успехом это могло быть и приветствие, и предупреждение — мол, не подходи ближе.

— Хочешь есть? — спросила Силки. — Они приносят нам еду... Это не свежая рыба и не мясо бизона, но лучше, чем осиновая кора.

Стоило Силки сказать про еду, и у Аски заурчало в животе. Она и не думала, что настолько проголодалась. Силки все поняла

по одному только взгляду. Она встала и вскоре вернулась с миской, в которой лежало что-то похожее на пережеванное мясо.

— Выглядит хуже, чем на вкус, — сказала Силки с легким смешком. — Ешь, Аска из племени навси, тебе еще понадобятся силы.

Аска рукой зачерпнула из миски холодное склизкое месиво. Силки права — на вкус оно оказалось вполне съедобным, пусть и слишком жирным.

— Кто они? Кто приносит еду? — спросила Аска с набитым ртом.

Силки повернулась к закрытой двери дома.

— Они... Ты еще их увидишь. Один из них приходил к тебе, пока ты спала. Но он тебя не трогал, он только смотрел. Другие...

— Другие? Люди в черных шкурах?

Тайда издала резкий шипящий звук. Глаз в глубине синяка вспыхнул, как раскаленная головешка. С тех пор как Аска проснулась, Тайда не сдвинулась ни на шаг.

— Д... да, — голос Силки дрогнул. — Люди в черных шкурах.

На полу опять кто-то заворочался. Должно быть, та самая Ули, которая либо спит, либо говорит.

— Силки... — послышался тонкий голос. — Я хочу есть... У меня живот прилип к спине, вовек не отдерешь. Нечем даже...

Из горы шкур вонючих шкур показалась растрепанная светловолосая головка. Лицо девушки выглядело совсем детским, чуть припухлое и немного растерянное. Карие глаза — большие и влажные, как у олененка.

Девушка зевнула во весь рот и громко почесала живот.

— Мерзкие вши. — Она сплюнула себе под ноги. — Всю изгрызли, хоть кожу сдирай... Ну, где жратва?

Ули повернулась и наконец заметила Аску.

— О! Смотри, Силки, твоя мертвячка проснулась... И уже жрет за обе щеки. Не давай ей много еды, Силки. Может, ей Белая Росомаха живот выела? Глянь — из нее жратва не вываливается? Хотя чего там — дыркой больше, глядишь, оно и лучше.

Она хрипло рассмеялась. Этот смех, да и ее слова совсем не сочетались с высоким и звонким девчоночьим голоском.

— Ули! — воскликнула Силки.

— Да знаю я, как меня зовут, — махнула рукой девушка.

Она встала и, подобрав балахон до пояса, направилась в дальний угол дома.

В этот момент входная дверь с громким скрипом открылась, и в светлом прямоугольнике появились две темные фигуры. Понесся смех и грубые мужские голоса.

— Они... — выдохнула Силки. — Пришли.

На четвереньках она отползла к стене. Ули тихо вскрикнула и попятилась; только Тайда даже не вздрогнула.

— Кто? — Аска смотрела на темные фигуры.

Из полумрака дома казалось, что у них нет лиц. Не люди во все, а тени, призраки. Язык, на котором они переговаривались, походил на звериный лай.

Но когда они вошли, оказалось, что это самые обыкновенные парни. Крепкие, круглощекие, с широкими улыбающимися лицами. Одежда их и впрямь была сшита из черных шкур, но в остальном они оказались и вполнину не такими страшными, как Аска их представляла.

Парни прошли в дом, со смехом переговариваясь и толкая друг друга локтями. Один из них указал на сидящую Тайду и что-то сказал. Его приятель прыснул от смеха и, глядя на девушку, облизал пухлые красные губы. Тайда не пошевелилась, но Аска заметила, как вспыхнул глаз девушки.

А затем они повернулись и увидели Аску. Та еще сидела с миской еды, не понимая, что ей делать. Холодный жир стекал с тонких пальцев.

Парни переглянулись. Один двумя руками похлопал себя по груди, на что второй громко цокнул языком. Они обменялись парой слов на своем лающем языке. А затем вдруг подняли руки с крепко сжатыми кулаками.

Аска подумала, что они собираются драться, но парни лишь трижды взмахнули руками в воздухе. Один показал ладони,

кулаки второго остались сжатыми. Тот, который показал ладони, хлопнул ими по рукам приятеля, а затем потрепал его по плечу. Тот что-то сказал — хотя Аска не поняла ни слова, ей слышалась обида в голосе.

Второй парень погладил себя по животу и шагнул к Аске. На круглощекое лицо сверкала белозубая улыбка, только девушке она не показалась дружелюбной. Скорее, довольной, как оскал волка, наевшегося до отвала.

Парень нагнулся к Аске и что-то сказал ей прямо в лицо. Глаза у него были серые, как подтаявший лед.

— Я не понимаю...

Аска попыталась отстраниться. Парень опять что-то сказал, а в довершение ко всему еще и ткнул ее пальцем в плечо.

— Я... я не знаю вашего... — пяťсь, проговорила Аска.

Улыбка парня скривилась. Резким взмахом руки он выбил миску из рук Аски. Коричневое месиво разлетелось по грязным шкурам.

Девушка громко вскрикнула. Парень схватил ее за руку и дернул вверх, заставляя встать. Так резко, что едва не вывернул ей плечо; Аска едва не заплакала от боли.

Держа ее руку высоко поднятой, парень оглядел девушку с головы до ног. Громко шмыгнул носом.

— Отпустите меня!

Парни переглянулись и хором захохотали. Тот, кто держал Аску, провел пальцем по ее щеке и вытянул к ней губы. От него несло чем-то кислым, отчего желудок Аски сжался. Ее едва не вырвало.

Отвернувшись, девушка заметила жалостный и виноватый взгляд Силки, но та лишь крепче прижалась к стене. Аска задержалась, пытаясь освободиться.

Свободной рукой парень вцепился в край балахона и рванул на себя. Одежда затрещала. Он дернул еще, и балахон разорвался пополам. Широко ухмыляясь, парень схватил Аску за грудь, сжал пальцы.

— Помогите! — взвизгнула Аска.

Она брыкалась как могла, вот только сил не осталось.

Резкий, верещащий крик прозвучал совсем рядом. Краем глаза Аска увидела, как мелькнула какая-то белая тень... Тайда? Сорвавшись со своего места, девушка прыгнула, повисла на руке парня. И, точно дикая, кошка впилась зубами ему в предплечье.

Парень заорал что было мочи и отпустил Аску. Она упала, но не смогла даже откатиться в сторону.

Тайда разжала челюсти и повернула голову, вытягивая шею в попытке дотянуться до горла парня. Ее шрамы вздулись и покраснели, рот кривился в зверином оскале. Издалека донесся крик Ули.

Оттолкнув девушку, парень с размаха врезал ей кулаком по зубам. Тайда отлетела к стене. Она попыталась подняться, но на нее налетел второй парень и, схватив за волосы, прижал лицом к полу. Аска успела лишь заметить, что губы ее разбиты и рот красный от крови.

Первый парень нагнулся к Аске, схватил за шею. Поднял на вытянутой руке. Сильные пальцы сдавили горло. Задышавшись, Аска смотрела в его холодные глаза, с крошечными, как острие иглы, зрачками. Они медленно приближались...

Громко заскрипела дверь, и на пороге возник невысокий темный силуэт. А затем раздался гневный оклик.

Парень сразу отпустил Аску, и она опять упала. Парень же вытянулся, прижав руки к бокам и высоко задрав подбородок. То же самое сделал и его приятель — так они и застыли, не шевелясь.

В дом вбежал невысокий и коренастый человек. Перед его глазами блестели большие круги. Оглядевшись, он замахал руками и что-то проорал на лающем языке.

Парни не ответили, только еще сильнее постарались вытянуться. Аска увидела, что у того, которой стоит перед ней, дрожит колено. Человек с блестящими глазами вновь заорал, указывая на дверь. Парни развернулись и быстрым шагом вышли из дома.

Глядя им вслед, человек снял плоскую и круглую черную шапку и рукавом вытер с затылка пот. Девушке показалось, что она где-то его видела, но сейчас думать об этом она не могла. Ее трясло, она не понимала, что происходит. Хотелось одного — спрятаться, зарыться под землю, туда, где никто и никогда ее не найдет и не увидит.

На четвереньках Аска подползла к стене и прижалась к ней. Стена была холодной, но девушка этого почти не заметила. Под кожей будто полыхало пламя.

Человек с блестящими глазами подошел к Аске и присел перед ней на корточки. Девушка боялась на него взглянуть; лишь краем глаза видела дряблую щеку и рот с глубокими морщинками в уголках губ.

Осторожно, только кончиками влажных пальцев, человек дотронулся до ее плеча. Аска дернулась, и он убрал руку. Заискивающе улыбнулся.

— Зиг-мунд, — сказал он, прижав ладонь к груди. Сглотнул и снова повторил: — Зиг-мунд.

Аска рискнула поднять взгляд. Глядя мужчине прямо в блестящие глаза, она спросила:

— Где Вим?

ГЛАВА 11

САД ЗА ДВЕРЬЮ

Пожалуй, самая неприятная часть жизни Странников — это прохождение линзы. Не страшная, не опасная, а именно неприятная. Организм не может не реагировать на искривление пространственно-временной ткани, и он реагирует: ощущения сродни тем, которые испытываешь в самолете, когда тот проваливается в воздушную яму. И глубина этой ямы стремится к бесконечности.

Вим всегда считал, что у человека есть особый орган, сродни вестибулярному аппарату, который следит за положением во времени и пространстве. Просто анатомы его пока не нашли, а если и нашли, то не выяснили, для чего он нужен на самом деле. Судя по ощущениям, которые Вим испытывал, когда вываливался из линзы, этот орган находился где-то в районе живота. Вим считал, что это селезенка. По крайней мере, для чего еще нужна селезенка, он не имел ни малейшего понятия.

Он лежал на спине, прижав руки к животу, и не мог решить — тошнит его или все-таки нет? Глаз он не открывал. Вим и так знал, что он увидит: круговорот разноцветных пятен и не более того. Выпить на пустой желудок бутылку бренди — и то легче. В ушах стоял звон, будто миллион комаров пытался хором прожужжать «Astronomy Domine»¹. А от этой песни у Вима всегда мозги выворачивались наизнанку. Нет уж. Сперва пусть освоится селезенка, дальше будет легче.

¹ Песня «Pink Floyd» с альбома «The Piper at the Gates of Dawn» (1967). Впрочем, в исполнении хора комаров все песни звучат одинаково.

Но постепенно, вдох за вдохом, окружающий мир стал возвращаться на свои места. Вим услышал, как справа зажурчала вода. Где-то рядом защебетала птица. Вим осторожно приоткрыл веки.

Яркий свет обжег глаза как кислота. Вим громко выругался, закрывая лицо ладонями. Вот так всегда...

— Вим? — послышался рядом голос Белки.

— Я здесь, старушка, и жив, кажется...

Не убирая ладоней, Вим открыл глаза. Подождал немного, давая им время привыкнуть к свету, и только потом убрал руки.

Солнце сияло в зеленой кроне, яркими полосами пробиваясь сквозь густую листву. Вим лежал на широкой круглой площадке, окруженной деревьями. Сама площадка была присыпана хрустящим красным песком. Вим разглядел и прямую дорожку из того же красного песка, уводящую в тень деревьев. Где-то за ними мелодично журчала вода, словно перекачивалась по хрусталу. По толстой лиане, изогнувшейся идеально ровной дугой, скакала птица с блестящим сапфирово-синим оперением.

Повернув голову, Вим увидел Белку. Девочка сидела на корточках и не переставая крутила головой. Похоже, у нее с селезенкой было все в порядке.

Небо над головой было чистейшего синего цвета. Небо? Вим присмотрелся и по крошечным бликам понял, что на самом деле это купол. Из стекла настолько прозрачного и чистого, что казалось, его вовсе не существует.

Вим присмотрелся к деревьям — все они выглядели ухоженными, пожалуй, даже чересчур. Никакой палой листвы или сухих веток. Гладкие изящные стволы, огромные листья — глянцево-блестящие, словно сделанные из пластика, и крупные голубые цветы с нежными лепестками. Складывалось впечатление, что за каждым деревом *очень* тщательно ухаживали. Лианы выглядели так, словно их повесили специально. Место было красивым и в то же время немного пугающим.

— Ты как?

Белка пожала плечами, продолжая оглядываться.

— Бывало и хуже... Где мы?

— Честно? Понятия не имею... То есть что можно сказать: мы в каком-то саду или оранжерее. И судя по цвету линзы, во времени мы не переносились. А в остальном — мы можем быть где угодно.

— Какой странный лес, — проговорила Белка. — Я никогда не видела таких деревьев.

Протянув руку, девочка дотронулась до огромного листа цвета самой сочной зелени. Он качнулся так плавно, будто наслаждался прикосновением. Откуда-то из глубин сада выпорхнула пара бабочек, кружась в сложном танце. Их крылья, размером не меньше ладони, переливались зеленым и синим.

— И как мы здесь оказались? Мы же были под землей.

— Хм... Довольно просто — прошли через линзу. Ворота... Наверное, это и есть тот самый дом, куда так стремился попасть наш прозрачный друг.

Белка кивнула, не спуская глаз с танцующих бабочек.

— Тот свет в воздухе — это и были ворота? Твой дух-покровитель открыл их?

— В общих чертах так и было, — согласился Вим.

— Но тебе пришлось его оставить...

— Что поделаешь. — Вим развел руками. — Легко нашел, легко потерял... Жаль немного — я собирался вернуть его хозяину. Но без артефактов мне как-то спокойнее.

— А тот, кто гнался за нами? Демон-Хохотун? — Белка вздрогнула. — Теперь он тоже сможет открыть ворота и придет за нами...

— Пожалуй, об этом не стоит беспокоиться, — сказал Вим. — Демон — он Страж. Его задача — охранять и не пускать. Гнаться за нами он не будет.

Вим встал, отряхиваясь от налипшего красного песка. За спиной он увидел широкую тумбу высотой по пояс, красиво оплетенную плющом. В центре ее виднелось круглое углубление, точно такое же, как и на корабле, но надпись над ним не светилась.

Вим задумался. Надпись... Где же он мог видеть подобный алфавит? Эльфийские руны? Не похоже. И тут же он хлопнул себя по лбу. Конечно — рукопись Войнича¹! Таинственная книга, над загадкой которой бились лучшие умы, но так и не смогли раскрыть эту тайну. Вим видел только одну станицу из этой книги: его школьный приятель, одержимый шифрами, показывал ему ксерокопию. Вим бился над ней часа два, так ничего и не понял и в итоге бросил это дело.

Вим огляделся. Так вот оно что... Жаль, что в свое время он так и не заинтересовался этой тайной.

— Твой Медведь, — сказал Вим, — он тебя не зовет? Не чувствуешь притяжение?

Белка отрицательно покачала головой.

— Жаль, — вздохнул Вим. — Похоже, с этой стороны ворота заперты куда крепче. Одним артефактом здесь не обойтись... Ладно, посмотрим, куда же нас забросило.

Они пошли по узкой дорожке между идеально красивыми деревьями. Красный песок мягко скрипел под ногами. Идти по нему оказалось невероятно легко и удобно. Хотя Вим и вымотался как собака после беготни по пещерам и на космическом корабле, сейчас он шел и почти не чувствовал усталости.

Вим непрерывно оглядывался. Вот уж забросило так забросило... Можно сказать, из царства Аида напрямик в Эдемский сад. Ну а как еще назвать это место? Цветут цветы, порхают бабочки и тропические птицы. Здесь не было ни холодно, ни жарко, влажность — лучше не пожелаешь. Воздух — чистый и свежий, с легким ароматом ванили. Все выглядело настолько идиллически красивым, что Вим невольно напрягся. Слишком хорошо, чтобы не было никакого подвоха.

¹Рукопись Войнича — книга, написанная неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита. «Святой Грааль» криптографии. Книга написана около 600 лет назад, но до сих пор так и не расшифрована. Примечательно, что в рукописи имеются рисунки неизвестных науке растений, изображения обнаженных женщин, находящихся внутри странных систем сосудов, заполненных жидкостью, и странные космологические схемы неизвестного содержания.

Илаим говорил про дорогу домой... Значит, если рассуждать логически, это то место, где живут Прозрачные? И небось здесь их как сельдей в банке? Сложно сказать, хорошо это или плохо. Одного Илаима ему было выше крыши, иметь же дело с его родственниками совсем не хотелось. Может, это и Эдемский сад, но если его населяют сплошь существа, физиологически лишенные чувства юмора...

А вообще неплохо они тут устроились. На ближайшую ветку вспорхнула птица с рубиново-красным оперением и пропела короткую трель, услышав которую любой соловей удавился бы от зависти.

Вскоре Вим увидел и журчащую воду. Он не так уж и ошибался, представляя хрустальные перекаты. На самом же деле вода текла по извивающимся стеклянным трубам. Вот только вода ли? Жидкость оказалась чистейшего изумрудного цвета. Сплетения труб образовывали сложную структуру, похожую на абстрактную скульптуру. Вим решил, что это оросительная система.

Пара труб заканчивалась чем-то похожим на краны. Вим бы не отказался от пары глотков воды, но связываться с этой штукой не рискнул. Что хорошо для бегонии, не всегда полезно для человека.

Дорожка, по которой они шли, плавно изгибалась — такие повороты мог придумать разве что Эйнштейн от ландшафтного дизайна. По дороге им попадались самые разнообразные растения — деревья и цветы, назвать которые Вим не мог даже приблизительно. Повсюду висели диковинные фрукты: темно-лиловые восьмиконечные звезды, шары, покрытые шелковистой шестью, огненно-рыжие стручки, плоды, напоминавшие гибрид огурца с апельсином... А то и вовсе похожие на треснувшие яйца, из которых того и гляди кто-то вылупится. Объединяло их только одно: все они выглядели очень красиво и совершенно несъедобно. Вим никогда не боялся попробовать что-нибудь экзотическое, но сейчас даже желания не возникало.

В чаще мелькнуло что-то красное. Глаз зацепился случайно, но Вим остановился, присматриваясь. Слишком уж знакомым

выглядело это растение. Два толстых мясистых листа высотой с человеческий рост изнутри были изумительного красного цвета. Каждый лист окаймлял матово-зеленый валик, из которого торчали длинные полупрозрачные шипы, изогнутые как сабли. Вим присвистнул... В руках сама собой появилась гармоника, и Вим сыграл куплет из «The Return Of The Giant Hogweed»¹. Здесь эта песня смотрелась лучше прочих.

Будто танцуя под музыку, листья плавно двинулись навстречу друг другу и тут же опустились. Было немного странно встретить подобное растение в столь прекрасном саду. Оно словно пришло сюда из дешевой книжки о приключениях в джунглях. Чуть больше лоска и изящества, но все равно оно оставалось страшным и опасным хищником.

— Смотри, — указал Вим на растение.

— Этот цветок, — изумленно прошептала она. — У него клыки!

— Цветок называется «венерина мухоловка». Только должен он быть вот такой, — Вим пальцами показал размер. — И ловит он мух. Нашему же цветочку на обед нужно минимум по паре куриц...

Должно быть, растение питалось порхавшими повсюду разноцветными птицами. Но Вим не увидел следов трапез. Если здесь и были птичьи кости или перья, кто-то старательно все убрал.

Белка продолжала всматриваться в сплетение ветвей и лиан. Вим заметил, как напряглась девочка: спина ее выгнулась, кончик носа задергался, будто она принюхивалась... Неожиданно Белка заверещала и схватила Вима за руку.

— Змея!

— Где?

Вим прищурился. От змей в подобном саду хорошего ждать не следует.

¹ «The Return Of The Giant Hogweed» («Возвращение гигантского сорняка») — песня не «Pink Floyd», а «Genesis» (альбом «Nursery Cryme», 1971). Очевидно, Вим просто не вспомнил про «Vegetable Man» («Растительный человек») или «Apples and Oranges» («Яблоки и Апельсины»), либо посчитал эти песни менее уместными.

— Там, наверху...

Белка сжала его руку, а хватка у нее была крепкой. Теперь к его царапинам и шишкам наверняка добавятся еще и синяки. Ну и где же змея? Наконец Вим разглядел ее, ползущую по верхним ветвям. Он не увидел ни головы, ни хвоста. Только движущееся тело оливкового цвета толщиной где-то с руку. Вим присмотрелся внимательнее.

— Никакая это не змея. Это лиана. — И в ответ на удивленный взгляд Белки, пояснил: — Такое растение... Оно называется ползучим, но я всегда думал, что подразумевается несколько другая ползучесть...

Конечно, растения умеют двигаться: подсолнухи поворачиваются за солнцем, цветы закрывают бутоны на ночь... Но чтобы ползать, и так быстро, — с подобным Виму сталкиваться еще не доводилось. Лиана все ползла и ползла, и казалось, конца ей будет.

— Не стоит здесь задерживаться. Вдруг эта лиана решит приползти к нам? И чего от нее ждать? У растений вообще нет мозгов...

Похоже, что на красной дорожке опасность им не угрожала, но рисковать не стоило.

Тропинка вывела их к другой, более широкой, а та, в свою очередь, — на круглую площадку. В центре ее возвышалась очередная стеклянная конструкция. Она походила на пышный фонтан, каждая струйка которого текла в отдельной трубке. Зеленая вода пела, перекачиваясь по сложным спиральям и петлям. Виму сооружение не понравилось — вроде красиво и изящно, и в то же время было в нем что-то физиологическое.

Повсюду стояли огромные многоярусные клумбы. Облако крошечных бабочек сверкало разноцветными крылышками, точно взорвавшаяся радуга.

— Смотри... — прошептала Белка. — Человек!

Вим и сам заметил: тонкий силуэт, склонившийся над одной из клумб. Это оказалась женщина... Вернее, девушка: на вид ей

было не больше двадцати. И прозрачной она точно не была: загорелая кожа блестела как бронза.

Кто-то другой мог бы принять ее за гречанку. У девушки оказалось строгое, правильное лицо с высокими скулами и благородным носом. Вьющиеся темные волосы были собраны в хвост на затылке. А из всей одежды — лишь легкая туника длиной чуть ниже бедра.

Но Виму довелось постранствовать по Древней Элладе. И там девушки выглядели и одевались совсем иначе. Эта же особа будто сошла с иллюстрации к мифам Древней Греции. Причем в весьма фривольном издании: ее туника просвечивала насквозь, как тонкая кисея.

В руке девушки поблескивал серебристый нож с серповидным лезвием. Похоже, она подрезала цветы или занималась чем-то подобным.

Вим откашлялся в кулак — громко, чтобы привлечь внимание, и шагнул из тени навстречу таинственной садовнице.

— Э... Добрый день, сударыня. Извините, что приходится отвлекать вас от работы...

Девушка обернулась на голос. Несколько долгих мгновений она смотрела на незваных гостей. Вим прямо видел, как увеличиваются ее и без того большие миндалевидные глаза. На конкурсе на самое удивленное выражение лица она точно бы взяла первый приз.

— Простите еще раз, — дружелюбно улыбнулся Вим. — Но так получилось, что нас забросило в ваш чудесный сад. Честно — не по своей воле и...

Интересно, а она его понимает? Хотя Вим и пользовался техникой вавилонской глоссолалии, пока эта девушка не заговорит сама, связь не установится. Девица же явно проглотила язык — Вим видел, как дернулось ее горло.

— Меня зовут Вильгельм, или просто Вим... Эту юную особу можно звать Белкой. Мы пришли... Не важно, откуда мы пришли, если не совсем понятно, куда именно мы попали. Вы не подскажете, что это за место и...

Девушка стояла не шевелясь. Вим быстро поднял взгляд, сообразив, что таращится на ее грудь. А это, мягко говоря, невежливо. Хотя стоило признать, фигура у барышни была идеальной.

— Кстати, у вас очень красивый сад. Как и его хозяйка... — продолжил он говорить.

Вим всегда считал, что, если говорить много, что-нибудь да услышат. А там, глядишь, и начнут прислушиваться. Хотя один из его знакомых утверждал, что дело исключительно в том, что язык Вима — отдельное существо, живущее собственной жизнью.

— Мы видели весьма любопытные растения. Не знал, что такие существуют...

Наконец, девушка поняла, что происходит. На смену удивлению пришел испуг. Девушка коротко вскрикнула, серебристый нож выпал из руки. Развернувшись, она со всех ног бросилась вниз по дорожке.

— Эй! — воскликнул Вим. — Подождите! Мы не причиним...

Но поздно. Осталось только смотреть, как мелькают стройные загорелые ноги. Вим покачал головой: нельзя же бегать настолько красиво и правильно. Это *ненормально*.

— Ну вот, — вздохнул Вим, глядя, как фигура девушки исчезает за деревьями. — Сбежала. Я же ничего такого не сказал.

За спиной послышалось фырканье. Белка стояла, насупив брови, и методично наматывала на палец косичку.

— Мне не нравится эта женщина, — хмуро сказала девочка.

— Да? Почему? Симпатичная вроде барышня, только чересчур нервная... — Вим смотрел в сторону, в которую убежала девица.

— Нет, — сказала Белка. — Она не красивая. Аска красивая, эта — нет.

— Аска красивая, — согласился Вим. — А она...

Он не смог подобрать нужного слова. *Чересчур* красивая? Настолько, что это раздражало и пугало. Как ожившая статуя, черты и пропорции которой выверены до микрона.

Белка подошла к месту, где стояла девица, и подняла оброненный серп. Провела пальцем по сверкающему лезвию, в котором отражалась окружающая зелень.

— А вот нож хороший, — прокомментировала она. — Крепкий и острый. Только слишком кривой — в добычу сразу не вонзишь.

— На кого только ты собралась здесь охотиться? — вздохнул Вим. — На цветы и бабочек?

— Нож нужен всегда, — серьезно сказала Белка. Она пару раз взмахнула серпом, но, судя по выражению лица, результат ее не устроил.

— Я что думаю, — сказал Вим. — Скорее всего, наша барышня убежала туда, где есть другие люди... Значит, и нам нужно идти в ту сторону. Вдруг там попадется кто-то более разговорчивый?

Белка дотронулась пальцем до острия серпа и тихо ойкнула. Похоже, уколола палец.

— Тебе никто не говорил, что если долго водить ножом по пальцу, то рано или поздно пойдет кровь?

Кровь и в самом деле появилась — Вим увидел, как на подушечке пальца набухает черная капля. Белка раздраженно махнула рукой, и капля, сорвавшись, упала на белый лепесток ближайшего цветка.

Что именно произошло потом, Вим понял плохо. Белый лепесток резко свернулся в трубочку; из клумбы чуть ли не выстрелили коричневые плети. Белка не успела и крикнуть, а вокруг лодыжки обвился тонкий стебель. Еще две плети, извивавшиеся, как усики сома, копошились рядом в песке — будто ощупывали себе дорогу. Внутри клумбы зашевелилось что-то массивное, скрытое цветами.

Белка с криком замолотила ногами, пытаясь сбросить мерзкое растение. Гибкий стебель сжал кольца и стал втягиваться в клумбу, волоча девочку за собой.

На беду растения, Белка сжимала в руках серповидный нож. Извернувшись, девочка принялась кромсать вцепившуюся в нее плеть, размахивая ножом, как мотыгой. Тот и впрямь оказался острым: пара ударов — и от лианы осталось лишь несколько извивающихся обрубков. Вим подскочил к Белке и оттащил от клумбы.

Они остались сидеть на песке: Вим — держа девочку за плечи, а та — высоко подняв серп. Уцелевшие усики растения некоторое время еще копошились в поисках добычи, а затем втянулись обратно в клумбу.

— Уф... — выдохнул Вим. — Какой милый цветочек...

Белка прошипела что-то неразборчивое, ногой сдирая прилипшие куски лианы.

— И, похоже, еще и голодный...

— Я же говорила, — Белка взмахнула серпом, — нож нужен всегда.

Она повернула лезвие, любуясь переливами зеленого света.

— Брось оружие!

Голос прозвучал как гром среди ясного неба. Белка замерла с поднятой рукой, Вим медленно повернулся, опасаясь увидеть новое диковинное растение — на сей раз еще и говорящее.

За спиной стояло не менее десятка женщин. Видимо, красавица-садовница вернулась с подмогой.

Все они были молоды и похожи, как сестры. И, как и садовница, неестественно красивы. Правда, вместо прозрачных туник на этих дамах красовались доспехи: сверкающие нагрудники, идеально повторявшие их формы, поножи, облегающие точеные икры, и золотые шлемы с плюмажами из цветов... В руках воительницы держали копья с толстыми наконечниками из голубых кристаллов.

— О! Добрый день... — Вим поднялся. — Представляете, этот цветок едва не...

— Брось оружие! — повторила одна из женщин. Ее голос мелодично звенел, как пение стеклянного фонтана.

— Что она говорит? — тихо спросила Белка.

— Кажется, она хочет, чтобы ты убрала нож... — Вим снова повернулся к женщинам. — Произошло небольшое недоразумение. Это не наше оружие, мы лишь воспользовались им, когда этот цветок с дурными наклонностями решил пообедать моей подружкой. На самом деле мы пришли с миром — простите за банальную фразу... — Он шагнул к женщинам, показывая, что в руках

у него ничего нет. — Лично я вообще не одобряю оружия. Порочный путь. Есть оружие — всегда найдется, против кого его использовать...

Одна из женщин опустила копье. Сверкнула вспышка, с наколенника сорвалась голубая молния и ударила рядом с его ботинками. Красный песок закипел; Вим едва успел отпрыгнуть.

— Эм-м... — протянул он. — Вот именно про это я и говорил.

— Бросьте оружие!

— Знаешь, старушка, — сказал Вим, глядя на то, как вздуваются и лопаются пузыри расплавленного песка, — лучше делать, как они говорят.

ГЛАВА 12

КОРОЛЕВСКИЙ ПРИЕМ

— Дамы, — сказал Вим, — ответьте хотя бы на один вопрос. Малюсенький... Куда мы идем?

Разумеется, никто ему не ответил. Воительницы как воды в рот набрали. После того как одна из женщин сказала: «Следуйте за нами», никто не проронил ни слова — собственная болтовня Вима не в счет. Загадочные амазонки не слушали его; к кому бы он ни обращался, ни одна не повернула головы.

Воительницы окружили их с Белкой плотным кольцом. Шли, опустив копья. При желании это могло сойти за почетный эскорт: красивые дамы, блестящие доспехи... Но все портили уколы в спину, которыми амазонки направляли движение.

В первый раз Вим подскочил как ужаленный. Укол походил на разряд тока, поданный прямоком на позвоночник. Пока Вим вертелся, скакал и громко чертыхался от боли, лица амазонок оставались совершенно бесстрастными. Но надо отдать должное, последующие уколы стали куда менее болезненными.

Так, понукаемые, как овцы или коровы, идущие на бойню, они прошли через сад. Кроме стражниц, Вим замечал и других девиц: они прятались за деревьями или стеклянными трубами, настороженно следя за процессией. А может, это была одна и та же барышня, перебегавшая с места на место, — так они были похожи. Из-за сплетения ветвей то и дело доносился взволнованный шепот, но Вим, как ни старался, не смог разобрать и слова.

Ворота сада представляли собой высокую стрельчатую арку, как плющом оплетенную стеклянными трубками. Зеленая жидкость бурлила, отчего казалось, что проем сжимается и разжимается — точно дышит.

Они вышли на полукруглую открытую площадку. Гигантский купол за спиной засверкал золотом под яркими лучами солнца. За воротами оказалась лестница из матового темно-зеленого стекла. Ступени плавной спиралью спускались по внешней стене широкой и очень высокой стеклянной башни.

— Ничего себе...

Вим остановился. На секунду показалось, что он вновь смотрит на мир глазами птицы. Или, что хуже, падает в пропасть. Желудок рефлекторно сжался. Мягкий теплый ветер лизнул лицо, как собака, и взъерошил волосы.

Где-то внизу раскинулся город. Небольшой и в то же время самый странный из тех, что доводилось видеть Виму. Он сверкал хрусталем и золотом, так что рябило в глазах. Город выглядел как единое целое: не было отдельных строений, один дом плавно соединялся с другим, то прорастая высокой башней, то сбегая вниз крутыми лестницами. Узкие улицы превращались в изящные мостики, а те, в свою очередь, вели к площадкам на крышах — сплошь спирали и плавные линии. Вим увидел пышущие зеленью сады и хрупкие стеклянные арки, единственное назначение которых — красиво переливаться на солнце. Все оплетала сеть труб, некоторые из них были настолько толстыми, что внутри могла бы проплыть подводная лодка.

Границу города очерчивала туманная пелена. Но Вим сразу догадался, что находится по ту сторону: доисторические джунгли, населенные динозаврами и прочими древними чудовищами. Это же тот самый Золотой Город с хрустальными башнями, к которому так стремился и до которого так и не смог дойти Кеттил, старый вождь племени навси.

Амазонки не дали Виму насладиться видом. Еще один укол — и он поспешил вниз по лестнице, держась ближе к стене. Виды

видами, но ажурные перила были чуть выше колена и казались хрупкими, как яичная скорлупа.

Вим посмотрел на Белку. Сказать, что девочка была ошарашена, значит стократ принизить удивление, написанное у нее на лице. В огромных глазах отражался весь спектр чувств, от растерянности и удивления до дикого ужаса. Вим где-то читал про дикарей из джунглей, которые, попав в большой город, впадали в ступор и не могли сойти с места. Похоже, что-то подобное творилось и на душе у Белки. Но девочка держалась — по крайней мере, она еще могла идти.

Шли они долго. Сперва Вим еще пытался считать ступени, но в конце концов бросил бесполезное занятие. Лестница незаметно обернулась узким мостиком, тот нырнул под арку, вывел к площади со стеклянным фонтаном, откуда начиналась новая лестница... Вверх, вниз — Вим в жизни не нашел бы обратную дорогу. Тем более что башня с куполом оказалась не единственной — Вим насчитал еще шесть точно таких же.

Если по пути им и встречались люди, то сплошь молодые женщины. Складывалось впечатление, что в городе не только не было мужчин, но и не жило никого старше двадцати пяти и младше восемнадцати. Когда эти дамы видели процессию, все они замирали и таращились на Вима так, будто он был сказочным чудищем. Или уродцем из дешевого цирка, выставленным напоказ. От их взглядов Виму становилось не по себе.

Они спустились по очередной стеклянной лестнице, и Вим наконец увидел, куда направлялись амазонки. Посреди широкой круглой площади, вымощенной белым камнем, стоял дворец... По крайней мере, Вим решил, что это дворец, хотя с тем же успехом это мог быть и храм. Огромное строение с массивными колоннами и острыми шпилями, вонзающимися в небо. Было в нем и что-то античное, и что-то готическое, и что-то совсем не имеющее отношения к человеческой архитектуре. Здание выглядело так, словно над ним потрудились Гауди, Эшер и Дали, причем не обошлось без галлюциногенов. И красиво, и величественно, и в то же время — дико.

— Какой милый домик, — проговорил Вим. — А кто в нем живет, если не секрет?

Ответом ему был очередной укол электрического копья.

— Да ладно вам! Спросить, что ли, нельзя?

Вим растер место укола. После электрических разрядов, которыми наградили его амазонки, казалось, что волосы на голове стоят дыбом и в них сверкают искры. Немудрено, что эти дамочки так на него таращатся.

У входа во дворец их встретила еще одна группа девиц в золотых доспехах.

— Она уже знает, — сказала одна из воительниц. — И ждет.

Конвой сменился, хотя особой разницы Вим не заметил. Девушки походили друг на друга, как штампованные куклы... Точно! Вот кого они напоминают — кукол Барби. Не внешне, а по сути.

— Следуйте за мной, — сказала амазонка, которая, видимо, была здесь главной. Цветы на ее шлеме переливались пурпурно-красным цветом.

— Будто мы отказываемся, — вздохнул Вим. — Попробуй тут отказать.

Кивком он указал на копьё в руке воительницы. Кристаллический наконечник светился изнутри, хотя при дневном свете не сразу заметишь.

— Сударыня, — сказал Вим с мольбой в голосе. — Может, хоть вы скажете — кто нас ждет?

В миндалевидных глазах воительницы вспыхнули золотистые искорки.

— Царица-мать, — сказала она с легким придыханием.

— Что ж, — вздохнул Вим, — прекрасный ответ. Исчерпывающий и не говорящий ничего. Пойдем, старушка, похоже, нас ждет королевский прием. А у меня даже галстука нет, вот незадача...

Внутри дворца оказался еще один сад. Правда, цветы здесь были больше и ярче, бабочки порхали еще красивее, а птицы пели еще мелодичнее. Царица встретила их в конце длинной

аллеи из цветущих деревьев. Там, на небольшой площадке в окружении журчащих стеклянных труб, стояла изящная открытая беседка.

Первым делом Вим заметил невысокий длинный стол, ломящийся от еды. Желудок тут же напомнил о своем существовании, причем не самым вежливым образом. Вим поспешно отвел взгляд. Одно дело — заявиться на королевский прием без галстука и в грязных ботинках, и совсем другое — с животом, урчащим как трактор.

На столе лежали исключительно фрукты, самого разнообразного вида. Меньшую их часть Вим уже видел в саду, остальные же выглядели ничуть не менее причудливо. Чего стоила одна только сочная красная ягода, похожая на клубнику, но при этом размером с арбуз! Прямо мечта вегетарианца. Но Вим куда больше мечтал о куске жареного мяса.

Вим посмотрел на царицу. То, что это именно царица, он понял сразу, хотя у нее не оказалось ни короны, ни каких-либо еще знаков власти. Ее туника была сделана из такой же ткани, что и у остальных амазонок. От прочих девушек она отличалась лишь тем, что выглядела самую капельку старше.

И в то же время она была совсем другая. Ее точно нельзя назвать куклой: в каждом движении, повороте головы или легком взмахе руки сквозили сила и власть. Женщина полулежала на ложе, усыпанном лепестками цветов. За ее спиной стояли две девушки с высокими кувшинами.

— Приветствую вас, путники, — голос царицы журчал как ручей.

— М... Добрый день, — сказал Вим, резонно решив, что теперь вся тяжесть переговоров ложится на его плечи. Белка не понимала язык амазонок.

Он откашлялся. Будучи анархистом в душе, Вим чувствовал себя неуютно рядом с людьми, облеченными властью. Но чего не отнять — Вим был вежливым анархистом.

— Приветствуем вас, ваше высоко... величество или как там правильно? Меня зовут Вильгельм, а это — Белка. В смысле, у нее такое прозвище, а настоящего имени она еще не получила.

— Вильгельм... — протянула царица. — Какое интересное имя... Вильгельм...

У нее получалось что-то вроде «Филихельм».

— Отец придумал, — чуть виновато сказал Вим. — В честь Гауфа и младшего из братьев Гримм.

Царица снисходительно улыбнулась, словно знала, о ком идет речь. Хотя до рождения великих сказочников оставалось еще не одно тысячелетие.

— Мое имя Рашти, — сказала она.

Вим почувствовал толчок в спину и невольно шагнул ближе. Или ему полагалось поклониться? На всякий случай Вим кивнул — амазонки за спиной выглядели грозно, да и копий своих не опустили. Рашти это заметила.

— Не волнуйтесь, дети мои. — Царица подняла руку. — Думаю, эти путники не желают нам зла... Ведь так?

Глаза ее лукаво блеснули.

— Что вы! — поспешил сказать Вим. — Мы вообще...

— Вы голодны? — перебила его Рашти.

— Ну как сказать... Если учесть тот факт, что я вообще не помню, когда ел последний раз, пожалуй — да. Чуть больше, чем чертовски.

Царица кивнула со всей полагающейся по статусу снисходительностью.

— Садитесь, — Рашти указала на стол. — Не стесняйтесь. Вы проделали большой путь, и вам нужно набраться сил.

Улыбка ее была ласковой и доброй. Пожалуй, слишком.

— Она предлагает нам поесть, — сказал Вим Белке. — И я настоятельно советую тебе не отказываться.

Девочка вздрогнула и посмотрела на Вима так, словно впервые его увидела. Но, кажется, к ней возвращался дар речи:

— К... Кто эта женщина?

— Она у них вроде вождя, — пояснил Вим.

— Я вижу, — сказала Белка. — Но кто она? Тут всюду лед, который не тает. Это Владычица Льда? Но тогда почему здесь тепло и цветут цветы?

Взгляд Рашти метнулся к девочке.

— Прости, моя юная странница, я не понимаю, что ты говоришь.

— Она говорит, что у вас очень красивый город, — поспешил сказать Вим. — Особенно ей понравились... хм... некоторые цветы.

Он повернулся к Белке и зашептал:

— Никакая она не Владычица Льда! Эта дамочка и слыхом не слыхивала о твоих сородичах. И вообще — кругом не лед, а стекло.

По лицу Рашти скользнула тень, и Вим быстро заговорил:

— Простите. Она немного стесняется. Первый раз на приеме у королевы, знаете ли. Да и манерам она не обучена.

— Эта женщина... Она не такая, как кажется, — сказала Белка.

— Не надо стесняться, юное создание, — улыбнулась Рашти. — Это лучшие фрукты из моих садов. Я сделала их сама. Ешьте, не бойтесь. Мои дочери нальют вам вина.

Послышался треск электрического разряда. Короткая молния сорвалась с копья амазонки и ударила в землю. Может, и случайность, но...

— Пойдем, — зашептал Вим Белке. — Не хочу, чтобы эти дамочки загнали нас туда силой.

Он повернулся к королеве.

— Вина, пожалуй, не стоит. Моя спутница слишком юна, а алкоголь вреден для детского организма.

Лицо Рашти стало печальным, словно она не на шутку расстроилась.

Вим за руку втащил Белку в беседку и чуть ли не заставил девочку сесть. Сам по-турецки сел рядом, широко улыбнулся царице. И вдруг понял, что совершенно не хочет есть. Не хочет, да и не может. И вроде уже не отказаться — невежливо и опасно, но Вим не сомневался: сейчас любой кусок встанет ему поперек горла. Он взглянул на чудо-фрукты. Что значит «сделала их сама»? Не сорвала, не вырастила, а именно сделала?

Королева смотрела на него с любопытством. Как ученый на подопытного кролика, который вот-вот проглотит ампулу с ядом.

Вим заставил себя съесть какую-то ягоду и совсем не почувствовал вкуса. Белка же и вовсе ни к чему не притронулась.

— Вам понравилось?

— М-м... Очень вкусно, — соврал Вим. И тут же проклял себя за ложь: пришлось тянуться за второй ягодой. — Никогда не пробовал ничего подобного. Как называются эти ягоды?

— Никак, — вздохнула Рашти. — Я так устала, когда их делала, что не смогла придумать название. Берите еще, не бойтесь! *Эти* растения не кусаются.

Рашти рассмеялась. Однако Белка, судя по взгляду, думала иначе. Девочку можно понять — если тебя пытался съесть цветок-людоед, и на ромашку будешь смотреть косо. Вим взял фрукт, формой похожий на яблоко, цветом же — на перезрелый баклажан. Упругая кожура слегка прогибалась под пальцами. Вим почувствовал себя как эскимос, которому впервые в жизни дали банан. Ну и как, спрашивается, такое едят?

— Красивый у вас город, — сказал он. — Очень интересная и необычная архитектура. Как называется это место?

У самого Вима имелось несколько версий — Эдем, Авалон, Опар... Место напоминало их все разом и по отдельности.

— Разве это город! — вздохнула царица. — Здесь нет и тени величия настоящего города. И имя у него простое — Рашти.

— Такое же, как и у вас?

— Вы наблюдательны, Вильгельм, — сказала царица. — Да, этот городок назвали в мою честь.

Вим вертел в руке темно-лиловое «яблоко», не решаясь его надкусить.

— Городок? А разве есть еще другие?

Рашти смерила его взглядом. На секунду Виму показалось, что в глазах царицы что-то сверкнуло, словно рядом кто-то чиркнул спичкой — и вспышка отразилась в зрачках.

— Возможно. Быть может, мы не единственные, кому удалось спастись. Но ведь это вы пришли *оттуда*, и вы должны мне рассказать. Какие вести вы мне принесли?

Вим растерялся.

— Мы... Я? Не знаю, что и сказать...
— Как вы попали в мой город?
— Мы открыли ворота, и так получилось, что пришлось через них пройти. А вели они напрямиком в ваш сад.

Глаза Рашти словно заволокло туманом.

— Открыли ворота?

— Запустили механизм, который в свою очередь активировал линзу, — начал Вим, но по лицу Рашти догадался, что она не понимает, о чем он говорит. Постарался объяснить: — Ну, линзу — узловую точку искривления пространственно-временной ткани.

Лицо царицы стало еще более недоуменным. Вим сдался.

— Ох... Светящееся окно в воздухе.

— А... Ворота. — Лицо ее стало хмурым, но улыбка быстро вернулась. — Так вы открыли их случайно?

— Как сказать... Один приятель попросил об услуге, — сказал Вим.

— Приятель? — напряглась Рашти. — Что еще за приятель?

Вим почувствовал, что ступает на очень тонкий лед.

— Ну, не совсем чтобы приятель... Даже хорошим знакомым не назовешь. Он вытащил нас из одной весьма неприятной ситуации и взамен попросил ему помочь.

— Кто? — В голосе Рашти прозвучал металл.

Вим вздохнул. Похоже, придется играть с открытыми картами.

— Вы что-нибудь знаете о Прозрачных?

Царица вздрогнула.

— Наш приятель как раз из их племени. Его зовут Илаим. Интересный парень, жаль только, без чувства юмора. Он сказал, что эти ворота ведут к нему домой. Но сам он открыть их не может, вот и попросил о помощи.

— Так он жив. И не забыл обо мне... Но прошло столько лет... — Рашти подалась вперед. — Вы открыли ворота? И он придет?

— Ну как сказать, — Вим опустил взгляд, — ворота-то мы открыли, но так получилось, что они снова закрылись. На корабле

мы встретили одного неприятного типа, который очень хотел нас съесть. Вот и не получилось сделать все как следует.

На долю секунды лицо царицы скривилось.

— Так ворота были на корабле?

— По крайней мере, та штука очень походила на звездолет, — кивнул Вим.

— Звездолет? — Рашти привстала. Она так вцепилась в край ложа, что пальцы побелели. — Вы говорите про Ковчег?

— Ковчег? — Вим немного растерялся. — Ну, может, и Ковчег. Там были какие-то аквариумы с... живыми существами. Не каждой твари по паре, но...

Рашти, похоже, его не слушала.

— Но я ведь сама видела, как его подбили. Я видела, как он рухнул, объятый пламенем... Видела, как закипают камни там, где он упал на землю. Именно тогда я и запечатала купол... Он не мог уцелеть.

Царица амазонок прикрыла глаза. Казалось, она разговаривает сама с собой.

— Мы нашли его под землей, — сказал Вим. — Прямо в скале, как какую-нибудь окаменелость.

Он решил не говорить, что они были далеко не первыми, кто нашел корабль.

— В скале, — эхом повторила Рашти. — Там были люди? Они смогли спастись? Капсулы должны были уцелеть.

— Люди? — переспросил Вим. — Капсулы были, но вот людей я в них не заметил. Сплошь всякие уродцы.

Очень долго Рашти, не мигая, смотрела на Вима. Лицо, сперва недоуменное, с каждой секундой становилось мрачнее и мрачнее. Так легкое облачко на чистейшем небе оборачивается черной грозовой тучей.

— Уродцы? Но там же должны были быть люди. Сильные, прекрасные — лучшие в Империи. — Было видно, как Рашти мучительно пытается понять, что же произошло. — Корабль был заключен в скалу, и они не могли выбраться. А питательный раствор... Эликсир. Он не мог действовать так долго. Его нужно

постоянно обновлять, иначе он превращается в яд. Вместо того чтобы питать их тела, стал их изменять. Какая ужасная смерть!

— Вообще-то они были живы, — сказал Вим. — Ну, мне так показалось.

— Живы?! — Царица вцепилась в свою тунику и скомкала ее у горла. — Нет... Лучше бы их сожгло пламя! Ведь я уже смирилась с тем, что осталась одна...

Вим решил, что не стоит ей рассказывать о Хозяйке бандерлогов и про то, в какое чудовище та превратилась.

— Одна? А как же ваши подданные?

На лицо царицы вернулась улыбка, но грустная и печальная.

— Подданные? Это — мои дети. — Рашти жестом обвела женщин, собравшихся в зале. Но, похоже, она имела в виду всех жительниц города.

— Дети? Это в переносном смысле? Царица — мать своему народу?

— В прямом. Плоть от моей плоти. Талохи, Элая, Адме... — Она поочередно указала на девушек в доспехах.

— И вы знаете их всех по именам?!

— Разумеется, — кивнула Рашти. — Они же мои дети. И у меня было достаточно времени, чтобы их выучить.

— Как вы их только различаете? — покачал головой Вим.

Ответом ему была мягкая полуулыбка:

— Я же их мать.

Вима так и подмывало спросить, кто же отец всего этого семейства. Но он решил, что вопрос не из тех, которые стоит произносить вслух. Как и тот, как Рашти удалось родить столько детей.

— Надо же, — он покачал головой, — столько дочерей, а вы так молодо выглядите. Ничуть не старше ваших... хм... красавиц.

— И все же я их старше, — вздохнула царица. — Намного старше.

— Я бы сказал, что вам чуть больше двадцати.

— Кирша! — Рашти подняла руку. Одна из девушек, стоявших с кувшинами, склонилась к царице.

— Девочка моя, — ласково сказала Рашти, — скажи, сколько тебе лет?

На глаз Вим бы дал девушке лет семнадцать-восемнадцать. При идеально сформировавшейся фигуре лицо еще хранило следы детской припухлости. Ни единой морщинки, если не считать легких ямочек на щеках.

— Сколько лет? Я не знаю, — девушка захлопала огромными ресницами, — я давно перестала считать. Может, тысяча? Или полторы...

Вим судорожно сглотнул.

— Кирша у нас самая молодая, — улыбаясь, сказала Рашти. — Совсем еще девочка.

Царица ласково погладила девушку по щеке.

— *Полторы тысячи лет?! Но...*

Вим хотел сказать, что так не бывает. Что прожить полторы тысячи лет не может ни одно живое существо. А уж выглядеть при этом на восемнадцать — тем более. Но он прикусил язык. Вим видел слишком много вещей, которые другие считали невозможными, чтобы так легко говорить «так не бывает».

Однако Рашти, похоже, решила окончательно разрушить его представления о мире.

— Талохи, — царица повернулась к одной из стражниц, — а тебе ведь уже сорок?

— Пятьдесят, — ответила амазонка.

— Пятьдесят чего? — тихо спросил Вим. — Пятьдесят тысяч лет?

— Конечно. И Талохи не самая старшая из моих дочерей... Далеко не самая старшая.

Вим покачал головой. Похоже, он был прав с самого начала. Этот диковинный город с его прекрасными обитательницами — выходит, это и в самом деле земля вечной юности.

— Сколько же тогда вам?

Вим, не отрываясь, смотрел на Рашти. И в самом деле, сколько? Сто тысяч лет? Двести? Миллион? А он считал, что забрался далеко в прошлое! Самая заря цивилизации, ага. Но что такое

его далекий прыжок во времени по сравнению с годами, которые эта женщина прожила?!

По полным губам царицы скользнула печальная полуулыбка.

— О... Много. Очень много. Я ведь помню Империю, я видела ее гибель.

— Гибель Империи? — переспросил Вим. — Какой еще Империи?

— Великой и прекрасной. Миллионы лет мы владели землей, миллионы лет мира и гармонии. Мы жили вместе — люди и те, кого ты называешь Прозрачными. А рухнуло все в одночасье. Был раскол, была война... Всего семь дней, но этого хватило... Наши города гибли один за другим, в считанные минуты обращаясь в пепел. Земля тряслась, и горы обращались в песок. Воды морей поднялись до самого неба, и наш чудесный остров, столица Империи, ушел на дно океана...

Вим вздрогнул. Остров, ушедший на дно океана? Тут и дурак догадается, о чем она говорит. Атлантида, Лемурия, Му — названий множество, но суть одна. И истории о Золотом веке — в ту же копилку. Прекрасная древняя цивилизация, погибшая в результате чудовищной катастрофы. Так, значит, этот город — осколок Атлантиды, уцелевший каким-то чудом? А Прозрачные, получается, это атланты? Или люди? Рашти ведь сказала, что они жили вместе...

— Это был последний город, — продолжила царица. — Мелкое поселение на краю Империи. Мы смогли сделать купол, стену, которая отрезала нас от остального мира. Но потом мы поняли, что это нас не спасет: земля менялась, все континенты пришли в движение. Луна опустилась так низко, что готова была упасть. Земля была обречена... Те, кто уцелел, пытались спастись на Ковчеге. Я видела, как он взлетел. И как он упал. Наши враги, те, кто начал ту войну, — они его подбили.

Рашти печально вздохнула.

— Я тоже должна была лететь на том Ковчеге. Но я осталась... Я не могла уйти, ведь он сказал, что вернется за мной. Тогда все казалось так просто. На Ковчеге были ворота, и я думала, что,

как только он вернется, мы уйдем на корабль. Но, когда Ковчег подбили, ворота отключились... А я все ждала. До самой последней минуты не закрывала купол. Но в конце концов мне пришлось это сделать. И я осталась здесь. Одна...

Вим покачал головой. Страшная и печальная история. Да и вопросов она порождала куда больше, чем давала ответов.

Что за раскол произошел среди атлантов? Да еще такой, что из-за него едва не уничтожили планету? Люди воевали с Прозрачными? Откуда у Рашти столько детей, если она осталась здесь одна? И как за все прошедшие тысячелетия она умудрилась сохранять молодость?

И кого это она так ждала, что ради него даже не села на Ковчег? Не их ли прозрачного приятеля Илаима? Тот ведь говорил, что ворота ведут к нему домой... Но тогда получается, что и Илаиму лет ничуть не меньше, чем царице амазонок. И что же, все это время он пытался вернуться сюда? Конечно, у Прозрачных свои отношения со временем и пространством. Но если это так, то Вим прекрасно понимал этого парня. Ему тоже было к кому возвращаться.

— Однако земля уцелела и не погибла. А вы сидели здесь? В вашем городе? Ни разу не выходили наружу?

Вим представить не мог, какая это, должно быть, пытка — тысячи и тысячи лет на одном месте. Не старея, не меняясь, в окружении лишь своих дочерей. Которые тоже не видели ничего, кроме этого города... Пусть и удивительного, полного чудес осколка древней Империи. Но чего стоят чудеса, если видишь их день за днем целую *вечность*?

— Выходили? — вскинув подбородок, Рашти рассмеялась. — Ворота, которые вы открыли и которые столь неудачно закрылись... Их нельзя открыть изнутри, будь у меня хоть тысяча ключей. Отсюда невозможно выйти, Вильгельм. Никогда.

ГЛАВА 13

КРОЛИК В СИЛКАХ

Белка не понимала ни слова из того, о чем говорили Вим и женщина-вождь. Они разговаривали на неизвестном ей языке — тягучем и мяукающем, но от одних звуков которого кожа покрывалась мурашками. Всякий раз, когда незнакомые слова срывались с губ женщины-вождя, девочка вздрагивала. Казалось, она слышит что-то такое, что вовсе не предназначалось для человеческого уха.

Но одно Белка знала наверняка — эта женщина ей совсем не нравилась. Не внешне; Белка бы в жизни не создалась в этом, но в глубине души признавала — женщина и в самом деле красива. И она знает это, гордится своей красотой и выставляет ее напоказ. Это было видно и по ее одежде, которой почти не имелось, и сквозило в каждом ее движении. Белка в жизни не видела, чтобы женщины так себя вели, — ни среди кайя, ни среди навси.

И в то же время красота женщины-вождя казалась какой-то неправильной. Ненастоящей. Она была похожа на гнилой орех: крепкая блестящая скорлупа снаружи, но внутри лишь тлен да труха. Этого сразу не заметишь, но, если присмотреться, всегда можно найти червоточину. Маленькую дырочку, сквозь которую червяк пробрался внутрь. И Белка ее видела. Лицо женщины-вождя было добрым, она приветливо улыбалась, но в глазах нет-нет, да и мелькали совсем другие чувства. Усталость, скука и предвкушение.

Белка не понимала ее слов и, возможно, именно поэтому видела то, что за ними скрывалось. Вот она что-то сказала, печально качая головой, — лицо Вима после этих слов побелело, но Белка сразу поняла, что женщина-вождь врет. По тому, как метнулись ее глаза, как скривились уголки губ...

Увлечшись беседой, Вим не поворачивался к девочке. Словно забыл о ее существовании. Чего нельзя было сказать об остальных. Женщины-охотники не спускали с нее глаз, и Белка не могла понять, чего в их взглядах больше — любопытства или же зависти и злобы. Наконечники их копий то и дело вспыхивали голубым пламенем. Словно внутри прозрачных камней прятались настоящие молнии. И как им удалось их поймать? Но глядя на лица женщин-охотников, Белка понимала — раз поймав, они уже добычу не упустят.

Ощущение нависшей угрозы давило, точно камень. Белка нутром чуяла, что попалась, как кролик в силки. Она еще не видела, где ловушка и в чем, но точно знала, что она есть. И значит, надо быть очень осторожной. Когда кролик начинает дергаться, петля только сильнее затягивается у него на шее.

Белка не притронулась ни к одному из фруктов, лежащих перед ней. И вовсе не потому, что не хотела есть. На самом деле ее живот крутило от голода. Но Белка прекрасно знала, что еда — один из тех путей, по которому злые духи попадают в тело. А в том, что в диковинных растениях сидят злые духи, можно не сомневаться. Белка видела лес, в котором росли эти фрукты, — лес, в котором у цветов есть зубы, а ветви извиваются, как голодные змеи.

Девочка посмотрела Вима и вдруг почувствовала себя страшно одиноко. Вим что-то говорил женщине-вождю, размахивая руками, будто это придавало значимости его словам. В кулаке у него был странный фрукт с темно-фиолетовой кожурой. Надкушенный — густой красный сок стекал по пальцам и крупными каплями падал на пол. Белке казалось, что фрукт в его руке истекает кровью.

Ничего этого Вим не замечал. Как не замечал он и того, как смотрят на него эти странные женщины. Но Белка видела, как

напряглись сильные мышцы под блестящей загорелой кожей. Словно женщины ждали только подходящего момента, чтобы на него наброситься.

Сердце колотилось мелко и часто. Девочку била легкая дрожь, но она надеялась, что женщины-охотники этого не замечают. Белка глубоко вдохнула. Успокойся, сказала она себе, помни о кролике в силках... Главное — не дергаться.

Если бы рядом был Вурл! Сильный и надежный друг. Он бы смог ее защитить. Он бы не испугался и не прельстился лживой красотой. Медведь бы сразу все понял... И ни одна охотница не смогла бы его остановить. Даже если в их копьях заключены все молнии неба.

Но Белка не представляла, где сейчас может быть Вурл. А у нее самой не было даже ножа. Ничего, чтобы защитить себя и Вима.

Незаметно, под одеждой, Белка сжала в кулаке фигурку Хранителя Рода. Маленький Медведь слабо вибрировал. Белка прикрыла глаза, прислушиваясь к далеким голосам-образам, зазвучавшим в голове.

...Яркие вспышки замелькали перед глазами. Зеленые, белые, красные... Словно на нее обрушился водопад красок. Девочка почувствовала дрожь воздуха под крыльями, мягкий ветер гладил перья. Каждый цветок казался невероятно огромным, в глубоких чашечках блестели вязкие капли нектара... Белка задрожала, предвкушая сладость, с которой ничто не может сравниться...

Девочка отстранилась от этих видений. Ну конечно, первым делом она услышала мысли тех, кто оказался ближе всего, — разноцветных птиц, порхавших по цветущему лесу в доме женщины-вождя.

Белка покачала головой. От этих птиц помощи ждать не стоит. Что они могут? Ущипнут пару раз, а потом их прихлопнут, точно комаров. Конечно, один раз птица спасла Белке жизнь. Но то был сокол, сильный хищник с крепким клювом и острыми когтями. Здесь же — сплошь раскрашенные воробы, которых даже мухи не боятся.

Но что-то заставило Белку не отпускать фигурку. Где-то далеко, за бестолковыми птичьими «голосами», она услышала что-то еще. Голос был тихий, и в то же время Белка сразу же почувствовала скрывающуюся за ним силу и мощь. Как далекий раскат грома, когда самой грозы еще не видно за краем земли.

Очень осторожно Белка стала приближаться к этому голосу. Она не понимала, что это за зверь, но чувствовала, что он очень большой. Больше медведя, больше лося и бизона... Мамонт? Крупнее зверей Белка не знала.

Но этот зверь... Он был больше мамонта, гораздо больше. В огромном теле скрывалась сила, которую Белка не могла вообразить. И казалось, единственное ее предназначение — ломать, крушить и рвать на части. Белка чувствовала злобу и ярость, бурлящую, подобно пузырям болотного газа, поднимающимся из трясины.

Зверь был очень старым. Мысли его текли неспешно, как влажная глина, сползающая по краю высокого обрыва. И пытаться ими управлять — все равно что голыми руками останавливать этот оползень. Ничуть не легче, чем управлять мыслями подземной змеи... Белка подумала: а не змея ли это? Но нет — у существа были лапы, сильные и с большими когтями.

Зверь вздрогнул, и Белка почувствовала, что он задел боком стену. Шажок в сторону, и вот еще одна стена. Где бы ни находился этот зверь, там ему было очень тесно. Он не мог даже повернуться.

Ярость зверя разгоралась. Вот он снова ударил боком стену, взмах могучего хвоста обрушился на противоположную... Но все без толку. Будто он находился в тесном каменном мешке, из которого нет выхода. И тем не менее зверь не сдавался. Все сильнее и яростнее он бросался на стены, когти скребли по гладкому камню...

Где-то внизу сверкнула яркая голубая вспышка. Боль походила на боль от ожога, словно Белка изо всех сил сжала в кулаке раскаленную головешку. Только во много раз сильнее. Девочка едва не закричала и рванулась прочь от странного зверя...

Тяжело глотая воздух, Белка открыла глаза. Женщина-вождь смотрела прямо на нее и улыбалась. И девочке вдруг стало страшно.

Улыбка женщины-вождя казалась дружелюбной, но в то же время резала, как острый нож. Белка не могла отвести от нее взгляда. Чувствуя, как внутри все сжимается, она смотрела на ровные белоснежные зубы, виднеющиеся за сочными красными губами.

Женщина-вождь что-то сказала, но девочка не услышала ее слов. Широко улыбаясь, она протянула Белке ладонь.

Белке хотелось вскочить на ноги и броситься бежать. И в то же время она не могла пошевелиться, будто из тела забрали все силы, будто кости и мышцы обратились в гнилую труху. Улыбка женщины-вождя держала ее, как самая прочная веревка из крепких сухожилий.

— Она говорит, что хочет взглянуть на твой артефакт, — донесся до девочки голос Вима.

— Что? — Белка повернула голову.

— На фигурку Медведя. Просит, чтобы ты дала ее посмотреть...

Вим снова откусил от лилового фрукта и вытер с губ красный сок. Точно размазал кровь. Глаза его лихорадочно блестели, зрачки были огромными и черными... Белка отпрянула. Она отлично помнила, где и когда видела подобный взгляд: точно так же блестели глаза старого Оолфа, когда тот выпивал особый отвар из грибов, чтобы общаться с духами.

— Хранителя Рода? — прошептала девочка. — Она хочет забрать Хранителя Рода?

— Нет, — Вим мотнул головой, будто боролся со сном, — она хочет на него посмотреть.

Женщина-вождь продолжала держать руку протянутой. Она ждала.

— Откуда она про него знает? — прошептала Белка.

— Наверное, поняла по глазам. — Вим коротко хихикнул. И тут же лицо его стало озадаченно-серьезным. Вим несколько раз моргнул и ущипнул себя за запястье. — Так что ей сказать?

— Я... — Белка крепко прижала к себе фигурку. — Это Хранитель Рода. Он должен найти своих детей... Она — не кайя.

— Ага. — Вим глупо улыбнулся и что-то сказал женщине-вождю.

Краем глаза Белка заметила, как напряглись остальные женщины. Копья их приподнялись, синее пламя внутри наконечников вспыхнуло ярче. Белка напряглась, готовая к тому, что в любой момент кто-нибудь может наброситься со спины. И пусть у нее нет ножа, но зато у нее есть ногти и зубы — она еще может постоять за себя.

От женщины-вождя Белку отделяло всего несколько шагов. Успеет ли она добраться до нее, прежде чем охотницы в блестящей одежде смогут ее остановить? А если и успеет, то что дальше? Вот если бы на столе была хотя бы острая кость! Но нельзя же нападать на врага, вооружившись только фруктом...

Брови женщины-вождя недоуменно приподнялись, в глазах блеснула влага. Казалось, она обиделась, но совершенно по-детски. Будто ей никогда в жизни не доводилось слышать отказы. На ее лице — слишком красивом и слишком правильном — промелькнуло что-то плотоядное, отчего у Белки мороз пробежал по коже.

Женщина-вождь всплеснула руками и о чем-то быстро заговорила. Голос напомнил Белке шипение лесной кошки. Слушая ее, Вим рассеяннo кивал, а быть может, клевал носом. Но едва женщина-вождь закончила говорить, он встрепенулся.

— Она говорит, что не собирается забирать твой артефакт, — перевел Вим. — Мол, у нее у самой этих артефактов... Хм... Как грязи. Она просто хочет на него взглянуть — мол, посмотрит и сразу отдаст... Как грязи? Забавно. Они что, бежали из своей Атлантиды, побросав все, что только можно?

— Нет, — резко сказала Белка.

Перевода не потребовалось — женщина-вождь и так все поняла. Она опустила руку и пристально посмотрела на Белку. И сейчас в ее взгляде не осталось и тени напускной доброжелательности. Белка не отвела глаз, сидела с абсолютно

прямой спиной, крепко прижимая к груди фигурку Медведя. Отдать ее этой женщине? Это немыслимо... Духи предков выбрали ее, Белку, чтобы она помогла Хранителю Рода найти его детей. Как она может предать свое племя, свой род? Как она тогда обретет свое имя? Да она скорее умрет, чем допустит подобное.

У женщины-вождя дернулась щека. Казалось, сам воздух между ними сгустился, и в нем проскакивают искры.

— Ну и видок у тебя, старушка. — Вим хихикнул. — Сделай лицо попроще, а? А то смешно, чес-слово... Самой бы в куклы играть, а напыжилась — ну прям как большая.

Белка повернулась к нему. На худом лице Вима застыла идиотская улыбка, глаза блестели, рот и подбородок были вымазаны красным соком. По бороде стекала тоненькая струйка слюны, но он этого не замечал. Белка отпрянула.

Встретившись с ней взглядом, Вим нахмурился.

— Ничего ей не давай. — Лицо его стало серьезным. — Забрать артефакт силой она не сможет — тогда он перестанет работать... Черт, хорошенькие здесь фрукты...

Он прикрыл глаза и стал наклоняться вперед. Но тут же выпрямился и затряс головой.

— Ох... — пробормотал он. — Что-то я засыпаю... Где бы тут прилечь поудобнее?

— Прилечь? — прошипела Белка. — Ты собрался спать?

Девочка не верила глазам и ушам. Он что, в самом деле собрался спать? Вот прямо здесь и сейчас? Решил бросить ее одну, с этими... Белка сглотнула. С этими женщинами?

— Крепкий сон, старушка, залог хорошего самочувствия и бодрости духа, — нравоучительно сказал Вим и тут же захихикал. — Как сказал-то! Прям сам себе и поверил...

Белка в ужасе смотрела на него, не понимая, что делать. Вим изменился так быстро, что девочка растерялась. Видит ли он ее вообще? Зрачки его были такими огромными, что глаза выглядели совсем черными, как вода в самом глубоком омуте.

— Ну и вляпались же мы, старушка! — весело сказал Вим.

Еще немного — и девочка готова была расплакаться. Но она сдержалась: кайя не плачут.

— Нет, стоп. — Вим замотал головой. — Какая еще старушка? Вот наша царица-марица — вот она точно старушка... Представляешь, ей целый миллион лет! Она, поди, динозавров видела и этих, как там их... трилобитов! И дочурки ее — одна другой краше... Тьфу, старше... Прямо бессмертные эльфийские принцессы. Галадриэли всякие... ох...

Белка не пыталась понять, о чем говорит Вим. И так ясно: он сошел с ума и бредит. Женщина-вождь отравила его, хотя Белка и не понимала, зачем ей это понадобилось. Ядовитый фрукт давно выпал из пальцев Вима и откатился в сторону. Белка с отвращением посмотрела на красную, как свежее мясо, мякоть.

Вим что-то сказал, повернувшись к женщине-вождю, на что та звонко рассмеялась. Вим удовлетворенно кивнул и снова закрыл глаза. Некоторое время просидел, опустив голову. Но едва Белка решила, что он уснул, как Вим встрепенулся и пару раз ударил себя по щекам.

— Эй! — пробормотал он. — Вильгельм, ты чего? Проснись и пой...

— Вим? — жалобно пискнула Белка.

— Да, да... Я сейчас. Надо собраться... Сейчас я что-нибудь сыграю. Что-нибудь психоделическое... «Interstellar Overdrive»¹ тебя устроит?

Он вытащил музыкальную коробочку и пару раз в нее дунул. Звуки походили на вопли жабы, на которую наступили ногой. Вим прекратил играть и ошалело уставился на музыкальную коробочку.

¹ «Interstellar Overdrive» («Межзвездный перелет») — инструментальная композиция с первого альбома «Pink Floyd» «The Piper at the Gates of Dawn» (1967) с крайне авангардным и дезориентирующим звучанием. В своем роде эксперимент по отказу от привычных музыкальных форм. Так что предложение Вима исполнить ее на губной гармонике звучит, мягко говоря, самоуверенно.

— Черт, ну я прям как Сид Барретт¹ на пике карьеры... Забываю аккорды и мелодии. Всегда подозревал, что мы похожи не только внешне.

Похоже, это была шутка, и она показалась Виму настолько забавной, что он расхохотался в голос. Лицо его покраснелось, слезы текли по щекам сплошным потоком. Смех душил его. Не в силах больше сидеть, Вим упал на пол и скорчился, прижав руки к животу. Но он не прекратил хохотать — визгливо, надрывно, срываясь на хрипы. Точно такие же звуки издавал Демон-Хохотун со звездной лодки. Так вот какой дух в него вселился!

Смех Вима оборвался на тонкой ноте, а сам он замер и больше не шевелился; глаза его закрылись. Лишь по тому, как вздрагивал острый кадык, Белка поняла, что Вим еще жив.

В зале повисла мертвая тишина. Вместе с жутким смехом разом стихли прочие звуки — шелест листвы за спиной и переливчатый щебет птиц. Не осталось ничего, кроме глухих ударов ее собственного сердца. Белка сидела, боясь пошевелиться и чувствуя, что женщины смотрят только на нее. Она осталась одна.

Белка подняла взгляд на женщину-вождя. Та не скрывала торжествующей усмешки. Глаза ее стали узенькими, как щелочки. Она что-то сказала, протягивая Белке руку.

— Нет. — Девочка изо всех сил вцепилась в фигурку Хранителя Рода.

Женщина-вождь раздраженно дернула подбородком и повторила свою просьбу. Впрочем, не просьбу, а повеление. И хотя девочка не понимала слов, она отчетливо услышала прозвучавшую угрозу.

— Нет, — сказала Белка.

¹ Сид Барретт (наст. имя — Роджер Кит Барретт) — легендарный музыкант, поэт, композитор и художник. Один из создателей психоделического направления в рок-музыке. Основатель «Pink Floyd». Из-за нервных срывов, вызванных гастрольным ритмом и употреблением наркотиков, был вынужден уйти из группы и в дальнейшем жил затворником в Кембридже. Но, несмотря на короткий период творческой деятельности, оказал сильнейшее влияние на развитие рок-музыки.

В тот же момент одна из женщин-охотниц ткнула ее копьем в основание шеи. И Белка отчетливо услышала громкий треск.

Девочка завизжала от боли. словно ей под кожу вонзили горящую головню, и позвоночник вспыхнул, как старая сухая ветка. И эта боль не прекращалась, накатывала новыми и новыми волнами.

Белка упала. Она ничего не видела и не слышала; не чувствовала ничего, кроме боли. Каждая частичка ее тела горела жгучим пламенем.

Когда охотница убрала копье, Белка не смогла встать. Скрючившись, лежала на холодном гладком полу. По щекам текли слезы. Кайя не плачет, но и сдержать их Белка не могла.

Женщина-вождь снова что-то сказала и требовательно взмахнула рукой. Белка сглотнула.

— Нет...

Над головой женщины-вождя пролетела рыжая бабочка, тяжело взмахивая огромными крыльями. Не отрываясь, Белка смотрела на ее полет. Бабочка парила, как кленовый лист, подхваченный ветром. Резные крылья то вспыхивали багрянцем, то отливали ярко-желтым или же темно-красным. Так осенняя листва отражается в быстрых водах Матери Аэйлы. До чего же красиво...

Женщина-вождь что-то выкрикнула и взмахнула рукой. Белка изо всех сил сжала в кулаке фигурку Хранителя Рода. Где-то далеко она услышала бестолковый гомон птиц и тяжелый хрип неведомого зверя.

Девочка уже была готова к тому, что охотница снова ткнет ее жалящим копьем. И будет жечь до тех пор, пока от нее не останется и горстки пепла. Но вместо этого женщина опустилась перед ней на корточки и схватила за запястье, заламывая руку. Второй рукой она принялась разгибать пальцы девочки.

Белка сопротивлялась как могла: извивалась змеей, пиналась, выворачивала шею, пытаясь укусить охотницу... Но силы были неравны. Палец за пальцем женщина разжала ее кулак и вырвала фигурку Медведя. А затем встала, отпихнув девочку ногой.

Задыхаясь от ужаса и боли, Белка смотрела на маленькую блестящую фигурку, раскачивающуюся на шнурке. Хранитель Рода! Она... Она потеряла его! Девочка видела, как Медведь на нее смотрит — чуть склонив голову, с такой печалью во взгляде, что ее невозможно выразить словами... Белка взвыла.

Не обращая внимания на крики, охотница шагнула к женщине-вождю и передала ей фигурку. Та взяла Хранителя Рода двумя пальцами, повертела перед глазами и удовлетворенно хмыкнула.

Белка попыталась подняться. Не получилось... Но ползком, на животе, она все равно до нее доберется... Ладони скользили по гладкому полу.

Женщина-вождь что-то сказала, указывая на Белку. Тут же к девочке шагнули сразу две охотницы с жалящими копьями. Схватив за руки, охотницы подняли ее вверх. Голова девочки мотнулась, и она прокусила губу.

— Хранитель Рода, — прохрипела Белка, сплевывая кровь. — Он должен... найти своих...

Женщина-вождь взмахнула рукой, отгоняя кружащую над головой бабочку.

Потом Белку тащили... Вверх, вниз, по крутым лестницам и темным туннелям. Девочка не осознавала, что происходит; не чувствовала боли, когда ударялась коленями о ступени. В голове стучала единственная мысль в такт ударам бешено колотящегося сердца: Хранитель Рода должен найти своих детей. Хранитель Рода должен...

Женщины занесли ее в крошечную комнату с высокими стенами и швырнули на твердый холодный пол. Белка осталась лежать — ни встать, ни приподняться она не могла.

Последнее, что она увидела, — это еще одну стену, которая медленно опускалась, наполняясь изнутри темно-зеленой водой.

Хранитель Рода должен...

ГЛАВА 14

ПРОЗРАЧНЫЙ НОЖ

Сухая ветка громко треснула, и костер зашипел, словно на угли плеснули водой. Ярко-рыжие искры взметнулись к потолку и заплясали в неподвижном воздухе пещеры. Часть осталась висеть, постепенно угасая и превращаясь в далекие звезды.

Прижавшись спиной к холодному камню, Белка смотрела, как четверо охотников преследуют бегущего оленя. В боку зверя покачивалось древко метательного копья. Олень был смертельно ранен и истекал кровью, и в то же время он продолжал бежать... Вечная Охота.

— Явилась наконец, — голос Оолфа скрипел, как старое дерево. Белка опустила взгляд.

— Всего один вопрос меня мучает, — сказал старый знахарь. — Зачем ты мне притащила эту ненормальную птицу? Мне от нее уже житья нет!

— Что?

Белка всмотрелась в дрожащие языки пламени.

Как и прежде, старый знахарь сидел на корточках перед костром, по другую сторону огня, и кривой веткой ворошил угли. Тощий как жердь, руки-ноги — точно палки, борода всклокочена и торчит в стороны. Все как и прежде... Почти.

На плече у старика сидел небольшой пестрый сокол. Белка сразу узнала птицу. Это был тот самый сокол, который помог ей в схватке с Тойком — бывшим сородичем, которого Владычица Льда превратила в великана. Сокол погиб в той схватке, но в память о храброй птице Белка вплела пару его перьев себе

в косички. Девочка не ожидала, что сокол окажется здесь, в пещере Вечной Охоты, вместе со стариком-знахарем.

— И кто будет следующий? — мрачно поинтересовался Оолф. — Бизон? Или, может, мамонт? Одному не развернуться, а она тащит сюда все подряд.

Сокол возмущенно заклекотал.

— Да заткнись ты, ворона ненормальная. — Знахарь стукнул птицу по голове ладонью. — Верещит и верещит, а чего верещит — попробуй пойми. В следующий раз найди кого-нибудь более сообразительного.

Повернув голову, сокол щелкнул клювом у самого уха старика. Еще немного — и оторвал бы мочку. Знахарь замахал рукой, но сокол остался сидеть на его плече. Длинные и острые когти глубоко впивались в плоть, но боли старик, похоже, не чувствовал.

— И до чего упрямая тварь, — вздохнул Оолф. — Раз уж вцепился, своего не отпустит. Тебе бы следовало поучиться у него упорству.

— Я... — Белка замолчала. Слова застряли в горле колючим комком. Как она скажет, что потеряла Хранителя Рода?

— А ты чего? Опять решила помирать? Пошла отсюда... Мне одной этой птицы достаточно, еще и тебя тут терпеть.

— Я... — Белка всхлипнула.

— Что «я»?

— Я не смогла, — тихо проговорила девочка. — Я его потеряла. У меня его отняли...

— Кого именно? — прищурился старик.

Он ткнул веткой в костер, и искры закружились вокруг его лица подобно светлякам. Сокол захлопал крыльями, то ли пытаясь взлететь, то ли отгоняя огненных жуков. Белка опустила взгляд.

— Хранителя Рода, — сказала она. — Они забрали фигурку Хранителя Рода.

Не смея взглянуть на Оолфа, девочка смотрела на извивающиеся языки пламени. В огне ей мерещились вытянутые лица,

огромные клыкастые пасти, распахнутые в крике... Духи огня с яростью бросались на сухие ветки, но не могли их пожрать.

— М-да... — Старый знахарь пару раз щелкнул языком. — Нехорошо как-то получилось... А я ведь тебя предупреждал! Ну скажи, предупреждал ведь?

— Предупреждал? О чем?

Оолф поворошил угли.

— Так нет же, — продолжил он, словно не услышал вопроса. — Конечно, зачем слушать старика, который еще и умер? Да что он понимает! Нет, я здесь самая умная, я самая смелая, я самая сильная! Так?

— Но...

— Я лучше знаю, что хорошо, что плохо и как надо поступать! — не унимался Оолф. — У самой имени нет, а туда же!

Сокол заклекотал, захлопал крыльями по голове старика.

— Ты-то молчи! Разумеется, она ни одного яйца не высидела! Лишь бы слово вставить... Уф...

В отблесках пламени лицо старика было красным, будто с него содрали кожу. Искры сверкали в бороде, казалось, еще немного — и волосы вспыхнут, превратив голову знахаря в пылающий факел.

— Говорил я тебе с ним не связываться? — спросил Оолф, ткнув в сторону Белки тлеющей веткой. — Сколько раз я тебя предупреждал — держись от него подальше?

— Ты о призраке? — спросила Белка. — Прозрачный человек... Илаим?

— О-о! — застонал Оолф. — Нет, ты только послушай — *Илаим*... Она уже с ним по имени, ну ты подумай! Умереть не успеешь, а она уже связалась с каким-то призраком. Ну почему я не взялся учить кого-нибудь, у кого в голове есть хоть капелька мозгов? Да хоть того парня по прозвищу Барсук — он и то поумнее будет.

Сокол пару раз громко щелкнул клювом.

— Да что мне твои птенцы! Ты на нее посмотри — *И-ла-им*... Тьфу! И что потом? Мясо из одной миски? Или еще чего?

Белка втянула голову в плечи.

— Но он спас меня! Если бы не он, меня бы сожрало подземное чудовище.

— Спас! Очень ты ему нужна, — фыркнул Оолф. — Та еще пигалица выискалась. Да не будь у тебя предмета, он бы и мизинцем ради тебя не пошевелил.

— Нет. — Белка замотала головой. — Ему не нужны предметы. Он не может ими пользоваться.

Старый знахарь прищурился.

— А разве я говорил, что предметы нужны ему, чтобы ими пользоваться? В них, в предметах, заключены осколки его души. И жить он без нее не может. Это он снаружи беленький и прозрачный — внутри же чернее сажи.

— Неправда! Он... Предметы нужны ему только для того, чтобы открыть ворота. Он хотел вернуться домой.

— Домой! — Оолф с размаху ударил палкой по костру. — Ну надо же! Ты только подумай — *вернуться домой*.

Сокол возмущенно заклекотал.

— Вот и я о том же, — кивнул старый знахарь. — Не суди его по себе. Это ты птенец, который выпал из гнезда. И это ты хочешь вернуться домой. А он... Он из тех, кто свое гнездо разрушил. А вместе с гнездом сжег заодно и лес вокруг. Так что подумай хорошенько — зачем ему возвращаться?

— Я... Я не знаю. — Белка вздрогнула.

— Вот именно, — фыркнул Оолф. — Ничегошеньки ты не знаешь, глупая маленькая девчонка. И нечего задирать нос.

Обида крепкой рукой сжала горло. Она же... Она не задирала нос! Она все делала правильно, так, как должны поступать кайя! Она...

— Я потеряла Хранителя Рода.

Старый знахарь посмотрел на сокола.

— А может, с ней не все потеряно? — сказал он птице.

Сокол пару раз взмахнул крыльями.

— Давным-давно, — начал Оолф, — когда Мать Аэйла была юной девушкой, такой прекрасной, что звезды спускались взглянуть

на ее красоту, пришли к ней три охотника. Медведь — упорный и сильный, Росомаха — бесстрашный и яростный, Рысь — терпеливый и ловкий. Увидели они красоту Аэйлы, и каждый захотел взять ее в жены. Выбери лучшего охотника, сказали они, и будет он твоим мужем. Три задания дала им Аэйла — поймать белого оленя, быстрого как ветер; белого мамонта, огромного как гора; и белого вепря, яростного, как снежная буря. Все задания выполнили охотники, и не нашлось среди них лучшего. Так и не смогла выбрать Аэйла. И тогда все трое вошли в воду, и река приняла их. А потом воды Аэйлы расступились, и на берега вышли первые кайя... Знаешь ведь эту историю? Помнишь?

Разумеется, Белка помнила. Она же кайя! Раньше, чем ребенок получал свое детское прозвище, он узнавал, из какого он племени и рода и откуда они появились.

— Хорошо, что не забыла, — кивнул Оолф. — Ты кайя до тех пор, пока помнишь свой род. Помнишь, откуда он пришел... А раз ты еще кайя, что же ты боишься, что потеряла Хранителя Рода?

— Женщины с жалящими копьями... Они забрали его.

Сокол на плече старика защелкал клювом — будто рассмеялся.

— Глупая маленькая Белка, — покачал головой старый знахарь. — Чем же ты меня слушаешь? Или в голове совсем пусто — в одно ухо слова влетают, а из другого тут же и вылетают? Смотри...

Веткой он указал на рисунок на стене. Огромный медведь, раскачиваясь, брел меж высоких камней, преследуя стадо бизонов. Белка увидела в этом звере Вурла, но вместе с ним всех остальных медведей, которые только ступали и которые только ступят на землю. Образ и предмет — суть одно и то же.

— И что? — сказал Оолф. — Это Хранитель Рода?

Белка не знала, что ответить.

— А может, это? — спросил старый знахарь, указывая на рисунок другого медведя, пирующего над тушей овцебыка.

Белка не видела, чтобы Оолф сходил с места. Но старый знахарь уже стоял рядом с ней. Сокол, сидевший на костлявом плече, хитро поглядывал на девочку.

— Хранитель Рода — не где-то там. Не в рисунке на стене, не в тотемном столбе и не в блестящей фигурке, — продолжил Оолф. — Наши предки вошли в воды Аэйлы, но вышли из нее кайя. Понимаешь, что это значит?

Белка кивнула.

— Настоящий Хранитель — он здесь, — узловатым пальцем знахарь ткнул Белку в плечо. — В тебе самой. Ты кайя, а значит, в тебе есть частичка духа-хранителя.

— Частичка?

— И он целиком, — кивнул Оолф. — Капля воды заключает в себе все воды мира. Один человек заключает в себе весь свой род — от начала и до конца. Пока ты помнишь, кто ты есть, Хранитель Рода будет с тобой.

— Но фигурка...

— Это только фигурка. Я же тебе говорил об этом — помнишь? Хорошее копье, и не более того.

— Но ты сказал, что Хранитель Рода должен найти своих детей.

— Разумеется. — Оолф фыркнул. — Хранитель Рода, а не блестящая безделушка.

Вытянув шею, сокол пронзительно крикнул.

— Хорошо сказал, — кивнул старый знахарь. — Пусть ты и вывалилась из гнезда, крылья-то все равно с тобой. Давай, пора уже лететь.

Сокол сорвался с его плеча и закружил по пещере. Изломанная тень поползла по стене. Белка смотрела, как птица скользит среди дрожащих бликов — круг, другой... С громким клекотом сокол ударился о стену. Но полет не прекратился. Нарисованный красной охрой сокол парил над бескрайними полями Вечной Охоты, постепенно превращаясь в крошечную точку, темную выбоину на камне.

— Опять притащит какую-нибудь мышь, — мрачно сказал Оолф. — Сколько раз ему говорил — не нужны мне его мыши, все без толку.

Он повернулся к Белке.

— Ты еще здесь? Давай, иди отсюда... Учись летать.

Оолф замахнулся на девочку горячей веткой. Невольно она подняла руку, заслоняясь от полетевших искр. А когда опустила ладонь, в глаза бил уже совсем другой свет.

Это были цветы.

Чуть прикрыв глаза, Белка лежала на холодном полу и смотрела в потолок. Комната оказалась крошечной — шагов пять в длину и не больше шага в ширину. Не вставая с места, Белка легко могла дотянуться до любой из боковых стен. Но зато потолок был высоким — четыре человеческих роста, не меньше.

Наверху переплетались толстые темно-зеленые стебли неведомых растений, с которых свисали пышные грозди мелких цветов. Их лепестки светились дрожащим синеватым светом. Белка увидела и бабочек — крошечных, не больше ногтя, с крылышками, сверкающими как звезды.

Было тихо. Настолько, что, казалось, эту тишину можно потрогать руками, а стук сердца звучал громче ударов самого большого бубна. Удар, еще удар...

— Я кайя, — сказала девочка. — Мое сердце бьется. Я жива, а значит, жив и Хранитель Рода. Он живет во мне, и я помогу ему найти его детей.

Она прислушалась. Почему-то Белке казалось, что она должна услышать ответ: быть может, далекий медвежий рев. Но в комнате было по-прежнему тихо. Беззвучно порхали бабочки, беззвучно покачивались светящиеся цветы.

Держась руками за стены, Белка села. Стоило ей приподняться, как по затылку будто ударили чем-то тяжелым и мягким. Голова закружилась, кровь загудела в ушах. Некоторое время Белка сидела, опустив голову, борясь с накатывающими приступами тошноты. Во рту горчило от едкого привкуса желчи.

— Я кайя, — упрямо повторила Белка. — И я жива.

Она заставила себя улыбнуться. Бывало и хуже... По крайней мере, за стеной не ревет огромное чудовище, мечтающее ее сожрать.

Но до сих пор, в какую бы переделку она ни попадала, рядом всегда кто-то был. Вим или Вурл, Аска или же ее брат Кирк... Сейчас же она осталась одна. Без оружия и без фигурки Хранителя Рода, голодная и усталая. В тесной комнате, где нет дверей.

Страх — толстый холодный слизняк — заворочался где-то внизу живота. Но Белка лишь стиснула зубы.

— Я кайя...

Девочка несколько раз глубоко вдохнула. Стало немного легче. Голова постепенно перестала кружиться, а следом отступила и тошнота. Кровь из прокушенной губы коркой засохла на подбородке. Белка сплюнула на ладонь и кое-как вытерла лицо.

Стены в комнате оказались абсолютно гладкими, без единой выщербинки и выемки. Сделаны они были из очень твердого льда, который не таял, даже когда Белка прижимала к ним ладони или пыталась растопить дыханием. Не иначе как сама Владычица Льда приложила к этому руку, что бы там ни говорил Вим.

Три стены были черными как ночь, четвертая же оказалась прозрачной. Впрочем, разглядеть, что находится по ту сторону, было невозможно. Внутри стены бурлила мутная зеленая вода. Белка подошла ближе и изо всех сил ударила по ней кулаками. Без толку — лед был слишком крепким, с тем же успехом она могла молотить и по камню.

Белка отступила к дальней стене. Крепкий... Нет такого льда, который невозможно разбить. Надо только хорошо постараться.

Разбежавшись, она ударила стену плечом. Рука онемела, Белка тихо вскрикнула. Но стена не шелохнулась, не пошла трещинами.

Белка снова отступила... Она кайя, в ней есть частичка Хранителя Рода. А Медведь был охотником сильным и упорным. Пусть она и не такая сильная, но зато упорства ничуть не меньше. Белка снова разбежалась и ударила. Потом опять...

Прошло довольно много времени, прежде чем девочка наконец перестала бросаться на стену. Белка не сдалась. Просто устала. Тяжело дыша, девочка села на пол. Плечо отдавало ноющей

болью — синяк, должно быть, уже на всю руку. Все ее прыжки на стену прошли впустую. Но ничего, ей бы только отдышаться. Нельзя же сидеть и ничего не делать?

Сверху, кружась и танцуя, опустился крошечный сверкающий мотылек. Белка взмахнула рукой. Красивая бабочка, но сейчас, кроме раздражения, других чувств она не вызывала. Девочка замерла и посмотрела вверх.

Мотылек... Над головой виднелись лишь светящиеся цветы и плотно переплетенные ветви. Ни единого просвета. Но откуда-то он прилетел? А если там, наверху, есть выход? Нужно только туда добраться.

Вытянув руки, Белка дотянулась до боковых стен. Пусть здесь и не за что зацепиться, но можно ползти вверх, упираясь в стены руками. Медленно, тяжело, но...

Потные ладони заскользили по гладкой поверхности. Белка прикинула, что если она свалится с такой высоты, то руки-ноги точно переломает. С другой стороны, она их переломает, если будет и дальше биться о стену. А раз итог один...

Усмехнувшись, Белка насухо вытерла ладони об остатки одежды. Пришлось снять мокасины — обувь все равно уже никуда не годилась, а упираться в стену босыми ногами удобнее и надежней. Распластавшись, как древесная лягушка, Белка поползла вверх, каждый раз передвигая руки на расстояние не больше ногтя.

Мотыльки закружили у лица девочки; приходилось их сдвигать, но при этом не дергая сильно головой. Белка прекрасно понимала: одно неверное движение — и она сорвется. Ползти же наверх со сломанной рукой или позвоночником будет куда сложнее.

Когда, спустя вечность, Белка посмотрела вниз, выяснилось, что она поднялась на расстояние не выше роста двухлетнего ребенка. При этом мышцы уже дрожали от напряжения.

Девочка выдохнула сквозь сжатые зубы. Если она и дальше будет ползти такими темпами, то, когда она доберется до верха, уже умрет от голода и жажды. Однако стоило попытаться ползти быстрее, как Белка тут же сорвалась.

Девочка даже не ушиблась. Приземлившись на корточки, Белка взглянула наверх. Гроздь светящихся цветов слегка покачивались, хотя Белка совсем не чувствовала ветра. Ладно... А если попробовать упираться руками в одну стену, а ногами — в другую?

Именно в этот момент Белка и поняла, что на нее смотрят. Должно быть, краем глаза заметила движение. Опустив взгляд, девочка уставилась на темный силуэт, появившийся за зеленой стеной.

Белка не видела лица, лишь расплывающиеся очертания фигуры. Ну а лицо... Белка и так знала, какое оно будет. Чуть старше, чуть моложе, но все равно одно и то же.

Послышалось тихое шипение. Зеленая вода быстро убывала, а вслед за этим стена поползла вверх. Как дверь на звездной лодке.

Белка напряглась. Вот сейчас... Как только стена приподнимется достаточно, чтобы она могла под ней проскочить... Стена приподнялась, а Белка продолжала сидеть на корточках.

На пороге показалась женщина в прозрачной одежде. Белка никогда бы не смогла сказать, видела ли она ее раньше. Это с легкостью могла быть и та девушка, которая убежала от них в лесу с хищными цветами. Или кто-то, кого они видели в огромном селении. Одна из охотниц, снявшая свои блестящие одежды и отложившая жалящее копьё, — даже та, что отняла у нее фигурку Хранителя Рода. Все то же красивое лицо, загорелая кожа, вьющиеся волосы, собранные в хвост на затылке.

Когда она подойдет ближе... Силы свернуть ей шею у Белки найдутся. Женщина вошла; Белка не сдвинулась с места.

Женщина приветливо улыбнулась. В руках она держала широкую круглую пластину, на которой стояло несколько мисок из твердого льда. Белка увидела фрукты, еще какую-то еду, высокий прозрачный горшок с зеленоватой водой. Подойдя к девочке почти вплотную, женщина поставила пластину с едой на пол.

Белка продолжала сидеть. Руки дрожали от напряжения. У этой женщины совсем ведь нет оружия — ни жалящего копьё, вообще ничего... Ладно, пусть и не свернуть шею. Оглушить или придушить, чтобы она потеряла сознание...

Женщина что-то сказала, указывая на еду. А затем, сообразив, что Белка ее не понимает, изобразила, будто надкусывает невидимый фрукт, сделала вид, что жует, и погладила себя по животу.

Девочка вздрогнула. Неужели эта женщина и впрямь считает ее такой глупой? Думает, будто Белка не знает, как выглядит еда?

Чуть приподняв голову, Белка глянула на женщину из-под упавших на лицо косичек. Та широко улыбнулась. Она снова погладила себя по животу и мечтательно закатила глаза к потолку. И она всерьез думает, что после того, что случилось, Белка сможет съесть хоть что-то в этом селении?

Живот предательски заурчал. Должно быть, женщина это услышала. Она радостно закивала, тыча пальцем в еду. Затем согнула руку в локте и постучала себя по предплечью.

Интересно, понимает ли она, что прямо сейчас Белка думает лишь о том, как бы до нее добраться? Так, чтобы она не успела ни закричать, ни позвать на помощь?

Женщина отступила на полшага. Лицо ее стало чуть более суровым, хотя улыбка никуда не делась. Она снова указала на еду, ткнула пальцем в Белку, а затем изобразила, будто бежит. Пару раз взмахнула рукой, ребром ладони рассекая воздух...

И тут же состроила нелепую рожу: кривя рот, женщина протянула к Белке руки, растопырив пальцы, будто это лапы саблезубой кошки. Словно она хотела напугать девочку.

Белка даже не дернулась. Таким глупым образом у кайя пугали только самых маленьких детей. А она не ребенок. Женщина продолжала скакать перед носом, пытаясь изобразить нечто совсем невообразимое.

Белка взмахнула косичками. Ну и зачем все это? Что она хочет сказать? Через мгновение-два... Все должно получиться с первого раза, второй попытки не будет. Ударить затылком о стену?

Прекратив скакать, женщина снова ткнула пальцем в еду. На этом представление закончилось. Женщина развернулась и, не оборачиваясь, направилась к выходу. Девочка сжалась — ну же! Она ведь не смотрит! Она ничего не успеет понять...

Вот сейчас, когда женщина подойдет к двери... А потом? Куда ей бежать? И как далеко она сможет забраться, прежде чем женщины с жалящими копьями ее догонят?

Стена зашипела, наполняясь водой. Белка заскрипела зубами, глядя на то, как она опускается, запечатывая выход. Но почему! Почему она не смогла?

Некоторое время за стеной еще маячил темный силуэт, но потом и он исчез. Белка снова осталась одна.

Сила, сковывавшая мышцы, разом отпустила. Застонав, Белка упала на пол и осталась лежать, глотая воздух. Казалось, стены комнаты сжимаются, будто наполняются изнутри тягучей черной водой. Еще немного — и ее раздавит. Белке мерещились дрожащие тени в глубине черного льда. Они смотрят на нее, слышат каждый ее вдох... Ну почему она не смогла? Женщина ведь была так близко!

Девочка посмотрела на фрукты в мисках. Рот тут же наполнился слюной. Белка сглотнула... Живот, казалось, прилип к позвоночнику.

Фрукты блестели разноцветной кожурой. Манили, как влечет холодный ручей жарким летним полднем. Ягоды, крупнее и сочнее которых она никогда не видела; толстые початки с желтыми и красными зернами; раскрытые стручки с горошинами, огромными, как глаз бизона... Белка увидела и толстые стебли, похожие на полоски вяленого мяса. Ноздри затрепетали, от запаха еды закружилась голова.

Они ведь не хотят ее убивать? Если бы они этого хотели, они тысячу раз могли это сделать... Белка осторожно взяла стебель, похожий на вяленое мясо. От него и пахло мясом, пусть он и был зеленым и странно волокнистым. Может, это мясо той ветки-змеи, которую девочка заметила в странном лесу? Как бы то ни было, выглядел он очень вкусным.

Закричав, Белка отбросила стебель в дальний конец комнаты.

Они что, и впрямь думают, что она будет *это* есть? Что она позволит злым духам пробраться в тело? Чтобы они выели ее разум, как это случилось с Вимом? Или, что хуже, сожрали душу? Превратили в пустышку... *Одну из них?*

Белка зажмурилась. Она кайя, она сильная — сильнее любого голода. Схватившись за край пластины, Белка рывком отбросила ее в сторону.

Еда разлетелась по комнате. Что-то громко звякнуло. Вскочив, Белка принялась с яростью топтать фрукты, размазывая их по полу. Брызнул сок, холодная мякоть скользила под босыми ногами. Белка упала, но все равно продолжала давить фрукты, пока на полу не осталось только хлюпающее месиво.

Белка стояла на четвереньках, с ног до головы вымазанная липким соком. Вдох, выдох... Подняв взгляд, девочка посмотрела на прозрачную зеленую стену. С противоположной стороны вновь появился темный силуэт. Женщина стояла абсолютно неподвижно. Белка откинула с лица косички и оскалилась, как волчица.

Мокрые липкие пальцы нащупали какой-то твердый предмет. Белка схватила его, намереваясь с размаху швырнуть в зеленую стену. И остановилась — на фрукты и прочую еду эта вещь была не похожа. Это оказалось нечто длинное и узкое, завернутое в тонкую белую шкуру. Белка рывком содрала обертку и, не веря глазам, уставилась на то, что оставила ей женщина.

Нож. Узкое лезвие — немного длиннее ладони, шириной с два пальца и формой похожее на остроконечный лист тростника. Оно было прозрачным, сделанным из того же твердого льда, что и стены ее темницы. Белка чуть повернула клинок, и внутри заплясали серебристые звездочки — это отражались крошечные бабочки, порхавшие над ее головой. Чем была обернута рукоять, Белка не поняла — материал немного походил на кожу, но при этом более упругий и зеленого цвета.

Похожий нож Белка уже держала в руках — в лесу, где на нее напал хищный цветок. И девочка знала, какое это острое и крепкое оружие. Но тот нож был неудобным и грубым, этот же — сама легкость и изящество. Белка почти не чувствовала его веса. Она пару раз взмахнула рукой, от плеча, и услышала тоненький свист. Клинок пел, рассекая воздух.

Такой нож не годился для работы. Им нельзя строгать дерево, нельзя резать по кости и мамонтовому бивню. Но с таким

ножом Белка не побоялась бы выйти против саблезубой кошки или разъяренного вепря. Это оружие было сделано, чтобы убивать. И не только добычу на охоте.

Белка обернулась к стене. Темная фигура все еще стояла, неподвижная, как ледяная статуя из подземного селения. Белка подняла нож, глядя на нее сквозь прозрачное лезвие. И зачем? Зачем они дали ей оружие?

Рукоять удобно лежала в ладони. Не скользила, несмотря на то что пальцы были вымазаны соком. Словно прозрачный нож враз стал продолжением ее руки.

Зачем? Кого ей придется убить?

За спиной послышался тихий гул. Черная стена поползла вверх. Белка изо всех сил сжала рукоятку прозрачного ножа.

Сперва появилась тоненькая полоска яркого белого света. Белка невольно прикрыла глаза ладонью. Полоска света тем временем росла, постепенно превращаясь в светящийся прямоугольник. Выставив перед собой нож, Белка шагнула на свет.

Где-то впереди слышались крики.

ГЛАВА 15

СКОМКАННЫЙ ЛИСТ БУМАГИ

В кабинете кто-то был.

Хель поняла это сразу, как только открыла дверь, хотя никого и не увидела. Все было как всегда, все вещи на своих местах, на столе мигает красным глазом передатчик.

За окном неистовствовала снежная буря. Луч прожектора метался, словно птица, которую злые дети облили бензином и подожгли: дрожащее красное пятно среди белых вихрей. Откуда-то донесся рев — может, зверя, может, одного из ее нефелимов. А может, это завывал ветер.

Хель сняла тонкий плащ и повесила его в стенной шкаф. Туда же отправилась и высокая фуражка — предварительно Хель отряхнула ее от снега.

На минуту Хель задержалась перед простым зеркалом без рамы, висевшим на внутренней дверце шкафа. Усмехнулась, как всегда, когда видела свое лицо. На одной щеке розовел легкий румянец. Снежные крупинки блестели в белых волосах. Прямо красавица... И тут же — зловещий оскал черепа. Порой не верилось, что это ее собственное лицо. Казалось, кто-то другой поселился в ее теле и теперь следит за каждым ее шагом с неизменной мертвой ухмылкой.

Хель дыхнула на зеркало, но то совсем не запотело. Что ж, наверное, так и должно быть. Все-таки она вернулась с мороза, прямо из сердца метели.

Последнее время Хель любила прогулки под снежными бурями. Она находила их освежающими. Но главное не в этом...

Все чаще и чаще ей казалось, что она слышит голоса. Они едва пробивались сквозь вой ветра, беснующегося среди торосов на бескрайней ледовой равнине. Слов она разобрать не могла. Но порой она была почти уверена, что кто-то зовет ее. Кто-то ждет ее там, в самом сердце ледяной страны. Гуляя под буранами, Хель доходила до самых ворот станции и подолгу стояла на границе, пока вокруг ног не вырастали сугробы по колено.

Хель снова усмехнулась. Ждет, конечно, не дождется. Принц в замке из чистого льда. Ну, подождет еще немного — а у нее еще слишком много дел здесь.

Она закрыла шкаф и прошла к своему столу. Сапоги гулко стучали по полу. Если не считать гудения передатчика — единственный звук в кабинете. Тихо скрипнуло кожаное кресло.

Хель привычно просмотрела бумаги: не забыла ли она чего важного? Отчеты, отчеты, радиосводки, отчеты... Ничего нового.

Станция «Пангея-8» молчала, как ей и полагалось. Нелепое «Интернациональное Соппротивление» больше на связь не выходило. Будто единственной его целью было сыграть в эфире никому не понятную песню. Хотя... Хель знала, кого она оставила на станции, когда пришлось свернуть работы. Похоже, она не зря подстраховалась.

Оставался вопрос: откуда оно вообще появилось? Рашер бился со своей дикаркой, пытаясь научить ее человеческой речи. Как и следовало ожидать, к работе он приступил с особым рвением. Даже забросил свои прямые обязанности. Но требовать от него особых результатов пока было рано — прошло только две недели.

Куда больше Хель раздражали сообщения с остальных рабочих станций проекта «Пангея». Песенка «Интернационального Соппротивления» прошла по открытому каналу — ее услышали все и вся. И сразу же появились вопросы, в первую очередь про саму станцию «Пангея-8». Вопросы, которых Хель так старалась избежать. Конечно, ответ на все был один: «Закрытая информация». Но сомнения уже появились в головах, а это со временем могло привести к нежелательным последствиям.

Сложив бумаги аккуратной стопочкой, Хель убрала их на край стола. На секунду задумалась, выстукивая двумя пальцами вступление к «Полету валькирий». И только после этого сказала:

— Здравствуй.

Никто ей не ответил, тем не менее Хель продолжила:

— Давненько мы не виделись. Пятнадцать лет? Или больше? Я думала, ты погиб.

Прозрачный человек отвернулся от окна. Казалось, он целую вечность стоял там, глядя на снежную бурю. И не замечала она его так же, как обычно не замечают предметы мебели, подолгу стоящие на одном месте.

— Боюсь, этот буран затянется до утра.

— Боишься? — Хель склонила голову. — Я думала, ты любишь и холод, и ледяные просторы. Такова ваша природа.

За годы, прошедшие с тех пор, как Хель видела его в последний раз, Прозрачный ничуть не изменился. Словно они расстались только вчера. Все то же печальное лицо и тоска во взгляде, все тот же холодный, лишенный каких-либо эмоций голос. Да и имя наверняка то же — Илаим.

— Люблю холод? — Прозрачный печально улыбнулся. — Да. Так можно сказать.

Хель откинулась на спинку кресла. Вытащила из кармана фигурку Моржа и повертела в пальцах.

— Я начинаю вас понимать. Думаю, это все из-за этой игрушки.

— Возможно, — сказал Илаим. — Нельзя предугадать, какое воздействие окажут артефакты на представителей вашего вида. Особенно если речь идет о длительном воздействии.

— Никому нельзя верить, так? Даже кусочку серебристого металла... Как думаешь, я становлюсь такой же, как вы?

Прозрачный взглянул в глаза начальника станции. Из всех, кого знала Хель, Илаим был единственным, кто не вздрагивал, когда видел ее лицо.

— Ты меняешься. И с каждым днем все сильнее и сильнее. Вы называете это геометрической прогрессией. Но куда приведет тебя эта дорога — я не знаю.

— Ты не говорил, что будет так. — Хель выпрямилась.

Взгляд начальника станции, казалось, был способен заморозить птицу на лету. Если бы ее сейчас увидел кто-нибудь из работников станции, то до конца жизни ему было бы обеспечено нервное заикание. Но Прозрачный лишь слегка склонил голову.

— Никому нельзя верить, так?

Хель тихо усмехнулась.

— Конечно.

— Тогда ты так и не открыла ворота, — сказал Илаим.

Хель не услышала упрека, голос Прозрачного остался спокойным и ровным.

— Я знаю, — сказала она. — А ты спустя столько времени пришел, чтобы спросить почему?

— Нет.

— Ты ведь знал, что мы там найдем? Разумеется, знал... Ты же и вывел нас к этому месту.

Илаим промолчал.

— Древние технологии — мы собирали знания по крупицам. Отовсюду, где только можно. Мы фактически заново открыли технологию ускоренных мутаций... И тут такой подарок. Корабль прямиком с самой Пангеи. Это не жалкие игры с золотом, это в самом деле могло все изменить. Мир стал бы совсем другим.

— Возможно, — сказал Илаим.

Хель его не услышала.

— Всего-то и нужно было — выкопать и взять.

— Но я просил тебя о другом.

— У меня есть долг! Если бы я не воспользовалась такой возможностью, это было бы преступлением.

Илаим едва заметно пожал плечами.

— У нас обоих есть долг. У тебя — перед тем, что будет. У меня — перед тем, что было.

— Мы ведь подготовились... Очень хорошо подготовились: отдельная станция, специально выведенные рабочие, оборудование, материалы... И, как выяснилось, время.

Илаим кивнул. Хель устало облокотилась на стол, сжав виски ладонями. Длинные белые волосы растрепались, скрыв лицо. Будь здесь Рашер или кто-нибудь еще, она бы никогда себе такого не позволила. Они не должны видеть ее такой... Но как же она устала!

— Я думала, что поступаю правильно.

— Самая распространенная ошибка, — сказал Илаим.

— Я должна была понять сначала. Перебои со связью, отказывающее оборудование, останавливающиеся часы. И чем ближе мы подбирались, тем становилось хуже...

— Ваш вид существует в четырехмерном пространстве, но сами вы способны передвигаться лишь в трех измерениях. Движение во времени вы контролировать не в состоянии. Есть лишь иллюзия контроля.

— Я понимаю, — кивнула Хель. — Это как прогулка по поезду, несущемуся на всей скорости.

— Поезду?

— Такое транспортное средство, — со вздохом сказала Хель. — Когда-то его использовали... будут использовать для перевозок больших групп людей. Так вот, внутри поезда ты можешь ходить, бегать, скакать на одной ножке — но от этого не зависит, где ты окажешься, когда откроются двери.

— Да, — кивнул Прозрачный. — Это называется «принцип относительности».

— Но ты мог бы сказать! Мог бы предупредить, что тот чертов поезд давно сошел с рельс, падает в пропасть и одновременно с этим летит вверх!

— В результате аварии темпоральный двигатель Ковчега был серьезно поврежден. Невозможно предугадать последствия подобной катастрофы.

— Невозможно... Еще до того, как закрыть станцию, мы сверяли радиосводки. Сообщения передавались со станции с промежутком в полчаса. Простой отсчет — один, два, десять... Здесь же: ответ мог прийти через час или через сутки, один раз разрыв составил три года. Два раза мы получали ответ до того, как тот был отправлен!

— Временная ткань в данном районе крайне нестабильна.

— Как в линзе? — Хель прищурилась.

Илаим чуть склонил голову. Губы его едва заметно шевелились, словно он старательно подбирал слова.

— То, что ты называешь линзой, — это червоточина. Кротовая нора — кратчайший туннель между двумя точками. Пространственно-временная ткань не линейна, она больше похожа на скомканный лист бумаги. С тем учетом, что приходится оперировать не плоским листом, а двенадцатимерным пространством, находящимся в постоянной динамике. Из-за этой динамики линзы ненадежны. Они хороши на относительно малых расстояниях, но, когда доходит до больших чисел, полагаться на них нельзя.

— До больших чисел?

— Сотни миллионов световых лет, — сказал Илаим, вновь повернувшись к окну. — Эпохи... Темпоральный двигатель действует иначе, чем линза. Вместо того чтобы использовать естественные искривления пространственно-временной ткани, он изменял ее сам. Комкал лист бумаги. И судя по всему, продолжает делать это до сих пор — но только это неконтролируемые изменения. Происходят выбросы энергии... Для вашего вида опасно длительное время находиться рядом.

— Опасно? — Хель позволила себе короткий смешок. — Мы никого не могли оттуда забрать. Первый радист проработал на станции месяц. Но когда он поднялся на поверхность... Он сгнил у меня на глазах. Минуты за три, не больше. Он очень сильно кричал, а я не люблю громких звуков.

— Мне очень жаль, — безучастно сказал Илаим.

— Другому работнику спустя два часа пребывания на поверхности разорвало селезенку так, будто внутри него взорвалась граната. Я отправляла людей на станцию, зная, что никто из них не вернется.

Хель не испытывала по этому поводу угрызений совести. Так было нужно. Но это было слишком расточительно и нерационально. Хель не могла отправить на станцию никого из своих лучших работников и ученых, потому что это означало заведомую потерю ценного материала.

— Я не представляю, что там творилось. Не могу представить... Да они сами, похоже, не понимали, что происходит. Как работа, на которую отводилось несколько месяцев, оказывалась выполненной еще до поступления приказа на базу? И никто не мог дать ответа, кто все сделал, когда и как?

— Частичный временной маятник на отработке вероятностей, — сказал Илаим ровным голосом. — Крайняя нестабильность пространственно-временной ткани. Но ваш вид существует на ином энергетическом уровне, и вы физиологически не способны это отследить.

— Ну да. Мой вид, — эхом повторила Хель.

Мир за окном стал абсолютно белым, исчезло даже пятно света от прожектора. Чистый белый новый мир... И голос. Далекий печальный зов. Еще чуть-чуть — и она сможет разобрать слова.

— Зачем ты пришел?

— Мне нужен человек. Кто-то, кто сможет открыть ворота.

— Ты все о том же, — усмехнулась Хель. — Так и не отступилась?

— Нет.

— Прости. У меня нет лишних людей. И никого я тебе не дам — станция «Пангея-8» закрыта.

— Боишься? — спросил Илаим. — Думаешь, они узнают, что там случилось? Узнают, кто за всем этим стоит и почему? Почему *станция* вдруг оказалась закрыта. Все, кто имел к ней какое-то отношение, — уничтожены. Заморожены насмерть. Брошено оборудование, золото — все те сотни тонн, которые вы там накопили... А главное — корабль древней цивилизации с такими технологиями, которые вам и не снились.

Хель не ответила.

— Нет, конечно, — сказал Илаим. — Ты никогда не боялась других. Единственный человек, которого ты боишься, — это ты сама. И ты сама боишься узнать, что случилось на «Пангее-8». Ведь тогда придется отвечать совсем на другой вопрос: кто такая Хель?

— Да иди ты к черту! — Хель с размаху швырнула в Илаима артефакт. Промახнулась; стукнувшись о стекло, фигурка отлетила в дальний угол кабинета.

Прозрачный не шелохнулся. Плечи Хель опустились.

— Прости... Все дело в маятнике, ведь так? Этой твоей крайней нестабильности пространства и времени?

Илаим виновато улыбнулся, будто жалея ее.

— Все брошено и уничтожено. Но так было нужно, и это был единственный выход. Я знаю.

— Возможно, — сказал Прозрачный.

— Никому нельзя верить. В первую очередь себе.

Хель подошла к окну. Остановилась в паре шагов от Илаима, заложив руки за спину. Снег кружился в ладони от лица. И всего-то между ними — несколько сантиметров стекла.

— Я могу гарантировать, что твой человек не вернется.

— Это я и сама могу гарантировать, — покачала головой Хель. — Когда станцию пришлось закрыть, я оставила на ней Стража. Тогда мне еще казалось, что я вернусь. Может, попросишь его открыть твои ворота?

— Не выйдет. Нужен именно человек. Ворота настроены на представителей вашего вида.

— Ну, в какой-то мере мы со Стражем принадлежим к одному виду. Можешь мне поверить.

— Малейшие изменения — и ворота не срабатывают.

— Пробовал? — усмехнулась Хель.

— Да.

— Как хитро. И эти ворота, которые способен открыть только человек, ведут к тебе домой? И где же дом находится?

— Ты уже задавала мне этот вопрос.

— Но ты мне не ответил.

— Да.

— Ну, хорошо. Допустим, я тебе дам человека... Но ключ все равно у меня.

Фигурка Моржа незаметно поблескивала на полу.

— Есть и другие ключи, — сказал Илаим. — Любой артефакт может быть ключом.

— Почему же ты пришел только сейчас?

— Потому что другой вариант не сработал.

— Так-так... А был другой вариант? — Хель сцепила пальцы в замок и тихо ими хрустнула.

— Ты не выполнила обещания. Мне пришлось искать обходные пути.

Ни тени упрёка в голосе. Сухая констатация факта. Но Хель почувствовала, как к горлу подступил комок. Тем не менее она взяла себя в руки.

— Значит, обходные пути? Ты что-нибудь знаешь, про «Интернациональное Сопротивление»? Мы получили сигнал с «Пангеи-8»... Песню.

— Не думаю, что теперь это имеет значение.

Большого она и не ждала. Ничего, у нее есть свои методы узнать, что случилось. А понять пути Прозрачных человеку невозможно. Как невозможно представить скомканный двенадцатимерный лист бумаги. А она человек. Пока еще человек...

Никому нельзя верить. Даже ему... Особенно ему.

— Хорошо. Я дам тебе человека. По старым долгам надо платить.

— Да, — сказал Илаим.

Они стояли, молча глядя на снежную бурю.

— Я скучала, — наконец сказала Хель. — Но вряд ли ты поймешь.

— Некоторые из ваших чувств мне доступны.

— Некоторые? — Хель сделала вид, что удивилась. — Тоска по дому?

— Месть.

ГЛАВА 16

ПЕСНЯ ДЛЯ МЕДВЕДЯ

— Медведь. — Рашер старательно проговорил каждую букву слова. — Повторяй за мной — *мед-ведь...*

Девушка ничего не сказала. Стояла за спиной, обхватив руками плечи, и дрожала. Губы ее совсем посинели от холода. И это при том, что Рашер позаботился о ней — подобрал и теплый плащ, и обувь почти по размеру. В подобной одежде девушка выглядела нелепо, как ребенок, донашивающий вещи за старшими. Сразу видно, что ничего кроме шкур ей в жизни надевать не приходилось.

Буря, бушевавшая всю ночь, утихла. Сейчас на станции стоял безоблачный морозный день. Снег сверкал разноцветными искорками. За ночь намело огромные сугробы, и станция стала похожа на слащавую рождественскую открытку — домики, присыпанные снегом, в голубом небе тает струйка дыма... Все чисто и бело. На рядах колючей проволоки тонкой пленкой блестели иней.

За оградой барака прямо на снегу лежал медведь, тот самый огромный зверь, которого Хель привезла из лесной экспедиции. Лежал на боку, прикрыв морду лапой. Когда доктор только пришел к загону, он испугался, что зверь издох — то-то разозлится начальник станции. Но нет — бока и плечи зверя плавно опустились и поднимались, с длинной черной шерсти осыпался снег. Судя по всему, медведь спал. За ночь вокруг пасти, точно

борода, выросли короткие сосульки. Рядом с мордой стояло мятое жестяное корыто с кусками обледенелого мяса.

— Ну, давай еще раз, — Рашер стянул рукавицу и ладонью вытер лицо. — Этот зверь называется *мед-ведь*...

Дикарка крепче сжала губы. В раздражении Рашер швырнул рукавицу на снег. Разве что не потоптался на ней.

— И что? Так и будем играть в молчанку?!

Девушка отпрянула, будто он собирался ее ударить. Красивое лицо исказилось от страха. Длинные золотые волосы разметались по плечам неуклюжего черного плаща. Доктор увидел, как дикарка нервно сглотнула; жилка на красивой длинной шее дрожала как натянутая струна.

— Извини, — сказал Рашер, опуская руки. — Я не хотел тебя напугать... Просто попробуй повторить: *мед-ведь*. Разве это сложно?

Девушка молчала. Дыхание таяло легким облачком морозного пара.

— Я не верю, что ты такая тупая, — сказал доктор, глядя в синие глаза девушки. На ее длинных ресницах блестели кристаллики льда. — Может, ты и дикарка... Кое-кто на станции считает тебя животным. Но не я... Поверь — я тебе друг.

Рашер дружелюбно улыбнулся, но девушка лишь сильнее сжалась. Да уж... Задача научить ее говорить оказалась не из легких. Дикарка упрямо не шла на контакт. Хель же требует результатов... Требуется немедленно, а злить ее доктору совсем не хотелось.

Последнее время начальник станции была сама не своя. По базе уже поползли слухи — а не тронулась ли она умом? Кто-то даже видел, как она ходила по территории в такую метель, в которую ни один нормальный человек носа на улицу не высунет. История эта обрастала все большими и большими подробностями. В последней версии, которую довелось слышать Рашеру, начальник станции нагишом плясала по снегу и хохотала, как все черти ада. Бред, конечно: чтобы Хель и смеялась.

— Ну же, девочка моя. — Рашер не сводил глаз с дикарки. — К чему упрямиться? Этим ты ничего не добьешься... Просто скажи: *мед-ведь*. Скажешь — я тебе дам сахара...

Чувствуя себя ужасно глупо, Рашер вытащил из кармана кусочек рафинада. Как собачку дрессирует... С другой стороны, это был поистине царский подарок. Проще было подарить ей кольцо с бриллиантом и колъе в придачу. А сахар на базе стоил куда дороже золота. Если бы кто увидел, что он тратит его на дикарку, Рашера бы подняли на смех.

За спиной послышался скрип снега. Доктор резко обернулся, но то был всего лишь Йозеф — невысокий и крепкий пятидесятилетний мужчина, который ухаживал за животными. В тяжелом черном тулупе он сам немного походил на уменьшенную копию одного из тех медведей, которых так любил. Йозеф прихрамывал, припадая на левую ногу; с заметным трудом он волочил ведро, полное свежего мяса, чуть припорошенного снегом.

Заметив Рашера и дикарку, Йозеф остановился, поставил ведро и довольно долго разглядывал эту пару. Пыхтел он при этом как паровоз, порой лица было не разглядеть за облаком пара.

— Эй! Так ты ее совсем заморозишь. — Йозеф почесал небритую щеку. — Старые привычки, а?

— Что?

Лицо доктора враз окаменело.

— Ну там, — сказал Йозеф, — когда ты выгонял этих русских голышом на мороз и давай их водой поливать...

— Это были важные медицинские исследования. Вы знаете, сколько наших солдат гибло на Восточном фронте от переохлаждения? И скольких из этих смертей мы могли бы избежать, если бы больше знали о воздействии низких температур на человеческий организм?

Йозеф виновато сложил руки на груди.

— Ну, ты уж прости старика. — Он усмехнулся, показав кривые и гнилые зубы. — Наука — значит, наука. Я в ней ничего не смыслю. Наша фрау Ледышка вон тоже наукой занимается... А я уже старик, мне бы со зверюшками понянькаться — и то радость.

На самом деле никаким стариком Йозеф не был, но ему нравилось считать себя таковым. Подхватив ведро, он заковылял к вольеру.

— Красивая у тебя цаца, — сказал Йозеф, поравнявшись с доктором. — Прямо как с картинки... Не староват ты для нее?

— У меня есть приказ начальника станции, — холодно сказал Рашер. — Я должен научить ее говорить. Эта дикарка владеет важной информацией.

— Мне-то чего? Надо — значит, надо... Приказы, они того, не обсуждаются? — демонстративно медленно Йозеф подмигнул доктору.

Рашер только скрипнул зубами. Будь на месте Йозефа кто-либо другой, за подобное пренебрежение субординацией последовало бы незамедлительное наказание. Но к «старика» на станции было особое отношение. Рашер не знал, откуда пошло такое поверье, но считалось, что если кто-то обидит Йозефа, то с ним неминуемо что-то случится. Поговаривали, что охранник, убитый нефелимом, за час до того наорал на «старика». Доктор в приметы не верил — себе он говорил, что просто соблюдает традицию. Йозеф же этим пользовался. В какой-то мере он старательно играл роль шута при королевском дворе и, не стесняясь, говорил всем, что он думает. Всем, кроме Хель.

Подойдя к вольеру медведя, Йозеф загремел засовами.

— Бедняжка. — «Старик» покачал головой. — Два дня как ничего не ел... Отказывается от еды, и все тут.

— А вы не боитесь входить к нему? — спросил Рашер.

— Чего бояться-то? — фыркнул Йозеф. — Это легче, чем в кабинет к нашей фрау Ледышке...

— Хм... А если медведь решит на вас напасть? Все-таки вы заходите в клетку к опасному хищнику, да еще и с мясом в руках... Звери чуют запах крови.

— Напасть? Черныш? — Йозеф расхохотался. — Да ни в жисть. Он и мухи не обидит. Правда, здесь нет мух, но если бы они здесь были, жили бы они с ним в мире и согласии.

Йозеф проковылял к корыту. Медведь, услышав шаги, проснулся и приподнял голову. Послышалось грозное утробное рычание. Медведь привстал, отряхиваясь от снега и льдинок.

Рашер заметил, как напряглась девушка-дикарка.

— *Мед-ведь*, — повторил он. И для пущей наглядности прорычал: — Р-р-р!

Может, хоть так она поймет? Девушка молчала.

— Да тише ты, зверюга, — прикрикнул «старик». — Еды я тебе принес.

Медведь понуро опустил голову и уставился на ведро в руках Йозефа, но особого энтузиазма в мутных глазах зверя Рашер не увидел. Смотритель ногой перевернул таз, выбрасывая обледелое мясо, и вытряхнул туда новую порцию. Медведь только понюхал угощение и отвернулся.

— Ну что же ты, бедняжка, не ешь-то ничего!

Безо всякого страха Йозеф потрепал огромного зверя по загривку. Медведь громко фыркнул.

— Ну, хоть немножечко, а? — продолжил увещевать его Йозеф. — Без жратвы оно никак нельзя, приятель...

Но все его усилия оказались тщетны. Йозеф повернулся к Рашеру.

— Эй, док... А вдруг он заболел, а? Совсем ведь ничего не жрет. Может, осмотрите его? Там, трубочкой послушаете, пульс всякий?

— Я? — Рашер растерялся. — Я же не ветеринар...

— Конечно, — буркнул «старик». — Это оно не девок морозить.

— Простите, Йозеф, но я действительно не знаю, чем здесь можно помочь. Я скажу начальнику станции.

— Фрау Ледышке? — переспросил Йозеф. — Так это из-за нее он такой. Это все потому, что Ледышка запретила ему песенки играть. А Черныш без музыки никуда. Хиреет бедолага.

Йозеф демонстративно громко вздохнул, и, словно бы вторя ему, медведь шумно выдохнул облако пара.

— Может, того-этого?

— Что?

— Ну, я поиграю Чернышу песенок? А вы никому не скажете?

— Начальник станции четко сказала, что не желает, чтобы ее зверя превращали в циркового клоуна.

— Циркового клоуна! Я ж не на самокате его учу кататься! Я ж для его блага... Ну сами посмотрите — совсем погибается зверюга. А Черныш, он «Эрику» любит. Слышали бы вы, как он мне подпевает! Нам бы с ним в цирке выступать... Тьфу, простите, герр доктор. Всего одну песенку?

— Если начальник станции узнает...

— Так она и не узнает, — уверенно заявил Йозеф. — Вы же ей не расскажите?

Рашер посмотрел на огромную тушу медведя. А если «старик» прав? Хель ведь не обрадуется, если с медведем что-нибудь случится.

— Одну песню, Йозеф, — сказал он. — В порядке научного эксперимента. Если медведь и в самом деле начнет после этого есть...

— Вот спасибо, герр доктор. Хороший ты мужик, хоть и девок морозишь.

Откуда-то из глубин тулупа Йозеф вытащил старенькую губную гармонику. Постучал по ладони, будто выколачивал из нее пыль.

— Ну, старик, — сказал он медведю, — я тут тебе поиграю, а ты давай пожри чего-нибудь. Тут у нас как в лучших ресторанах — и музыка тебе, и девки вон, гляди, тоже есть... Эх, док, знал я одну шведочку, так на твою цацу была похожа! А плясала как — ух! Может, и твоя попляшет?

— Не увлекайтесь, Йозеф, — резко сказал Рашер.

— Ладно, ладно, — ухмыльнулся «старик». — Но плясала она — как вспомню, аж зубы сводит. И на столе, и в койке...

Прежде чем Рашер успел что-либо сказать, Йозеф заиграл начало «Эрики».

При первых звуках гармоники девушка-дикарка изменилась в лице. В глазах вспыхнул огонь. Она рванулась к ограде вольера,

чуть ли не бросилась на колючую проволоку. Рашер едва успел схватить ее за рукав. Девушка обернулась.

— Вимо? — с мольбой в глазах посмотрела она на Рашера.

— Что?

Он уже слышал от девушки это слово, но пока еще не выяснил, что оно означает. Дикарка повторяла его по любому поводу.

— Вимо? — Девушка принялась тереть ладонью губы.

Доктор не понял, что она пытается показать. Йозеф оказался сообразительнее.

— Глянь! — сказал он, прекращая играть. — А девка тож на гармошке играет!

Дикарка убрала руку.

— Уло Вимо? — Голос прозвучал жалобно и обреченно.

— Кажется, вы напугали ее, Йозеф...

— Да бросьте вы, док. Чем я ее напугал? Она, поди, тоже музыку любит... Шведочка моя вон так музыку любила, что специально граммофон на ночь заводила. Чтоб танцевать было сподручнее.

— Йозеф! Продолжайте играть...

Хмыкнув, «старик» продолжил песню. Медведь беспокойно заворочался, уши его задергались. Приподняв голову, он завыл. Только человек, начисто лишенный слуха и чересчур богатый воображением, мог услышать в этом вое мелодию «Эрики». Йозеф подходил по всем параметрам.

— Вимо... — прошептала девушка, отступая от ограды. — Вурл кайле Вимо...

— Проклятье, — выдохнул Рашер. — Скажи ты это все по-человечески! Что значит «Вимо»? Человек, медведь, музыка, снег, какой-то вопрос?

Дикарка только захлопала длинными ресницами. Рашер ткнул себя пальцем в грудь:

— Вимо? — Девушка в ужасе отшатнулась. Доктор указал на Йозефа: — Вимо?

Дикарка замотала головой. Рашер засопел.

— Вимо? — чуть ли не выкрикнул он, разворачиваясь и указывая на все вокруг. — Ну, где тут твое «вимо»?

Слова застряли в горле. Секунду спустя Йозеф прекратил играть. Дикарка хрипло вскрикнула и попятилась.

— Зигмунд, надеюсь, вы объясните, что за концерт вы здесь устроили? — спросила Хель.

— Я? — Рашер сглотнул.

Откуда? Он должен был услышать скрип снега, должен был заметить, как она подходит, еще издали.

— Я учу дикарку говорить...

— Разумеется.

Хель повернулась к девушке, оглядела ее сверху вниз. Дикарка замерла. Лицо ее совсем побелело.

— Что это? — спросила Хель, указав на загон.

— *Мед-ведь*, — отчетливо произнесла девушка.

Хель усмехнулась.

— Хорошо, Зигмунд. Вижу, ваше обучение продвигается.

— Да, мы добились определенных успехов, — торопливо начал Рашер, но Хель остановила его взмахом руки.

— Но вы не ответили на мой вопрос. Что это за концерт?

— Концерт?

— Если я не ошибаюсь, — сказала Хель, сверля Рашера взглядом, — я просила удалить этого человека от работ с моим медведем?

— Да, но... — Рашер не знал, что сказать. Глядя на лицо Хель, он чувствовал себя как человек, который посреди замерзшего озера вдруг услышал треск ломающегося льда.

— Но фрау начальник станции! — послышался голос Йозефа. — Я ж просто... Черныш, он совсем не ел, а под песни он...

— Как я вижу, аппетит у зверя в норме, — перебила его Хель.

Рашер рискнул повернуться. Медведь был единственным, кто никак не отреагировал на появление начальника станции. Уткнувшись мордой в корыто, он усиленно поглощал мясо, заглатывая его огромными кусками.

— Вот видите! — обрадовался «старик». — Всего одна песенка, и он...

— Следуйте за мной, Йозеф. — Хель опустила голову, разглядывая собственные сапоги.

— Но... — подхватив ведро, Йозеф поплелся к выходу из вольера. — Я же...

Вид у него был как у заключенного, идущего на казнь. Рашер заметил, что «старик» обронил гармонику и та осталась лежать на снегу вольера. Оторвавшись от корыта с едой, медведь что-то проревел ему вслед.

— Прости, старик, — тихо сказал Йозеф. — Может, в другой раз?

— Не задерживайтесь, Йозеф, — сказала Хель. — Вы нужны мне для особого дела.

Пальцы совсем окоченели. Двумя руками Аска держала теплую миску, пытаясь хоть немного согреться. Казалось, мороз пробрался ей глубоко под кожу, добрался до самых костей и превратил их в ледышки. Одежда, которую дал ей старый Сигмун, совсем не согревала. Аска могла лишь с тоской вспоминать накидку из лисьего меха, в которой было тепло даже в самые сильные морозы. И двойные мокасины — мехом внутрь и мехом наружу... Все это осталось в Длинном Доме на берегах Большого Озера. Люди же в черных шкурах ничего не смыслили в том, как нужно одеваться зимой.

Девушка сидела на полу, кутаясь в тонкие сырые шкуры. Чтобы было теплее, приходилось укрываться сразу пятью или шестью. Рядом, также кутаясь, сидели Силки, Тайда и Ули. Над головой тихо гудела светящаяся палка, но тепла от нее не было никакого.

— Ну, — голос Силки дрожал от волнения, — у тебя получилось?

— Я не видела у него ножа, — сказала Аска, опустив голову.

Коричневое месиво в миске сегодня выглядело особо противно. К тому же от еды несло тухлятиной. Но выбирать не приходилось — зачерпнув горсть липкого месива, Аска отправила ее в рот.

— Как нет ножа? — растерялась Силки.

Аска пожала плечами.

— Совсем. Ни ножа, ни копья, ни палицы я у него не увидела. Он совсем без оружия ходит.

Девушки переглянулись. Молчаливая Тайда громко и презрительно фыркнула. Синяк, прежде красовавшийся под ее глазом, почти сошел — осталось лишь темное пятно противного желто-зеленого цвета.

— Верно, подруга. — Ули сплюнула под ноги. — Плохой охотник твой мужчина... И старый, и жирный, и ножа у него нет. Такого звери увидят, так со смеху и передохнут.

— Он не мой мужчина! — Лицо Аски вспыхнуло.

— Ну конечно. — Ули состроила гримасу и тут же принялась яростно чесать живот. — Знаем мы про твоего мужчину, уже в ушах звенит — Вим, Вим, Вим... Где он сейчас, твой мужчина-то?

— Он придет. — Аска опустила взгляд.

— Придет, придет, да не торопится. Скорей бы уже явился — глядишь, и меня заодно отогреет. А то я тут уже до кишок окоченела...

— Ули! — возмущенно воскликнула Силки.

— Ага, — хмыкнула светловолосая девушка. — Ули — это я. А что, ей жалко? Раз ее Вим такой хороший охотник, его на всех нас хватит... Тебе первой не помешало бы отогреться.

— Молчи! — резко сказала Силки.

Ули тут же изменилась в лице.

— Прости, прости! — запричитала она. — Я не хотела тебя обидеть. А что она? Сама — Вим да Вим, а со старым все равно ходит... Поди, он не такой, как другие. Может, он ей и еду хорошую дает, а мы все своей с ней делимся?

— Я... — Аска чуть не задохнулась от возмущения.

— Он подарил тебе одежду, — принялась загибать пальцы Ули. — Каждый день он куда-то тебя уводит...

— Он учит меня своему языку!

— Да слышали... Учит-учит, а не получит!

Силки тихо кашлянула, и Ули тут же замолчала. Все девушки повернулись к Силки. Хотя и не намного, но та была старше остальных, и потому ее слово было главнее. Но девушка ничего не сказала. Она снова кашлянула, раз, другой, а потом уже не смогла остановиться. Сил хватило лишь на то, чтобы прикрыть рот ладонью.

Кашляла Силки мучительно долго и громко. Миска выпала у нее из рук, глаза блестели от слез. Остальные девушки сидели, боясь дышать. Все они переживали за подругу, хотели ей помочь, но не представляли, что здесь можно сделать.

Наконец Силки остановилась. Когда девушка убрала руку, оказалось, что ее губы и щеки вымазаны кровью. Ладонь тоже была полной крови — Силки вылила ее на пол.

Некоторое время девушка сидела, уставившись под ноги. Каждый вдох давался ей с трудом. Остальные не проронили ни звука.

— Мы должны скорее уходить отсюда, — наконец сказала Силки. — Иначе... Иначе мы перемрем здесь все, как умерла Дука из рода Росомахи и другие... Или они придут и заберут нас туда, откуда не возвращаются.

Тайда зашипела и тряхнула непослушной челкой. Хотя она не сказала ни слова, было ясно, что она полностью поддерживает подругу.

— Уходить? — спросила Аска. — Но куда? Я видела — вокруг этого селения только снег и лед.

— И что с того? — фыркнула Ули. — Лед не вода, ходить по нему можно.

— Но Вим... — начала было Аска

— Вим-Вим, — передразнила ее Ули. — Где он, твой Вим? Что-то он не торопится, пока нас тут...

— Он придет, — сказала Аска и впервые не услышала уверенности в собственном голосе. Вим ведь придет? Надо лишь чуть-чуть подождать... Но прошло уже так много дней...

— Нельзя больше ждать, Аска из племени навси, — сказала Силки. Она все еще сидела, опустив голову, то и дело сплевывая кровавой слюной.

— Ты ж не знаешь, — сказала Ули, поворачиваясь к Аске, — пока ты со своим лысым языком учила, они опять приходили.

— Они... — Аска проглотила вставший поперек горла комок.

— Нет, — сказала Ули. — Они никого не тронули. Твой старик хорошенько их припугнул... Но они еще вернутся, по рожам было видно. Вот тогда они за все и поквитаются. Тайде не жить; ты уж прости, подруга, но больно крепко ты его за руку тяпнула — не любят они такого.

Ули рассмеялась, но Аска не услышала в ее смехе ни радости, ни веселья. Молчаливая девушка оскалилась. Глаз, не скрытый челкой, сверкнул злыми искорками; шрамы на щеке и шее покраснели. Аска ничуть не сомневалась, что Тайда жалеет лишь о том, что тогда не смогла добраться до горла парня. И второй раз она справится — пусть это и будет стоить ей жизни.

— Мы не сможем уйти, — сказала Аска. — Они... Она нас не отпустит. Она найдет нас, куда бы мы ни пошли...

— Она?

— Женщина-призрак, — сказала Аска. — У нее лицо самой смерти, а в глазах — злоба и ненависть. Даже старик Сигмун ее боится. Разве вы ее не видели?

— Видели, — тихо проговорила Силки. — Они все ее боятся. И ты права — она нас не отпустит. Поэтому мы должны ее убить.

Аске стало жутко. Будто дверь сама собой распахнулась и в дом ворвался ледяной ветер.

— А разве вы не боитесь ее?

— Аска из племени навси, — Силки покачала головой, — не забывай, что мы — кайя. А кайя ничего не боится.

— Я знаю, — тихо сказала Аска.

Она уже слышала эти слова — их говорила Белка, девочка из племени кайя, перед тем как без оружия выйти против ужасного великана.

— Жаль, что ты не добыла нож, — вздохнула Силки. — Без него нам будет сложнее.

Силки всхлипнула и легла на тонкие сырые шкуры, дрожа как в лихорадке. Глаза ее закрылись, зубы громко стучали. На корточках Ули подползла к подруге и крепко обняла, пытаясь хоть немного согреть.

— Я добуду нож. — Аска сжала кулаки. — Мы убьем ее и уйдем отсюда. Мы... Мы пленим громовых птиц и прикажем им вернуть нас домой...

Силки через силу улыбнулась. По ее подбородку стекала тонкая струйка черной крови.

— Конечно, Аска, так и будет.

ГЛАВА 17

РЫБА В ДЖУНГЛЯХ

Сон никак не мог закончиться. Всеми силами Вим пытался проснуться, но вместо того лишь глубже и глубже погружался в бездны диковинных кошмаров.

Ему вновь снилось, что он рыба — сильная серебристая форель. Медленно шевеля плавниками, Вим плыл по затопленному лесу. Повсюду он видел деревья — черные стволы, оплетенные извивающимися лианами. На голых ветвях один за другим распускались разноцветные цветы, вмиг превращаясь в стайки шустрых рыбок. В мутной зеленой воде лопались огромные пузыри.

Теплая и вязкая вода походила на болотную тину. Вим не столько плыл, сколько полз сквозь нее, как червяк сквозь плотную глину. Он задыхался, зеленая слизь обволакивала жабры. Казалось, еще немного — и вода раздавит его, перетрет, точно мельничными жерновами.

Повсюду, куда бы он ни плыл, были лишь затопленные джунгли. Среди черных деревьев виднелись какие-то руины: разбитые мраморные колонны и безголовые статуи, тянущие вверх изломанные руки... Все это выглядело безжизненным и давно заброшенным, но Вим не сомневался, что стоит ему спуститься ниже — и каменные руки схватят его, вцепятся мертвой хваткой и уже никогда не отпустят. Извивающиеся лианы опутают тело, а прекрасные разноцветные рыбки будут рвать его на части.

Наверх... Нужно плыть вверх, навстречу солнцу, туда, где вода холодна и быстра. Но как Вим ни старался, что-то продолжало тянуть его в глубины.

Внизу мелькнула черная тень. Вим не увидел ее, просто почувствовал, как всколыхнулась вода, как ледяная волна поднялась из бездны, подхватила его и закружила в водовороте. Вода вокруг забурлила, как в кипящем чайнике.

Из самых глубин подводных джунглей что-то неспешно двинулось ему навстречу. Что-то очень и очень большое... Вим увидел круглый глаз размером с апельсин, похожую на таран лобастую голову и сильное мускулистое тело, заключенное в панцирь из черных пластин. Разноцветные рыбки вились вокруг распахнутой пасти с белыми треугольными зубами.

Это была огромная доисторическая рыба. Древнее чудовище, само существование которого казалось какой-то нелепостью.

Виму вдруг стало нестерпимо смешно, пусть рыбам и неведом смех. Не в силах сдерживаться, он расхохотался — все сильнее и сильнее; его чешуйчатое тело затряслось от разрывающего его смеха. Чудовище приближалось, огромные челюсти смыкались и размыкались, а он не мог сдвинуться с места.

Огромный пузырь воздуха вырвался из пасти древней рыбы. Сила, которой Вим не мог сопротивляться, подхватила его, потащила вверх, прочь от щелкающих челюстей чудовища... Мир закружился в безумном калейдоскопе, взрывался осколками цветного стекла. Что-то сжало его горло. Вим задержался, пытаясь вдохнуть, замолотил по воздуху плавниками... Руками!

Вим не понял, когда он вывалился из царства сновидений. В какой-то момент вдруг осознал, что больше нет никаких подводных джунглей и нет доисторической рыбы, плывущей за ним по пятам. Он лежал среди мягких подушек в просторной и светлой комнате.

Тонкое, похожее на шелковое, покрывало обвилось вокруг шеи, как удавка. Заплетающимися пальцами Вим сорвал петлю и еще долго лежал, пытаясь отдышаться. Где-то над головой щебетали невидимые птицы, но никогда еще их пение не казалось таким раздражающим.

Медленно, вдох за вдохом, чувство реальности возвращалось. По крайней мере, он смог четко ответить на два вопроса. Кто

он: Вильгельм Вегенер, Странник. Где он: в затерянном городе амазонок, последнем городе древней Атлантиды, где-то на доисторической земле. Не самые точные координаты, но для начала сойдет.

С воспоминаниями вышло сложнее. Последнее, что Вим помнил, — прием у царицы амазонок. Как же ее звали? Ипполита? Нет... Ишта... то есть Рашти. И на этом приеме что-то случилось. Но вот что именно, наверняка сказать Вим не мог. Кажется, съел что-то не то. Судя по нелепым видениям и снам и по цветным пятнам, все еще мелькающим на краю зрения, — это был кактус-пейотль. Вим нахмурился, тщетно пытаясь восстановить цепочку событий. С чего это он стал есть кактусы? Так можно язык уколоть... И как потом разговаривать?

Вим зажмурился, пытаясь удержать последние остатки сна. Джунгли, рыбы, доисторические чудовища — что бы это могло означать? Видения таяли быстрее, чем облачко сигаретного дыма на ветру. В вещие сны Вим не верил, но тем не менее не сомневался, что иногда через сны подсознание пытается достучаться до мозга. Сказать что-то важное — пусть и языком нелепых символов. Жаль, под рукой нет подходящей линзы. Сейчас бы ему не помешало наведаться в Вену начала XX века и поговорить с одним известным человеком. Что бы он сказал по поводу его видений? Впрочем... Бывают ведь и просто сны?

Ладно. Придется действовать по обстоятельствам и надеяться, что в нужный момент он поймет, что к чему.

Вим перевернулся на бок и попытался встать, что оказалось не так-то легко: постель походила на какое-то подушечное болото. Вим, привыкший спать в условиях куда менее комфортных, терпеть не мог подобных излишеств. Сама комната, судя по всему, находилась на вершине башни. Сквозь прозрачные стены открывался потрясающий вид на город амазонок. Тонкие шпили башен, изящные лестницы и мостики — все это искрилось и сверкало. Солнечные лучи, преломляясь в ажурных стеклянных стенах, распадалась на сотни крошечных радуг. Город походил на воплотившийся мираж; по крайней мере, Вим бы

ничуть не удивился, если бы все это великолепие вдруг задрожало и растаяло в воздухе.

В самой комнате хватило места для небольшого сада. Вокруг ложа из подушек росли невысокие деревья, полностью покрытые крупными розовыми цветами. Ветра не было, и огромные лепестки опадали медленно и плавно, будто плыли по воде. В воздухе витал легкий аромат ванили. Если не считать разноцветных птиц, рядом не было ни одного живого существа.

Вим поморщился. Место выглядело слишком идиллически красивым, чтобы не быть опасным. В груди что-то сжалось от гнетущего чувства тревоги. Словно где-то на самом краю слышимости запищала пожарная сигнализация. Дело не в том, что рядом не оказалось людей, а в том, что кое-кто обязан быть здесь.

Где Белка? Проклятье... Куда могла запропасться эта девочка? Она не могла уйти. Белка бы сидела рядом, дожидаясь, пока он придет в себя. Что-то случилось на приеме у королевы амазонок. Но Вим не мог вспомнить, что именно.

Вим быстро оглядел себя. Одежда на месте, что уже радовало. Гармоника? Ага, вот она, в кармане... Ну что ж, он во всеоружии и готов лицом к лицу встретиться с любыми опасностями. Осталось только выяснить, где эти опасности прячутся.

— Эй! — позвал Вим. — Здесь кто-нибудь есть? Белка?

Ответом ему был лишь птичий щебет. Разгребая подушки, точно болотную тину, Вим выбрался из ложа. Все-таки на твердой почве он чувствовал себя гораздо уверенней, пусть его и немного пошатывало.

— Ау! — снова позвал он. — Доброе утро! Кто-нибудь есть дома?

Тишина. Вим по кругу обошел комнату, но не нашел ничего похожего на двери. Сразу за прозрачными стенами начиналась гладкая отвесная стена из зеленого стекла. По такой и муха бы побоялась спускаться. Далеко внизу Вим разглядел крошечные фигурки людей. Но без толку даже пытаться до них докричаться — отсюда его голос будет не слышнее комариного писка.

Вим отошел от стены, задумчиво потирая подбородок. И что теперь? Растить бороду, до тех пор пока он не превратится в мужскую версию принцессы Рапунцель? По крайней мере, другого пути выбраться из башни он не видел. Хотя... А если распороть все подушки и попытаться сделать что-нибудь вроде парашюта или дельтаплана? Нет, с бородой надежней и безопасней.

Послышалось негромкое журчание, будто кто-то переливал воду из одного стакана в другой. Вим обернулся и увидел, как участок одной из стен быстро наполняется зеленой жидкостью. Сама же стена при этом стала плавно опускаться, уходя в невидимый паз. Похоже, это был какой-то гидравлический механизм.

На пороге, широко улыбаясь, стояла девушка — одна из амазонок. Девушка? Вим нахмурился, подумав о том, сколько же ей на самом деле лет. Если верить царице Рашти, то не меньше нескольких тысяч. Для своего возраста девица одевалась, пожалуй, слишком вызывающе... Вернее же, не одевалась: кроме тонкого пояса, украшенного цветами, другой одежды на ней не было.

Вим нахмурился, пытаясь понять, кого же она ему напоминает, кроме куклы. Вовсе не гурию¹, при всей соответствующей обстановке. Думай, Вильгельм: Авалон, остров женщин... прекрасные фэйри², сиды³. Ну, конечно же! Все же очевидней некуда

¹ Гурии (с араб. — «черноокие») — в исламе: райские девы. Красавицы с белоснежной кожей и черными глазами.

² Фэйри (от фр. — «чары») — в широком смысле все многообразие родственных мифологических существ, сильно отличающихся друг от друга. К фэйри относят и фей, и эльфов, и гоблинов, и множество других существ. Вим скорее всего имеет в виду либо образ фэйри, сложившийся в викторианскую эпоху как изысканно привлекательной миниатюрной женщины, либо, что скорее всего, так называемых Высших Фэйри, обитателей Волшебной Страны, которых выделялись невероятной красотой. Существует множество легенд о людях, похищенных фэйри и ставших пленниками Волшебной Страны. Особую склонность фэйри питают к юношам, которые умеют играть на музыкальных инструментах и хорошо поют, некоторые из них становились любовниками волшебных принцесс. В частности, одним из них был легендарный шотландский бард Томас Лермонт, предок Джорджа Байрона и Михаила Лермонтова.

³ Сиды (с ирл. — «мир») — в ирландской мифологии потусторонний мир, обитатели которого также именовались сидами. Отличались необычайной красотой.

и все сходится. Даже прекрасный город, из которого нет возврата. Попал так попал.

Сирена. Девушка улыбнулась еще шире, хотя казалось, это в принципе невозможно. Сверкнули белоснежные зубы; Вим удивился, когда не увидел острых клыков.

— Здравствуйте, — сказал Вим. — Вопрос всего один — где Белка?

— Белка? — Девушка удивленно захлопала ресницами.

— Со мной была девочка: рыжая, тощая, глаза в пол-лица. Ее зовут Белка, пока во всяком случае. Так вот — где она?

— О! С ней все в порядке... Вы чего-нибудь хотите?

— Конечно, — сказал Вим. — Я хочу знать, где Белка.

Девушка нахмурилась.

— А разве...

— Этого вполне достаточно. Простой вопрос — простой ответ. Остальное излишне.

Девушка оглядела Вима с головы до ног. Поморщилась лишь на мгновение, но он успел заметить.

— Следуйте за мной, — жестко сказала она. — Царица-мать ждет вас.

— Чтобы опять накормить какой-то дрянью? — Вим закатил глаза. — Нет уж, увольте... У меня аллергия на галлюциногены.

Амазонка молча вышла из комнаты. Некоторое время Вим стоял, скрестив руки, но ничего не происходило. Только птицы над головой щебетали еще громче.

Тихо выругавшись, Вим направился следом за девушкой.

Идти пришлось недолго. По лестнице без перил они спустились на пару этажей, затем прошли по короткому коридору и оказались у очередной прозрачной стены. Как только амазонка остановилась, внутри стен вновь зажурчала вода, приводя в движение невидимый гидравлический механизм. Стена плавно поползла вверх, открывая проход в просторную комнату. За все это время девушка даже не обернулась, чтобы проверить, идет ли Вим следом.

Комната за стеной мало отличалась от той, в которой Вим проснулся. За тем лишь исключением, что вместо ложа из подушек здесь было два длинных стеклянных стола. В остальном — те же цветущие деревья и порхающие птицы.

Рашти он увидел сразу же. Когда открылась гидравлическая дверь, царица что-то делала, склонившись над одним из столов. Что именно — Вим не понял. Он разглядел лишь спутанный клубок из толстых стеблей и листьев, издавек похожий на препарированного осьминога. Сходство подчеркивалось и тем, что стебли шевелились, будто тварь перебирала щупальцами.

Рашти обернулась на звук открывающейся двери, и Вим увидел в руках царицы длинный изогнутый нож. На полупрозрачном лезвии блестели густые, похожие на сироп капли. Этот нож в сочетании с рассеянной улыбкой придавал Рашти вид жуткий и зловещий — так мог бы выглядеть маньяк-убийца в каком-нибудь особо извращенном фильме ужасов.

Когда царица заметила Вима, то лишь слегка приподняла бровь. Может, она и удивилась, но быстро взяла себя в руки.

— Солори, — сказала Рашти, повернувшись к амазонке, — можешь идти.

— Но... — начала было девица, но Рашти наградила ее таким взглядом, что даже у Вима мурашки побежали по спине.

— Позже, — резко сказала царица. И тут же голос ее смягчился: — К чему спешить, милая?

Амазонка склонила голову и, пятась, вышла из комнаты. Вим проводил ее мрачным взглядом; гидравлическая дверь плавно опустилась на место.

— Не знаю, что вы там задумали, — сказал Вим. — Хотя и догадываюсь. И сразу говорю — я в эти игры играть не собираюсь.

Он развернулся к царице. Все еще улыбаясь, Рашти провела двумя пальцами по прозрачному лезвию и повертела клинок перед глазами, любясь радужными переливами. Пучок стеблей за ее спиной продолжал копошиться, будто пытался уползти. Вим поежился, вспоминая первую встречу с Рашти. Тогда царица сказала, что многие из диковинных фруктов на столе она сделала

сама. Но не так же — стеклянным скальпелем на стеклянном лабораторном столе? Вим плохо разбирался в садоводстве, но сомневался, что подобное в принципе возможно.

— Вижу, вы уже проснулись, Вильгельм, — сказала Рашти, глядя куда-то в сторону.

— Добрый день, ваше величество, — сказал Вим.

Вежливость превыше всего, особенно когда в руках у собеседника длинный и острый нож. Рашти рассеянno кивнула.

— Быстрее, чем я думала, — вздохнула она.

— Быстрее? Вы меня отравили! — сказал Вим. — Кажется.

— Отравила? — Рашти посмотрела на Вима так, что ему стало неловко. — Но вы же ходите и разговариваете. Если бы я вас отравила, подобное было бы невозможно. Можете мне поверить.

Она засмеялась. Видимо, это была шутка, хотя Вим и не видел ничего смешного. Царица отвернулась и пару раз взмахнула скальпелем над растительным осьминогом. Веточка, больше похожая на щупальце, упала ей под ноги и принялась корчиться, как в предсмертных судорогах. Зрелище одновременно и завораживающее, и вызывающее отвращение. На срезе набухла крупная капля темно-зеленого сока — точно капля крови.

— Нет ничего проще, чем создать ядовитое растение, Вильгельм. Смерть — самое легкое, чего можно добиться от человека.

— Самое легкое? — переспросил Вим, не в силах отвести взгляд от извивающейся ветки-щупальца.

— Легче только несварение желудка, — рассмеялась царица. — Добиться этого у меня получается лучше всего. С остальным приходится повозиться.

Склонившись над корчащимся растением, она сорвала пучок длинных стрелчатых листочков.

— Вот эти листья, если хорошенько их разжевать, должны вызывать длительное ощущение счастья и гармонии с миром. Я так думаю... Хотите попробовать?

— Спасибо, не надо. — Вим скривился, отстраняясь от царицы. Едва не врезался затылком в прозрачную стену. — А что должны

были вызвать те фрукты, которыми вы меня накормили? Кроме галлюцинаций и, подозреваю, глупого поведения?

Рашти покачала головой. Отщипнув один листочек, она отправила его в рот. Однако задумчивое выражение, появившееся у нее на лице, отнюдь не свидетельствовало о гармонии с миром.

— Ничего плохого, — вздохнула она. — Любовь. Желание...

Вим громко закашлялся.

— Ну, знаете...

Он вспомнил о спутниках Одиссея в гостях у волшебницы Кирки. Та ведь тоже накормила их какими-то фруктами, после чего те превратились в свиней. Видимо, подобным образом Гомер мягко намекнул на их поведение.

— Ничего, — улыбнулась царица. — У нас достаточно времени, чтобы подобрать нужные ингредиенты.

— Нет уж, увольте. Как-нибудь без меня — у меня были на жизнь совсем иные планы.

Рашти вздохнула, будто разговаривала с маленьким ребенком. Впрочем, учитывая разницу в возрасте, так и было.

— Забудьте, Вильгельм. Ваше прошлое не имеет значения. А будущее... Вы здесь навсегда. Мои дочери уже любят вас. И вы полюбите их. Главное — это подобрать соответствующие ингредиенты.

Корешок под ее ногами прекратил извиваться, и Рашти раздавила его пяткой.

— Дочери? — Вим почувствовал, что в горле у него пересохло. — Все?

— Они ведь прекрасны, — с нежностью в голосе сказала Рашти. — Как цветы. Лучшие из моих цветов...

Вим сглотнул. Конечно, как цветы. Особенно с учетом того, что в этом городе цветы с клыками и ярко выраженными людоедскими наклонностями.

— Зачем вам это?

— Я забочусь о своих детях, — сказала Рашти. — И о своем городе. Нам нужна свежая кровь — Империя должна возродиться.

Сказано это было таким тоном, словно кровь была нужна им в прямом смысле слова — для какого-нибудь особо жуткого жертвоприношения.

Вим глубоко вдохнул. Так, спокойно... Помни о главном правиле: не паникуй. Он медленно сосчитал до десяти. Хоть немного, но это помогло взять себя в руки.

— Где Белка? — спросил Вим.

— Девочка, с которой ты пришел? С ней все в порядке.

— Это не ответ на вопрос, — сказал Вим.

Рашти сердито нахмурилась.

— Скоро ты ее увидишь.

— И это не ответ на вопрос.

— А вы упрямы, Вильгельм. — Царица амазонок улыбнулась, но в голосе прозвучало едва сдерживаемое раздражение. — Я же сказала — с ней все в порядке. О ней позаботились. Думаю, этого более чем достаточно.

Вим нахмурился. Чем закончилась первая встреча с Рашти, он совсем не помнил. Будто этот кусок его жизни старательно стерли ластиком, как карандашный рисунок с бумаги. Но как ни три, следы на бумаге все равно остаются. Надо только сосредоточиться...

— Медведь! У Белки был предмет, и вы забрали его. Отняли силой.

Улыбка мигом исчезла с лица царицы амазонок.

— Отняла? Нет... Я лишь вернула то, что принадлежит мне по праву.

— По какому еще праву? Этот артефакт принадлежит Белке. Это Хранитель ее рода. В смысле, Медведь — Хранитель ее рода, а артефакт — это его воплощение.

— Все предметы — собственность Империи, — жестко сказала Рашти. — Мы владели ими изначально.

— И что с того? Вашей Империи больше не существует.

Вим увидел, как побелели пальцы царицы, сжимавшие рукоять стеклянного ножа. Казалось, еще немного — и Рашти набросится на него. Однако она сдержалась. И снова улыбнулась —

медленно, будто натягивала тесную резиновую маску. Но как она ни старалась, улыбка все равно оставалась фальшивой, и это было видно.

— Это только вопрос времени, — сказала Рашти. — Придет срок, и все вернется. А мой долг — собирать осколки и хранить их.

Вим едва не ляпнул, что ближайшие двадцать тысяч лет ни о какой возродившейся Империи речи быть не может, но вовремя прикусил язык. Да и что ей эти тысячелетия, когда у нее даже дочери старше? Вместо этого он сказал совершенно другое:

— И много вы насобирали осколков? Сидя-то в своем городе?

— Меньше, чем нужно. Но достаточно для того, чтобы поддерживать жизнь в моем городе.

Вим хмыкнул.

— Ну конечно. Я так и знал, что без артефактов здесь не обошлось.

— Вас ведь они тоже привлекают, Вильгельм, — протянула Рашти. — Я понимаю, почему вам неинтересны мои дочери... Вы же ищете совсем другого — власти. Власти над теми силами, которые дает обладание предметами. Конечно, иначе бы вы не смогли попасть сюда.

— Я... — начал было Вим и замолчал. Смысл? С этой женщиной они говорили на разных языках.

— А ведь я могу вам ее дать. Хотите взглянуть на мое собрание предметов?

Подобного вопроса Вим не ожидал.

— Я хочу знать, где Белка. Но раз вам так хочется похвастаться...

Рашти прошла к противоположной стене, совсем позабыв о копошащейся на столе помеси осьминога с петунией. К счастью, это создание не попыталось никуда уползти.

Рашти протянула руку, и внутри стены забурлила зеленая жидкость, заполняя не различимые с первого взгляда полости. Одна панель уползла вниз, уступив место другой: по сути это было что-то вроде стенного шкафа с множеством изящных стеклянных полочек.

— Чего же вы ждете, Вильгельм? — нетерпеливо сказала Рашти — Подходите ближе.

Вим решил, что возражать бессмысленно. Царица вела себя подобно султану, открывающему двери сокровищницы перед иностранными послами. Будто коллекцией предметов она гордилась больше, чем своим многочисленным семейством.

На стеклянных полочках стояли десятка два разнообразных артефактов. Вим увидел Летучую Мышь и Лягушку, но про остальные он даже и не слышал: Стрекоза, какая-то многоножка, птица, похожая на цаплю... Заметил он и Медведя Белки на одной из верхних полок.

По правде говоря, коллекция не особо впечатляла. Если верить слухам, то собрание предметов, хранившееся в Ватикане, было на порядок-другой больше. Однако Рашти смотрела на нее, не скрывая гордости.

— Нравится? — спросила она с легким придыханием.

Вим пожал плечами.

— Дело ведь не в самих предметах, а в их свойствах. Возможностях, которые открываются перед владельцем. А так это просто поделки из блестящего металла.

— Разумеется, — Рашти аккуратно сняла с полки Стрекозу, — свойства...

Она смотрела куда-то за спину Вима. Тот невольно обернулся — и вздрогнул, когда увидел, что куст-осьминог парит в воздухе метрах в двух над поверхностью стола. Длинные ветки-щупальца свисали вниз подобно мочалке. Сейчас он поразительно походил на Летающего Макаронного Монстра¹.

— Левитация? — догадался Вим.

¹ Летающий Макаронный Монстр (ЛММ) — божество пастафарианства (игра слов «растафарианство» и «паста», то есть макароны), религии, выдуманной Бобом Хендерсом в 2005 г в знак протеста против глупости. Кроме своей чудной летающей макаронной внешности, интересен еще и тем, что, создавая Вселенную, начал «с горы, деревьев и карлика». Также, согласно концепции пастафарианства, все доказательства эволюции подстроены ЛММ, который делает так, что вещи выглядят старше, чем на самом деле. В Австрии последователям пастафарианства разрешили фотографироваться на официальные документы в религиозных головных уборах, то есть с дуршлагом на голове, что, как и предполагалось, заставляет задуматься над адекватностью системы.

— Да. Хотите попробовать? Ничего сложного, главное — не отрываясь смотреть на объект. Возьмите...

Она отвернулась, и бедный куст тут же упал на стол с влажным шлепком.

— Ну... — начал Вим, но Рашти, похоже, уже забыла о своем предложении. Она отложила Стрекозу и взяла другой артефакт.

— А вот это — рыба, — сказала царица. — Мы пришлось повозиться, выясняя ее свойства.

Она так настойчиво протягивала ему фигурку, что Вим не стал противиться.

— Кит? — Вим повертел артефакт в пальцах. Ему послышался тяжелый низкий гул, похожий на рокот далекого прибора. — Так какие же у него свойства?

— Собственных — никаких, — сказала Рашти, забирая артефакт. Мол, посмотрел — и хватит. — Существует целый ряд предметов, действие которых направлено исключительно на другие предметы. Они могут блокировать их, изменять или ослаблять. Этот артефакт значительно усиливает действие других. Не всех, но многих.

— Какое, однако, полезное свойство...

Рашти кивнула.

— Кит, — сказала она, разглядывая артефакт. Слово прозвучало так, будто она впервые его произнесла. — Интересная, должно быть, рыба.

— Хм... — Вим откашлялся в кулак. — На самом деле это не рыба, а животное. Млекопитающее, хотя и живущее в воде.

— Правда? — похоже, царица искренне удивилась. — Я думала, это выдуманное животное, как и большинство предметов. А оно существует на самом деле?

Вим кивнул. Где-то на краю сознания тревожный колокольчик прозвонил один раз.

— И что, это животное тоже существует на самом деле? — Рашти сняла с полки новый предмет. Изысканное тонконогое животное. Длинношеее.

— Вообще-то да, — сказал Вим. — Хотя иногда в это сложно поверить. Если бы я сам его не видел, то наверняка бы решил что это чья-то шутка. Этот зверь называется жираф.

— Жираф... — протянула Рашти. — Хотела бы я посмотреть на это существо.

Тревожный колокольчик прозвонил дважды. Что-то было не так.

— А разве... — начал Вим, но царица его перебила:

— Смотрите! — Сжимая фигурку в кулаке, она вновь повернулась к измученному кусту-осьминогу.

Ветви-щупальца вдруг закопошились с удвоенной силой. Куст стал быстро набухать, разрастаясь во все стороны. За доли секунды листья увеличились в размере; ветви устремились вниз, зарываясь в песчаный пол, — мгновение назад они были толщиной с мизинец, а вот уже толщиной с руку. Но главное — на нем распустился огромный голубой цветок с мясистыми лепестками. Вим и глазом не успел моргнуть, как лепестки опали, а на месте цветка покачивался синий плод, похожий на грушу.

Все действо заняло меньше минуты. Как в знаменитой иллюзии с апельсиновым деревцем, вырастающим из шляпы фокусника на глазах изумленной публики. Но в стеклянном столе точно не было никаких секретных механизмов.

— Этот предмет, он...

— Влияет на рост растений, — сказала Рашти. — Без него нам бы здесь пришлось туго. А так, нужным образом комбинируя действия различных предметов, мы создали то, что вы видите. Наши сады не были бы и вполтину столь прекрасны, если бы у нас не было этого... *жирафа*.

Третий звонок и... Бинго! Вим едва удержался, чтобы не произнести вопрос вслух. Ну конечно, история не сходилась в деталях. Если артефакты принадлежат Империи, то почему большая их часть — это фигурки существ, которых в те времена попросту не существовало?

Дверь-стена опустилась, и на пороге появилась одна из амазонок. Вима аж передернуло от ее оценивающего взгляда.

— Она готова, — сказала девушка, поворачиваясь к царице. — Мы можем начинать.

Что-то в ее интонациях Виму совсем не понравилось. Да и губы изогнулись слишком уж хищно.

— Готова? Кто? — Впрочем, он сразу понял, какой будет ответ.

— Твоя спутница, — сказала Рашти, и голос ее прозвучал зловеще. — Девочка.

— Готова к чему? — тихо проговорил Вим.

— К испытаниям, — сказала царица. — Прежде чем стать одной из нас, она еще должна доказать, что достойна этого.

— Доказать?! Какого... Какие еще, к черту, испытания?

— Игры. Она воин, но Империи нужны лишь лучшие. Мне рассказали о ее схватке в оранжерее. Игры обещают быть интересными.

— Схватке? Вы что, рехнулись? Она же еще совсем ребенок!

Сжав кулаки, он бросился на Рашти. С кошачьей грацией царица амазонок увернулась, и в ту же секунду Вим понял, что к его шее прижат нож. Он не понял, как все произошло. Глаза Рашти разве что не искрились — голубой и зеленый.

— Успокойтесь, Вильгельм. — Царица чуть нажала на нож. Укол легкий, как укус комара, но достаточный, чтобы Вим понял: еще чуть-чуть — и он еще долго не сможет разговаривать. Вим попятился, но наткнулся на стену. Отступить было некуда.

— Я не хочу твоей смерти... Смерть — самое легкое, чего можно добиться от человека. Ты же меня понимаешь?

Вим осторожно кивнул. Он заметил, что амазонка, принесшая вести, даже не попыталась помочь своей царице-матери. Будто заранее знала, чем закончится схватка.

— Вот и хорошо. — Царица снова улыбнулась.

За спиной, практически бесшумно, стена с коллекцией артефактов уползла вверх.

— Пойдем. — Рашти убирала оружие. — Я же обещала, что скоро ты ее увидишь? Нас уже ждут.

— Конечно, — процедил Вим.

В глубине кармана едва ощутимо вибрировал артефакт. Вим тоже умел играть не по правилам.

ГЛАВА 18

ЗЕЛЕНАЯ КРОВЬ И КРАСНЫЙ ПЕСОК

С каждым шагом крики становились все громче. Точно шум леса перед грозой; так гудела Аэйла, прежде чем оборваться водопадом. Белка сжала рукоять прозрачного ножа.

Осторожно ступая, девочка шла по узкому коридору. Впереди мерцал свет, такой яркий, будто она смотрела прямо на солнце. Белка жмурилась, и все равно перед глазами кружили цветные пятна. За спиной чернел прямоугольник двери. В любой момент она могла вернуться, и в то же время Белка прекрасно понимала, что назад дороги нет. А что ждет впереди... Она кайя, она жива, и у нее есть нож. Так ли важно остальное?

Коридор плавно поднимался вверх. Белка шла нагнувшись, чтобы не упасть, иногда держась свободной рукой за стену. Ноги скользили от сока раздавленных фруктов. Но, несмотря на это, она добралась до конца, ни разу не споткнувшись. Коридор заканчивался высоким светлым проемом. Крепко зажмурившись, Белка шагнула на свет.

Крики усилились; казалось, сам воздух вокруг нее завопил на разные голоса. Белка едва сдержалась, чтобы не заткнуть уши ладонями. Воздух пах раскаленными камнями, и в то же время слышался отчетливый запах гнили.

Девочка стояла с закрытыми глазами; сердце стучало тяжело, как удары палицы, дробящей кости. Ну же... Закрыв глаза, от врага не спрячешься. И кайя не прячутся от врагов.

Белка подняла голову и огляделась.

Прямо перед ней лежала круглая поляна, покрытая красным зернистым песком. Со всех сторон ее окружала высокая стена из твердого льда, а выше... А выше были *они*.

Поляна находилась на дне глубокой воронки, на стенах которой сидели женщины. Никогда еще Белка не видела столько людей сразу. Казалось, их даже больше, чем красных карликов в пещере. Пусть и в одежде разных оттенков, но все равно похожие, как капли дождя. Они что-то кричали. Белка и так не понимала их языка, сейчас же голоса сливались в монотонный гул.

Красный песок лип к ногам. Белка вышла на середину поляны. Она кожей чувствовала, что все эти женщины смотрят на нее, и от этих взглядов ее бросало в жар. Щурясь от яркого солнца, Белка повернулась по кругу, глядя на пустые, разгоряченные лица. Женщины чего-то ждали. Но как она ни всматривалась, она не разглядела в этой толпе женщину-вождя. Не увидела она и Вима.

— Чего вы хотите? — За криками девочка не услышала собственного голоса.

Она подняла прозрачный нож, словно заслоняясь от их взглядов и криков. Длинное лезвие засверкало, переливаясь множеством крошечных радуг.

— Чего вы хотите?! — снова закричала Белка.

В ответ поднялся вой. Женщины вскакивали с мест, размахивали руками... Неужели она должна сразиться со всеми ними? Белка потрянула косичками. Это будет долго.

Откуда-то сверху послышался тяжелый и низкий гул. Звук походил на вой флейты, вроде тех, что кайя делали из берцовых костей оленей, только во много раз громче и глуше. Он волной прокатился над песчаной поляной, отзываясь дрожью во всем теле. Крики женщин стихли.

Белка сжалась. Гул отступал, словно нехотя, оставляя после себя тяжелую давящую тишину. Белка взмахнула ножом и услышала тихий свист, с которым клинок рассек воздух.

Что-то началось. Пусть Белка и не понимала, что именно, — она точно знала: прямо здесь и сейчас что-то происходит. Что-то,

ради чего и собрались все эти женщины, а она сама стоит посреди песчаной поляны. Лезвие ножа слегка дрожало. Белка не сразу поняла, что на самом деле дрожит ее рука. Ну уж нет, кайя ничего не боятся!

Песок за спиной едва слышно зашуршал. Белка не поняла, как разобрала этот звук за гулкими ударами собственного сердца. Девочка резко развернулась, однако сзади никого не оказалось. На песчаной поляне она была одна. И снова шуршание — чуть громче, и чуть ближе, и опять за спиной...

Белка повернулась так быстро, что песок из-под ступней полетел в стороны. Никого. Значит, ей предстоит сражаться с невидимым врагом? Таким же прозрачным, как и ее нож?

Коротко вскрикнув, Белка ударила в пустоту. Нож не нашел добычи, но в то же мгновение что-то обвилось вокруг ноги девочки. Рывок был такой силы, что она упала на спину, и тут же ее поволокло по песку. Белка замолотила руками, но уцепиться было не за что. Она едва не выронила нож, рот тут же забился песком.

Женщины на стенах воронки вновь закричали, послышался свист. Но Белка уже не обращала внимания на эти звуки. Мир сжался до размеров круглой поляны.

Извернувшись, Белка увидела, что вокруг лодыжки петель обвился змеиный хвост. Нет... Не змеиный. Это была живая ветка, лиана, вроде той, что напала на нее в лесу этого города. Толщиной с кулак, упругая, она сжимала ногу так сильно, что еще немного — и не выдержит кость.

Большая часть лианы скрывалась под песком, но Белка сразу поняла, куда ее тащат. Ближе к краю поляны земля вспучилась; что именно копошилось под песком, было не разглядеть, но оно было большое. Очень большое.

Прозрачный нож рассек стебель с одного удара. Из обрубка брызнул густой зеленый сок — так хлещет кровь из перерезанной артерии. Вот только капли, попавшие на лицо, были холодные, липкие и сладковатые на вкус.

Белка на карачках отползла назад и вскочила на ноги, сплевывая песок и зеленый сок. Лиана скрылась под землей; осталось

лишь расплзающееся по песку влажное пятно и извивающийся обрубок, похожий на слепого червя.

Белка не спускала глаз с дрожащего и копошащегося песчаного холма. Так вот, значит, ее враг? Это... существо? Белка не понимала, животное это или растение. И женщины хотят, чтобы она его убила? Неужели им самим не справиться? Их ведь много, у них есть жалящие копы и чудесные прозрачные ножи. На большого зверя лучше идти всем племенем, а не в одиночку.

Существо двинулось вдоль стены по краю поляны, не показываясь из-под песка. Белка перехватила нож поудобнее. А может, это дух-покровитель этих женщин? Их священное животное, и они не могут убить его сами? Когда в окрестностях селения Белки объявился медведь-шатун, нападавший на людей, пришлось звать охотников из рода Рыси, чтобы не навлечь гнев Хранителя Рода...

Белка подняла взгляд на женщин. И совершенно случайно встретила с одной из них глазами. Это длилось всего миг, однако этого хватило, чтобы Белка в ужасе отшатнулась. Глаза — большие и красивые, черные как смоль. Но Белка увидела совсем иное: жажду и предвкушение. Эта женщина... Она ждет не того, что Белка убьет чудовище. Она хочет увидеть, как чудовище убьет Белку.

У девочки перехватило дыхание. Ее ведь приносят в жертву!

Кайя всегда делилась добычей с духами — ты заботишься о них, они отвечают тем же и даруют хорошую охоту или рыбалку. Так Оолф мазал кровью клыки деревянного тотема и сжигал на костре лучшие куски мяса. Но эти женщины не охотились, они ели фрукты. Только если что-то берешь, пусть и у растений, нужно что-то отдавать взамен. И Белка стала этой платой.

Песок справа от девочки вспучился. Длинный хвост лианы поднялся почти вертикально и со всей силы ударил по песку. Такой удар мог бы переломить хребет косуле. И пусть лиану и Белку разделяло не меньше десятка шагов, девочка все равно взвизгнула и отскочила в сторону.

Тут же под ее ногами зашевелился песок. Еще одна лиана вырвалась из-под земли — рывком, как форель, выпрыгивающая из воды, чтобы поймать веснянку. Белка едва успела отпрянуть и ударила ножом. Отрубленный кусок живой ветки отлетел в сторону, забрызгав ее зеленым соком. Но остальная часть лианы продолжала подниматься. Словно существо не заметило, что потеряло часть своей конечности.

Белка сглотнула, сообразив, что чудовище попросту не чувствует боли. На срезе было видно, что изнутри лиана заполнена пористым веществом, пронизанным многочисленными трубками толщиной с соломинку. Но ни костей, ни мышц, ни крови — ничего того, что полагалось иметь настоящему животному. После первого резкого всплеска зеленый сок потек медленнее, как смола из надреза на коре.

Белка отбежала назад, и вовремя: третья лиана поднялась из земли в том месте, где девочка только что стояла. Существо не могло ее видеть, но в то же время безошибочно определяло, где находится Белка.

Краем глаза девочка заметила, как песчаный холм неспешно двинулся в ее сторону. Словно плотный клубок жирных червей, извивавшихся под землей. Но тут же ей стало не до того: вокруг одна за другой поднимались лианы. Девочка едва успевала уворачиваться и отмахиваться ножом.

Она срубила не меньше десятка лиан, но с тем же успехом она могла бы отмахиваться от комариной тучи. На месте срубленной лианы появлялась новая, да и сам обрубок продолжал извиваться, пытаясь ее схватить. Белка заметалась, как олененок, окруженный волчьей стаей. Куда ни побеги — везде тебя ждут оскаленные пасти и острые клыки.

Белка понимала, что долго она не продержится. Еще три-четыре удара и... И еще три удара. Только каким-то чудом нож еще не выпал из пальцев. Где-то далеко орали женщины: крики, визги, свист. Но для девочки все это перестало существовать.

Белка рванулась к ближайшей стене. В каком-то диком прыжке перескочила через изогнувшуюся дугой лиану и больно

ударилась плечом о твердый лед. О том, чтобы взобраться по стене, не было и речи — слишком высокая и гладкая. Но здесь хотя бы была надежда, что на нее не нападут со спины. Раз уж ей суждено умереть, она хотела встретить смерть лицом к лицу. Она же кайя, а кайя не бегут от опасностей...

Белка развернулась, поднимая нож. Зеленый сок тягучими каплями падал с прозрачного лезвия.

— Замри и не двигайся!

Голос прозвучал прямо над головой. Белка рванулась в сторону.

— Не двигайся, идиотка! Оно чувствует движение. Может, вибрацию песка или что-то в этом духе.

Белка замерла, вмиг обратившись в статую. Она еще не сообщила, откуда доносится голос, но общий смысл речи поняла сразу. Пусть голова гудит и в ушах стоит звон, иногда приходится соображать очень быстро.

Лианы извивались всего в нескольких шагах. Беспорядочное мельтешение коричнево-зеленых змей. В их движениях нет смысла. Они били наобум, хватали воздух, а еще чаще — друг друга. Стоило Белке замереть, и ни одна из лиан не двинулась в ее сторону.

Белка стояла, боясь вздохнуть. Сейчас она видела, что все лианы растут из одного центра — того самого песчаного холма, окружая его чем-то вроде кольца щупалец. И движения их довольно однообразны: живая ветка выстреливала в одну сторону, конец ее скручивался, будто она пыталась что-то схватить, и тут же она уползала обратно.

Справа кто-то упал на песок, перекувырнулся через плечо и вскочил на ноги.

— Вим!

— Привет, старушка, рад видеть тебя в добром здравии... Извини, что задержался, но меня вроде как не хотели отпускать...

В его сторону тут же устремились две лианы. Вим застыл, вытянувшись по струнке. Одна из лиан ударила в стену в полушаге

от него. Белка увидела, как дернулся кадык Вима, однако сам он даже не пошевелился.

— Черт... — выдохнул Вим. — Сверху это выглядело легче.

— Ты пришел, — проговорила Белка, улыбаясь как дура.

— Было бы невежливо оставлять тебя одну с этим фикусом. Пришлось соврать про плохое зрение, подобраться ближе и выждать подходящий момент... Еще пришлось ударить женщину, но это детали.

Белка вдруг поняла, что вопли женщин стихли. И все они уставились на Вима. А мгновение спустя послышался визгливый голос. Белка не поняла ни слова, но сразу догадалась, что это кричит женщина-вождь. Вим что-то крикнул в ответ и, весело ухмыляясь, посмотрел на Белку.

— Что и требовалось доказать — теперь ее величество сердятся.

— Они убьют нас, — сказала Белка.

— Все к тому и идет, — кивнул Вим. — Ну а где еще умирать клоуну, как не на арене? Я не мог упустить такую возможность.

Он улыбался, но Белка видела, что эта улыбка — не более чем попытка держать себя в руках. Его глаза лихорадочно блестели, и, кажется, изменили цвет. Вим дрожал, но вовсе не потому, что боялся. Он словно бы переступил границу страха, превратив его в бессмысленное и безудержное веселье. Чувство сродни охотничьему азарту.

Извивающиеся лианы тем временем подбирались все ближе. Пусть чудовищное растение и не видело их, но рано или поздно оно доберется, и тогда... Белка вытерла лезвие ножа о предплечье. И тогда эти женщины увидят, что значит настоящая кайя.

— Ты отлично сражалась. Из тебя бы вышел прекрасный то-реадор.

— Кто?

— Не бери в голову. А сейчас — приготовься. Начнется самое интересное.

— Самое...

— Смертельный номер. Впервые на арене цирка, практически без репетиций. Копперфилд от зависти съест шляпу.

Вим вытянул руку, сжимая что-то в кулаке. Белка, совершенно сбита с толку тем, что кто-то должен есть свою одежду, даже не поняла, что происходит.

— Раз, два... Фокус-покус!

Послышался громкий чавкающий звук. Словно старый мамонт пил воду из болотной лужи. Лианы рванулись назад, и в то же мгновение песок над холмиком брызнул во все стороны. То, что показалось наружу, больше всего походило на гигантскую, размером с бизона, шишку с мясистыми бледно-зелеными чешуйками, усеянными кривыми шипами. Извивающиеся лианы пучком торчали из вершины.

Вырвавшись из земного плена, шишка по дуге пронеслась над поляной и зависла в воздухе над женщинами, едва не касаясь их лианами.

— Вот дрянь... — услышала Белка голос Вима. — И из шляпы появляется гигантский ананас-людоед. Фокус удался полностью.

Девочка посмотрела на Вима. Тот таращился на огромную шишку так, что казалось, глаза вот-вот выскочат из орбит.

— Это... — Белка сглотнула. Он заставил эту штуку летать? Но как?

— Прикрывай спину, старушка, — тяжело дыша, проговорил Вим. — Мне сейчас сложно глядеть по сторонам.

Медленно раскачиваясь, чудовищное растение парило над притихшими женщинами.

ГЛАВА 19

БЕГ

Добыча была близко. Они знали это, чувствовали ее запах, видели, как светятся камни там, где она ступала, — бледным светом уходящего тепла. Несколько раз они почти настигали ее, иногда даже видели — прихрамывающую коренастую фигуру, вслепую пробирающуюся по темным туннелям и завалам. Им оставалось только схватить и взять.

Но каждый раз добыча ускользала. Словно какая-то неведомая сила уводила ее от них. Выхватывала прямо из когтей, будто дразня и раззадоривая их ярость.

Будь они чуть более сообразительными, они бы наверняка задумались над тем, почему так происходит. И что это слишком похоже на ловушку — будто кто-то манил их, размахивая перед мордой куском сочного окровавленного мяса.

Не думали они и над тем, почему в эту погоню оказалась вовлечена вся Семья. Там, где достаточно было одного, бежало десять. Они выползали из каждой норы, из каждой трещины в камне, стайками и поодиночке, спеша присоединиться к общей погоне. Все вместе, одна Семья, одна охота. В туннелях и пещерах стоял несмолкаемый гул от криков, визга и скрежета когтей по камням.

Они не думали... Слишком много слишком сложных вопросов. Они же просто бежали, терзаемые неутолимимым голодом. Без отдыха и не останавливаясь. Бег полностью захватил их, превратив в живое подобие снежной лавины. А нет такой лавины,

которая способна остановиться сама; и нет такой лавины, которую можно удержать.

Впереди показалась прихрамывающая фигура. Добыча обернулась, что-то прокричала и бросила в их сторону камнем. В ответ они заверещали и тоже принялись швыряться камнями. Грохот поднялся такой, будто рушились сами стены пещер.

Но прежде чем добыча скрылась за облаком пыли и каменной крошки, некоторые из них увидели появившуюся рядом с ней зыбкую полупрозрачную тень. Кто-то протянул к добыче руки...

Когда пыль рассеялась, ничего уже не было. Добыча опять ускользнула.

И они снова бежали, без усталости и без остановки. Все вместе, вся Семья.

Впереди забрезжил красный свет. Но тех кто испугался и пытался остановиться, попросту смели. Крики, визг и скрежет зубов. Они бежали, они карабкались по стенам и друг по другу. И, точно бурлящий полноводный поток, выплеснулись в огромную пещеру.

Добыча была уже там. Они видели ее — маленькую черную фигурку, ковыляющую к светящейся яме посреди пещеры. Увидели они и другое — Семью. Со всех сторон, из всех выходов и туннелей, как красные ручейки, в пещеру выползали *другие они*. Их было много, больше, чем летучих мышей в самой большой стае... Гораздо больше.

На миг добыча остановилась, оглядываясь по сторонам. А затем заковыляла еще быстрее, спеша к светящейся яме. Они же устремились следом — даже визг тех, кто бывал здесь раньше, не мог остановить лавину. От их криков дрожали стены, с потолка падали огромные глыбы льда.

Но добыча опять ускользнула. Прежде чем первые из них успели ее догнать, она скрылась внутри огромного светящегося яйца на дне ямы.

Первые попытались остановиться на краю. Но остальные налетали сзади, сбивая их с ног, наваливаясь сверху и давя массой

тел. Миг — и по краю ямы выросла копошащаяся и верещащая гора. Кто-то свалился вниз; но их было так много, что они могли до краев наполнить яму своими телами и не заметить потери.

Добыча была там, внутри этого яйца — совсем близко. Они притихли. И в тот же момент слышался жуткий вопль. А миг спустя — противное хихиканье, срывающееся на визг. Им стало страшно. Но они были все вместе, одна Семья...

Они посмотрели друг на друга. Много добычи не бывает.

ГЛАВА 20

СЛОЖНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Слегка покачиваясь, чудовищный «ананас» парил над амазонками. Щупальца-лианы хлестали по воздуху, но Вим держал растительного монстра достаточно высоко, чтобы тот не мог дотянуться до женщин. В этой игре главное — не перегнуть палку. Пока все шло по плану: амазонки притихли, не смея даже пошевелиться. Лучший расклад для ведения переговоров.

«Ананас» выглядел и вправду жутко. Конечно, сходство было только внешним, но оно пугало. Прямо воплотившаяся месть фруктов. Вим подумал о бесчисленных банках консервированных ананасов, уничтоженных им за свою жизнь. Полезная вещь в путешествиях: и вкусно, и не портится, и профилактика цинги... Но за все рано или поздно приходится платить. Даже за витамины.

Вим, не отрываясь, смотрел на монстра. Занятие не из легких, особенно без хорошего опыта игры в гляделки. В школе Вим был чемпионом класса, но с тех пор долгое время не тренировался. Оставалось надеяться, что он не растерял талант окончательно.

Глаза болели, лоб был мокрый, но это еще цветочки. Весело будет, когда пот начнет заливать глаза... Если он случайно отведет взгляд, последствия невозможно предугадать.

Артефакт в кулаке обжигал, как кусочек сухого льда. Вим не сомневался, что, если он выберется из этой передраги, на ладони останется ожог. Объясняй потом — откуда и зачем ему клеймо в виде стрекозы? Ключевые слова здесь — «если выберется».

— Это глупо, Вильгельм, — слышался голос Рашти. — Чего вы этим добьетесь?

Царица находилась прямо под парящим монстром. Однако ее голос ничуть не выдавал волнения. Вим не представлял, как можно оставаться спокойным, когда в метре над головой размахивает щупальцами подобный монстр. Его самого трясло от передозировки адреналина. Хорошо еще, эта тварь была нема, как рыба. Если б она ревела, этого бы Вим точно не вынес.

— Чего добьюсь? — выкрикнул Вим. — А что вы можете предложить?

— Я давала вам лучшее, что есть у меня, — сказала царица. — Моих дочерей.

— Как я вам уже говорил — это не входит в мои планы на дальнейшую жизнь. И торчать в вашей дыре до скончания века я тоже не собираюсь. Тут же с ума сойдешь от скуки. И меня ждут — кое-кому я обещал вернуться.

Вим облизал пересохшие губы. Казалось, еще немного — и глаза выскочат из орбит. «Ананас» слегка наклонился вправо, но пока Виму еще хватало сил удерживать чудовищное растение.

— Держись ближе ко мне, — сказал он Белке. — Не отступай ни на шаг. Кто знает, что может прийти в голову этим дамочкам.

Белка поняла с полуслова. Прижалась к нему спиной, выставив перед собой нож. Вим не видел ее лица, но, не задумываясь, поставил бы на то, что девочка сейчас скалится.

— Вы же понимаете, что мои девочки могут убить вас прямо сейчас?

— Конечно, — прокричал Вильгельм. — А вы понимаете, что с моей смертью это милое создание сразу упадет на вашу голову и на головы ваших прелестных дочурок? Не думаю, что вы отдаетесь только легким испугом. Мне кажется, фикус-людоед очень сердит, и кто-то может серьезно пострадать.

По толпе амазонок прокатился взволнованный ропот. Пусть каждая и прожила несколько тысяч лет, умирать не хотелось никому. И особенно в щупальцах гигантского ананаса-убийцы.

Смерть не только мучительная и ничуть не героическая, так еще и глупая.

— Так что у нас переговоры на равных, — крикнул Вим. — И не советую их затягивать. Долго я эту тварь не продержу, и тогда мы все тут погибнем.

— Вы украли у меня предмет.

— Почему же, — усмехнулся Вим. — Вы сами сказали, чтобы я попробовал, как работает этот артефакт. А я воспользовался вашим любезным предложением.

— Ясно, — голос Рашти слегка дрогнул. — Так чего вы хотите, Вильгельм?

— Ничего особенного. — Свободной рукой Вим вытер пот. Пока еще держится, но обратный отсчет уже пошел. — Выйти из вашего чудного Изумрудного города. Вы нас отпускаете, мы уходим, и все довольны. Никаких излишеств, вроде миллиона баксов мелкими купюрами и «Феррари» с полным бензобаком. Еще вы возвращаете Белке ее артефакт, а я взамен отдам ваш. Как вам такая сделка?

Рашти молчала, видимо обдумывала предложение. А затем вдруг рассмеялась, раскатисто и звонко.

— А я считала вас умным человеком, Вильгельм. Из этого города невозможно выйти, я же говорила. Ворота открываются только снаружи.

— И что с того? Выйти можно и другим путем.

— Нет других путей, Вильгельм. Ваша выходка бессмысленна — отсюда невозможно выбраться. Заканчивайте свое нелепое представление. Обещаю, вам сохранят жизнь.

— Что она говорит? — слышался голос Белки.

— Ничего важного, — отозвался Вим. — Так — вешает лапшу на уши.

— Лапшу? — переспросила Белка. — Белых червей? Но зачем...

— Не бери в голову, — сказал Вим. — Эта штука называется «переговоры». Сложный процесс — без белых червей никак не обойтись.

Растительный монстр стал заваливаться на правый бок. Лишь в самый последний момент Вим выровнял его.

— Тут есть одна неувязка, ваше величество, — крикнул он. — Птицы.

— Что? — Рашти немного растерялась.

— Птицы, — повторил Вим. — Их полно в ваших садах — наверняка видели. Чик-чирик, фить-фьюить и так далее. У меня вот от их песен в ушах звенит до сих пор.

— При чем здесь птицы? — не поняла царица. — Мы их держим для красоты и ради прекрасного пения.

— Замечательно. А откуда они у вас взялись? Ваш город вроде как давно отрезан от остального мира — с тех времен, когда не было никаких жирафов и китов, а на земле жили одни только трилобиты да ископаемые ящеры. Так вот, птиц тогда тоже никаких не было.

— Что?! — сомнительно, чтобы Рашти поняла хоть слово.

— Эволюция, ваше величество, процесс сложный и длительный. И птицы сами по себе у вас зародиться не могли. Значит, они сюда прилетели... А раз так, есть и другой выход. Не думаю, что ваши пичужки стали бы открывать ворота. Сложновато для них, пожалуй.

— Но... — Рашти замолчала.

— Бинго, — усмехнулся Вим. — Похоже, первый тайм мы выиграли.

— Это хорошо? — спросила Белка.

— Понятия не имею, но думаю, скоро мы это узнаем.

Монстр, похоже, устал размахивать щупальцами-лианами — сейчас они повисли вялой бахромой. И ничуть не меньше Вим устал на него таращиться. От долгого напряжения глаза слезились. Будто ему в лицо швырнули горсть песка. Нестерпимо хотелось протереть глаза рукой. Ничего больше, но именно эту малость он не мог себе позволить. Чтобы отвлечься от зуда в глазах, Вим больно прикусил собственную щеку.

— Что ж, — сказала Рашти. — Я недооценила вас, Вильгельм.

— Будем считать, что это комплимент, — усмехнулся Вим.

— Вы правы, ворота — не единственный путь в город и из города. Но это ничего не меняет. Другим вы все равно не сможете воспользоваться.

— Почему же это?

— Купол, охраняющий наш город, это не какая-то там стена. Это сложное устройство, искривляющее время и расстояния. Можно пройти через него, но для этого придется двигаться со скоростью солнечного луча, постоянно меняя направление движения.

— Давайте без этой релятивистской дребедени? «Е» равно «эм-цэ» и что-то там — я и так знаю. Только птицы не летают со скоростью света.

— Разумеется, — спокойно сказала Рашти. — Но природа купола такова, что под воздействием некоторых атмосферных явлений в нем появляются окна. Только они слишком малы и существуют слишком короткие промежутки времени, чтобы человек мог ими воспользоваться. И невозможно предугадать, куда и когда они ведут. Редко, но бывает, что через эти окна к нам заносит птиц или насекомых. Но вы не птица, Вильгельм, вам не пройти их путями.

— Что еще за атмосферные явления?

Впрочем, Вим и сам догадался. Ну конечно! Молнии... Любой странник знает, что во время грозы возрастает вероятность появления нестабильных линз. Хороша же задачка... Не будет же он так стоять, удерживая этот проклятый «ананас», до ближайшей грозы? А потом еще и бегать по всему этому городу, выискивая место, где же появилось окно.

— А может, поступить проще? Отключить этот ваш идиотский купол, и дело с концом? Честно — вам уже не от кого защищаться.

Рашти вскрикнула.

— Это... Это невозможно. — Виму показалось, что она задыхается. — Купол нельзя отключать. Иначе мы все здесь погибнем. Все мои дочери... Я скорее умру, чем позволю этому случиться.

— Прекрасно, — тихо сказал Вим. — А вот теперь переговоры зашли в тупик... Почему я должен вам верить, ваше величество?

— Верите вы мне или нет — не имеет значения, Вильгельм. Можете убить меня хоть сейчас, но купол я не открою, — решимость, прозвучавшая в голосе царицы, свидетельствовала о том, что она не шутит.

Глаза болели так, будто их омывали кислотой. Проклятье! Больше он не выдержит. Все. Его авантюра — глупая и бессмысленная по сути — с треском провалилась. Ну и о чем он думал? Что Рашти возьмет и отпустит их? Размечтался... Вот они — последствия «действий по обстоятельствам».

Хуже всего то, что Вим не понимал, что ему делать прямо сейчас. Проще всего отпустить монстра... Но пойти на это Вим не мог. Шантаж шантажом, но есть границы, которые нельзя переступать. Если он сейчас отпустит чудовище — это будет убийство. Жестокое и бессмысленное.

— Что она говорит? — вновь послышался голос Белки.

— Если в общих чертах... Она говорит, что мы проиграли. И что из этого города нам никогда не выйти. Даже через тысячу лет... Но я думаю эти дамочки разделяются с нами гораздо раньше.

— Что?!

Белка дернулась и случайно толкнула его локтем под ребра. Вим запнулся и, сам того не хотя, отвел взгляд от монстра.

Ничего не случилось.

Несколько жутких мгновений Виму казалось, что сейчас он услышит отвратительный влажный шлепок, а следом за ним — чудовищные крики, полные боли и страха. Но было тихо. Когда же Вим поднял глаза, монстр по-прежнему висел над головами амазонок. Хлесткие щупальца медленно шевелились.

— Но, — Вим посмотрел на фигурку Стрекозы в ладони, — разве не нужно...

Вим вдруг понял, что это не он удерживает монстра в воздухе. Ощущение того, что он контролирует этот процесс, ушло. Остались только усталость и ноющая боль в глазах.

Но если это не он заставляет «ананас» летать, тогда что, черт возьми, происходит?! Вращаясь по часовой стрелке, монстр стал подниматься.

— Замечательно, Вильгельм. Я рада, что вы приняли правильное решение...

Рашти, похоже, еще не поняла, что Вим уже не владеет ситуацией. Он уже хотел ей об этом сказать, но вместо этого лишь сглотнул... Если не он, тогда кто же?

Поднявшись на высоту около трех метров, монстр стал вращаться все быстрее и быстрее. И при этом он явно разбухал изнутри. Щупальца-лианы замелькали, точно лопасти пропеллера.

— Вильгельм... — в голосе царицы прозвучало беспокойство.

Раздался оглушительный хлопок. Чудовищный «ананас» лопнул, точно старый воздушный шарик. Во все стороны полетели трепещущие ошметки, каждый не больше ладони. На амазонок выплеснулся поток зеленой жидкости. И, несмотря на солидный возраст, воительницы хором заверещали — совсем как девчонки, которых окатили холодной водой из ведра.

Вим отступил на полшага. Вокруг, в красном песке, извивались останки чудовища, уже совершенно безопасные. До амазонок постепенно стало доходить, что они живы и никто не пострадал. Испуганные крики уступили место изумленным возгласам. Вим прочистил горло.

— Это не я, чес-слово, — на большее его просто не хватило.

Крики амазонок стихли разом, будто кто-то выключил звук. Вим кожей почувствовал, что все воительницы уставились на него. Еще немного — и под ногами задымится земля. Началось... Теперь осталось только узнать, что случится быстрее: его разорвут на части или же превратят в горстку пепла? Вим уже видел, как в толпе амазонок замелькали синие огоньки на кончиках их копий.

— Рашти! — прогремел голос над притихшей ареной. Спокойный и ровный.

Вим завертел головой, но не смог разглядеть говорившего. Впрочем, это было и не нужно.

— Это же... — начала Белка и замолчала. Стекланный нож задрожал в руке.

— Ага, — сказал Вим. — Наш прозрачный друг. Как всегда, в самый последний момент... Здравствуйте, Илаим!

Прозрачный не ответил. Толпа амазонок зашевелилась. Они явно растерялись и не понимали, что происходит. И в то же мгновение послышался голос царицы:

— Илаим?! Ты...

— Я вернулся за тобой, Рашти, — сказал Прозрачный.

— За мной? — В голосе царицы Вим не услышал радости. — Но... Прошло столько времени.

— Время не имеет значения, Рашти. И ты лучше меня знаешь об этом.

— Да... — одна из амазонок встала. Вим не видел ее лица, но сразу понял, что это Рашти. Царица подняла руки. Как птица, созывающая птенцов укрыться под крыльями. — Для тебя.

— Неужели ты думала, что сможешь спрятаться? Что если отгородиться стеной из времени и пространства, то я не смогу до тебя добраться?

— Спрятаться? — Рашти рассмеялась. — Нет... Я всего лишь защищала свой город.

— Ты предала Империю. Ты превратила нас в изгнанников. Ты уничтожила Ковчег, — голос Прозрачного был абсолютно спокоен.

— Но у меня не было выбора! Чтобы Империя смогла возродиться, она должна была погибнуть! Чтобы воскреснуть, сперва нужно умереть!

— Я уже слышал эти слова, — сказал Илаим. — Что ж, у тебя было достаточно времени, чтобы убедить себя в том, что ты была права.

— Они говорили, что спасают лучших. Лучших! Именно тех, кто и привел Империю к краху... Все бы повторилось, все бы...

— Поздно, Рашти. Нет смысла оправдываться. Пришло время расплаты.

— Похоже, у и тебя было достаточно времени, чтобы поверить в то, что ты прав... — в голосе царицы одновременно прозвучали и горечь, и какое-то нервное веселье. — И что же ты сделаешь? Убьешь меня? Разобьешь последний осколок своего дома?

— Да.

Рашти залиvistо засмеялась. Но Виму в ее смехе слышались истерические нотки.

— И ты убьешь моих детей?

— Прости, — безо всякого сожаления сказал Илаим. — Так надо.

— Я растила их как цветы, из моей плоти... Мои дочери. Они могли возродить Империю. Такой, какой она была в Золотой век, такой, какой она должна была остаться...

— Поздно.

— Ну так чего же ты ждешь? — выкрикнула Рашти. — Давай, отключай купол. Ты ведь это решил сделать? Пожертвовать собой, но уничтожить меня?

— Нет, — спокойно сказал Прозрачный. — Я нашел другой путь. Империя должна умереть, как ей полагается.

Вим плохо понимал, что происходит и о чем говорят Прозрачный и царица амазонок. Словно он опоздал в театр и пришел только к концу последнего акта. К самой развязке долгой и кровавой драмы. И без толку пытаться понять, что же случилось в ее начале и почему один актер вонзил в живот другого настоящий кинжал.

— Они идут! — Белка дернула Вима за руку.

— Что? — Он повернулся к девочке.

— Слышишь? — Белка подняла нож, указывая вверх.

Вим прислушался: издали доносились крики. Но они приближались, и очень быстро. Визг, хрипы, громкие удары сливались в звенящий гул. Так гудит растревоженный осиный рой.

— Так-так, — проговорил Вим. — А вот и кавалерия...

Звуки становились все громче. Они словно сжимались кольцом вокруг амфитеатра. Ближе, ближе... Словно рокот волны, приближающейся к берегу. И была волна-цунами.

Эти крики и визги Вим бы узнал и через тысячу лет, в любом состоянии. Бандерлоги!

ГЛАВА 21

НАУЧИТЬСЯ ЛЕТАТЬ

Красные карлики появились сверху. Огромная верещащая толпа перевалилась через край воронки и хлынула на оторопевших женщин. Сначала никто не понял, что происходит. Прозвучало несколько удивленных возгласов, но миг спустя первые карлики добрались до женщин. И тут же послышался такой жуткий вопль, что Белка едва не выронила нож.

Белка не могла пошевелиться и полными ужаса глазами смотрела, как волна отвратительных уродцев захлестывает женщин, как они исчезают среди них, точно камни, брошенные в воду.

Женщина-вождь что-то закричала. Несколько охотниц с копьями бросились навстречу карликам. Засверкали голубые вспышки. Обгорелое тело одного из карликов скатилось вниз и упало на песчаную поляну совсем рядом с Белкой. Взвизгнув, девочка отскочила в сторону. И тут же рядом с карликом упала женщина: глаза ее закатились, разодранное горло выглядело так, будто из него зубами вырвали кусок.

— Быстрее! — Вим схватил Белку за руку. — Бежим!

— Куда?..

Но Вим уже тащил ее в сторону прохода, из которого она вышла на песчаную поляну.

Вспышки над головой засверкали ярче. Крики карликов срывались на пронзительный визг. Но уродцев было слишком много, чтобы женщины могли их остановить. Белка увидела, как один

из карликов взобрался на вершину горы сородичей, размахивая оторванной рукой. Девочку едва не стошнило. Она сложила пополам, сплевывая желчь.

— Не оборачивайся! — проорал Вим ей в ухо. — Беги же!

Он так сильно дернул ее за руку, что Белка упала на колени. Сыпля проклятиями, Вим помог ей подняться.

— Нам нельзя туда, — задыхаясь, крикнула Белка. — Там тупик.

— Здесь оставаться тоже нельзя! — Вим снова потащил ее к проходу.

Кто-то прыгнул сверху, приземлившись на корточки прямо перед ними. Белка взмахнула ножом, почти уверенная, что это красный карлик, но вовремя остановилась. Это оказалась одна из женщин — ее красивое лицо перекосило от ужаса, кровь струйкой текла из разбитой губы. Блестящую желтую одежду покрывали черные пятна.

Шатаясь, женщина поднялась, и только тогда Белка увидела в ее руках копьё со светящимся наконечником. И этот наконечник был направлен на них с Вимом.

Не останавливаясь, Вим что-то крикнул, указывая женщине за спину. Она обернулась, в то же мгновение Вим толчком сбил ее с ног. Схватившись за древко копья, он вырвал оружие.

— Простите, девушка, честное слово, не хотел. Это невежливо, но... Проклятье! Хотите жить — бегите за нами, иначе...

Он не стал договаривать и помчался дальше, таща Белку за собой.

— Быстрее же!

Они вбежали в проход, но не успел Вим сделать и пары шагов, как поскользнулся и упал на колени. Белка тоже упала, ударившись локтем о стену. Она едва не выронила нож, но быстро перехватила оружие в другую руку.

Обернувшись, девочка увидела темную фигуру, появившуюся на выходе из прохода. Это была охотница, у которой Вим забрал копьё. Видимо, она решила все-таки воспользоваться его предложением.

Как развивается схватка между женщинами и карликами, сказать было невозможно. Белка слышала только жуткие крики, и, судя по ним, шансов у женщин не много. У большинства из них не было даже оружия.

У Белки перед глазами стоял карлик, размахивающий оторванной рукой. Неужели этих уродцев привел сюда Илаим? Прав был старый Оолф, когда сказал, что внутри прозрачный человек чернее сажи.

Вим вскочил на ноги и стал торопливо спускаться по коридору, не отпуская руки девочки. Они спотыкались, ноги скользили на гладком полу. По узкому проходу они скорее съехали, как по заснеженному склону, хватаясь за стены.

В крошечной комнате, где держали Белку, ничего не изменилось. Все те же цветы, маленькие бабочки да давленные фрукты на полу. Зеленая стена все так же закрывала выход.

— Видишь? — выкрикнула Белка. — Я же говорила — здесь тупик!

В комнатку, шатаясь, ввалилась перепуганная охотница. Тут же поскользнулась на коже и растянулась в луже. С ее появлением в помещении стало совсем тесно. Когда придет время схватки, будет сложно размахивать ножом. А придет оно скоро...

Белка прищурилась. По узкому коридору карликам придется идти друг за другом. Тут-то на выходе она их и встретит. Может, успеет прикончить парочку уродцев, прежде чем ее размажут по стенам.

Девочка боялась, что ее ждет смерть вовсе не от когтей и клыков, а на самом деле ее попросту раздавят. Скольких бы карликов она ни прикончила, все бессмысленно. Напирающие сзади уродцы будут толкать и мертвецов, пока комнатка не наполнится до предела. Их не остановить, как не остановить разлившуюся реку.

— Проклятье, и как работает эта штука? — Вим ткнул копьем в зеленую стену. Но на той не осталось даже царапины. Свет наконечника постепенно ослабевал.

Женщина приподнялась на руках и что-то крикнула.

— Правда?

Отступив на полшага, Вим направил копьё вниз, сжимая древко двумя руками. Яркая голубая молния сорвалась с накопника и ударила в основание стены. Раздался звон, и твердый лед разлетелся колючими осколками. Один из них царапнул Белку по ноге, но боли она не почувствовала. В стене же образовалась дыра размером с голову, из которой хлынула зеленая вода. С жутким шипением стена поползла вверх.

— Ну? Чего вы ждете?

Стена не поднялась и на высоту колена, а Вим уже пролез под ней и выпрямился на той стороне. Белку не нужно было уговаривать — перекувыркнувшись через плечо, она проскочила под стеной. Мгновение спустя на четвереньках выползла охотница.

На нее было страшно смотреть: лицо растерянное и помятое, непонимающий взгляд. Мокрые волосы висели тяжелыми прядями, приликая ко лбу и щекам. Белка подозревала, что она сама выглядит не лучше.

Они оказались в узком коридоре. Белка увидела еще несколько поднимающихся стен, но все они были заполнены зеленой водой.

— Куда теперь? — спросила девочка.

— Понятия не имею, — сказал Вим. — Думаю, мы должны вернуться в сад — там ворота, и полагаю, сейчас они открыты.

Девочка замотала головой.

— Через ворота пришли красные люди. А если они до сих пор там? Несут добычу своей Хозяйке?

— Черт... Тут ты права.

— И мы не можем уйти сейчас. Я должна вернуть фигурку Хранителя Рода.

— Тоже верно, — кивнул Вим. — Значит, идем за Медведем. К счастью, я видел, где он находится, осталось понять, как туда добраться.

Присев на корточки перед женщиной, он о чем-то ее спросил. Та ответила довольно резко, после чего между ними завязалась перепалка.

Из их разговора Белка не понимала ни слова и могла лишь скрипеть зубами. Белка не спускала глаз с прохода, сжимая рукоять ножа так, что заныли пальцы. Крики звучали приглушенно, но красные карлики могли появиться в любой момент. Зачем Вим вообще тратит время на эту девицу?

Наконец Вим поднялся и протянул женщине руку. Но та лишь тряхнула головой, отбрасывая с лица мокрые волосы, и встала без посторонней помощи. Вим повернулся к Белке.

— Адме говорит, что знает дорогу и покажет ее.

— Адме? — Белка смерила женщину взглядом. — И ты ей веришь?

— Ей нет резона нас обманывать. Я убедительно доказал, что, держась за нас, она увеличивает свои же шансы выжить. Адме — разумная женщина, и в конце концов она согласилась с моими доводами.

— Ты пообещал вытащить ее отсюда?

— Можно сказать и так.

— Она же одна из этих! Они хотели меня убить!

— Я знаю. Но мы же не можем ее бросить? Знаешь, есть такая поговорка — «врагу не пожелаешь»? Вот это как раз тот случай.

Женщина что-то сказала, глядя девочке в глаза.

— Она говорит, ты хорошо сражалась.

Белка только фыркнула.

— Туда? — спросила она Вима, указывая направление ножом.

Вим посмотрел на Адме, вопросительно подняв бровь. Не сказав ни слова, женщина зашагала в противоположную сторону. Переглянувшись, Вим и Белка пошли следом.

Они прошли совсем немного, когда Адме вдруг остановилась, широко расставив руки, будто перегораживая путь.

— Что еще случилось? — спросил Вим.

Женщина что-то сказала, яростно жестикулируя. Белка подошла ближе, но увидела лишь широкую и глубокую нишу в стене. Вим потянул себя за бороду.

— Она говорит, что кто-то выпустил Зверя.

— Какого еще зверя?

— Понятия не имею, просто Зверя.

Вим что-то сказал, обращаясь к Адме. Женщина быстро ответила, указывая в глубь коридора. Зверь...

Белка выдохнула. Конечно же! Огромная древняя тварь, чьи мысли ей удалось поймать. Голодная, злая и невероятно сильная.

— Она думает, что Зверя выпустили, чтобы тот разделался с бандерлогами.

— С карликами? — Белка покачала головой. — Смотри...

Девочка ножом указала вперед. Там на гладком полу из черного льда лежала одна из женщин, вернее же — только половина ее тела. Верхняя часть была попросту оторвана или откушена.

Адме громко закричала, но Вим быстро зажал ей рот ладонью. Девушка задержалась, но Вим крепко ее держал, пока она успокоилась.

— Твою... — Вим сглотнул. — Какая милая зверушка. И эта тварь бродит здесь поблизости?

Адме быстро кивнула.

— Ладно, — сказал Вим. — Никто не говорил, что будет легко. Идем быстрее, и будем надеяться, что мы его не встретим...

Они осторожно обошли мертвую женщину, стараясь не ступать в огромную лужу крови. Адме повела их дальше, но теперь она то и дело останавливалась, прислушиваясь к звукам впереди. Через некоторое время они наткнулись на еще одну мертвую женщину. Тело ее будто сломали пополам и впечатали в стену; белые осколки ребер торчали наружу. На этот раз Адме сдержалась и не закричала — лишь сдавленно всхлипнула. Повернувшись к Виму, женщина что-то сказала.

— Говорит, что отсюда рукой подать до башни царицы. Можно выйти наружу — либо еще одним коридором до лифта, но это дольше.

— Снаружи красные люди, — сказала Белка. — Там мы можем не пройти совсем.

— Тоже верно, — кивнул Вим. — Лучше лишний раз не рисковать. Тише едешь...

Выслушав его, Адме указала рукой в глубь коридора.

— Главное, чтобы наши мохнатые друзья-людоеды не добрались до башни раньше нас. Не хотелось бы их встретить на выходе из лифта.

Коридор несколько раз повернул, и в итоге они вышли к очередной запирающей стене. Вим поднял копье, намереваясь открыть ее проверенным способом, но Адме ему что-то сказала. Подойдя к стене, женщина надавила на неприметную плиту. Зеленая жидкость забурилась, стена дернулась и поползла вверх.

Первое, что увидела Белка, было изодранное в лохмотья чье-то тело. За спиной завопила Адме, но крик потонул в глухом и раскатистом реве.

Белка подняла взгляд и увидела Зверя.

Он и в самом деле был больше любого мамонта... Белка уставилась на толстые мускулистые лапы, на когти длиной с руку и хвост размером с дерево. Зверь передвигался на задних лапах, передние же были маленькими с длинными черными когтями. На его боку чернела широкая рана с обожженными краями. Белка едва не свернула шею, прежде чем увидела тяжелую массивную голову, будто бы вырубленную из серо-зеленого камня, с костяными гребнями над глазами. На носу у Зверя красовался короткий изогнутый рог, а в огромной пасти мог бы целиком уместиться олень. Белка задрожала, увидев меж кривых клыков кусок окровавленного мяса.

— Вот дрянь... — послышался голос Вима.

— Что это? — прошептала Белка.

— Динозавр! — Вим попятился. — Тираннозавр или аллозавр. Какая-то хищная доисторическая тварюга¹.

— Это же ящерица!

— Ну, в какой-то мере... Так, теперь осторожно, не делая резких движений, отступаем... Главное — не привлекать его внимания.

¹ Вим ошибся. С учетом носового рога и гребней над глазами это, скорее всего, был цератозавр. Что подтверждается и поведением — в отличие от аллозавров, цератозавры охотились в основном на некрупную добычу.

Вим шагнул назад, толкая спиной Адме. Но Белка осталась стоять.

— Ну же! Что ты встала столбом! Уходим.

— Мы не убежим, — тихо сказала Белка. — У него ноги длиннее, он догонит нас за один шаг.

— Нам нужно только добраться до такого места, куда эта туша не пролезет. Давай же, нельзя медлить!

— Нет, — сказала Белка. — Если мы побежим, он сразу погонится за нами. Мы не успеем.

— Проклятье... Может, поджарить его?

Вим поднял копье. Наконечник стал разгораться голубым светом.

— Стой! — чуть ли не выкрикнула Белка. — Этим ты его не убьешь. Видишь след у него на боку? Другие уже пытались.

— Вижу, — сказал Вим, опуская копье. — И что ты предлагаешь? Стоять и ждать, пока он нас слопают? Или перелететь через него?

— Перелететь... — повторила Белка.

— Я могу попробовать перенести вас с Адме, — нахмурился Вим. — Но это слишком рискованно. Если я отведу взгляд, вы свалитесь прямиком ему в пасть. И еще вопрос: как мне проскочить самому?

— Оолф сказал, что я должна научиться летать. Я кайя, и значит, Хранитель Рода живет во мне... А фигурка — это только удобное копье.

Вим, похоже, ее не услышал.

— Хотя... Если попробовать левитировать копье и перелететь на нем, как ведьма на помеле? Чертовски неудобно, но может получиться.

Белка закрыла глаза. Хороший охотник определяется не тем, какое у него копье. Он и без копья возьмет добычу.

— Уходи, — зашептала Белка. — Мы не враги тебе и не добыча...

Она пыталась сосредоточиться. Представить те чувства, которые испытывала, когда сжимала в кулаке фигурку Медведя.

Пыталась вообразить мысли, ворочающиеся в голове этого Зверя, — медленные, неповоротливые, тяжелые, как огромные камни. Вот он смотрит на них — три маленькие, ничтожные фигурки внизу. Но эти фигурки мучили его, мучили так долго, что он даже не помнит, было ли когда-нибудь иначе. Но сейчас он свободен, его ярость хлещет через край, и он готов... Белка вдруг поняла, что она и в самом деле видит образы из головы ящера.

— Нет, — зашептала Белка. — Мы не те, кто тебя мучил. Мы другие... Мы не желаем тебе зла. Уходи... Они наверху.

Белка представила мохнатого красного карлика, с оскаленной пастью. Вот он взбирается на гору сородичей, размахивая оторванной рукой... А затем она показала этот образ Зверю, заставила ящера его увидеть.

— Они твои враги... Слышишь их крики? Они идут сюда, чтобы снова тебя мучить. Но ты же свободен, сам выйди им навстречу...

Ящер опустил голову, наклоняясь девочке совсем близко, почти касаясь мордой ее лица. Горячее дыхание взъерошило волосы. Из пасти чудовища несло гнилью. Запах был такой силы, что Белка едва не задохнулась.

— Иди, — прошептала Белка. — Хорошей тебе охоты. Там наверху тебя ждет много добычи.

Девочка открыла глаза. Морда чудовища застыла прямо перед ней. Зверю достаточно только открыть пасть, чтобы проглотить ее целиком. Белка увидела свое отражение в узких вертикальных зрачках: совсем крошечный человечек. Протянув руку, она погладила ящера по рогу на носу.

— Хорошей тебе охоты.

Ящер отстранился. Вытянув шею, он заревел так громко, как не могло бы реветь и целое стадо бизонов. А затем он развернулся и зашагал прочь, на поиски добычи. Каждый тяжелый шаг звучал гулким эхом.

Они молча смотрели ему вслед.

— Ну ты даешь! — наконец сказал Вим. — Ты же приручила его безо всякого предмета!

— Я... — начала Белка, но ноги ее подкосились, и она опустилась на колени. Она могла лишь улыбаться, глядя на ошарашенные лица Вима и Адме. Девочка чувствовала, что по щекам ее катятся слезы. Глупо, кайя же не плачут...

— Держись, старушка. — Вим подхватил девочку под руки. — Хватайся за шею, нам осталось совсем немного. Лифт за той стеной.

Он что-то сказал Адме. Женщина кивнула и помогла Белке забраться Виму на спину. И вовремя — из коридора донесся визг бандерлогов. Карлики, похоже, взяли их след.

Адме бросилась бежать; тяжело пыхтя, Вим устремился следом. Удивительно, но при этом он еще и умудрялся говорить.

— Это потрясающе, старушка! Безо всякого предмета усмирить голодного тираннозавра. Ну или кто там у нас с одним рогом? Может, нам не нужно тогда возвращаться за артефактом? Раз ты уже научилась справляться без него?

— Хранитель Рода должен...

— Знаю, знаю — вернуться к своим детям. Черт... Не ешь же ничего, когда ты успела так поправиться?

Белка закрыла глаза. Хранитель Рода должен вернуться к своим детям... Но, может, Вим прав? Не нужна никакая фигурка? И на самом деле это она сама должна вернуться в свое племя? Найти свой род? Девочке показалось, что где-то далеко заклекотал сокол. Но тут же голос птицы заглушил возглас Вима:

— И это лифт?

Они стояли перед толстой колонной из твердого льда, внутри которой бурлила зеленая вода. Адме что-то сказала и надавила на стену.

— Надеюсь, его не придется ждать долго, — сказал Вим, оглядываясь. — А то я слышу поступь наших друзей-людоедов...

Сверху с шипением опустилась толстая плита; стенки колонны разошлись, открывая путь в крошечную комнатку. Они вбежали в нее, Адме хлопнула по стене, и дверцы закрылись. За мгновение до того, как из-за поворота выскочили три красных

карлика. Они бежали на четвереньках, с оскаленных клыков капала кровавая слюна.

— Пока-пока! — выкрикнул Вим. — Надеюсь, больше не увидимся!

Карлики прыгнули на колонну и отлетели назад. Послышалось шипение, под прозрачным полом забурлила вода, и маленькая комната поползла вверх.

— Уф... — выдохнул Вим, опуская Белку. — Кажется, пронесло. Понять бы еще, как теперь из этой башни выбираться.

Наконец маленькая комната остановилась. Двери с шипением открылись. Адме первая вышла на широкую площадку с наружной стены башни.

— Ну вот и добрались, — сказал Вим. Поддерживая девочку под руку, он помог ей выйти из комнаты.

Адме что-то сказала, указывая на раскинувшийся внизу город.

— Ничего себе... — проговорил Вим. — Откуда их столько взялось?

Карлики были повсюду, словно на город внизу набросили копошащуюся красную шкуру. Кое-где мелькали голубые вспышки, но их было слишком мало и становилось все меньше и меньше. Белка прищурилась, но не смогла разглядеть Зверя. Видимо, он охотился где-то с другой стороны.

Повернувшись, она увидела, что Адме вся дрожит. Она что-то прошептала, но Вим лишь покачал головой.

— Прости, мне очень жаль, — он сказал что-то на ее языке.

Женщина схватила его за одежду и закричала что-то в лицо. В глазах ее сверкали молнии. Белка вскинула нож.

— Спокойно, старушка. Все в порядке...

Вим отвел ее руку и быстро заговорил на языке Адме. Женщина выслушала его, не перебивая, и в конце концов отпустила. Когда же она повернулась к Белке, в глазах ее было столько боли, что девочка едва не отбросила нож в сторону. Ей стало очень жалко эту женщину. Адме ведь тоже потеряла свое племя — и что хуже, оно погибало прямо сейчас, у нее на глазах.

— Пойдем, — сказал Вим. — Может, в коллекции царицы найдется артефакт, который поможет остановить это безумие. Если Рашти уже мертва, наверное, мы сможем воспользоваться ее предметами?

Он заговорил с Адме. Женщина кивнула и направилась к короткому коридору.

— Забавно, — сказал Вим, шагнув следом. — Ее величество забыли закрыть дверь. Как на нее не похоже.

Адме остановилась на пороге комнаты и громко вскрикнула.

— Так... — протянул Вим, поднимая копье. По наконецнику проскочила тонкая молния. Белка сжала рукоять ножа.

К счастью, на Адме никто не набросился. Вим и Белка подошли ближе.

— Значит, не получилось, — тихо проговорил Вим.

В комнате был полный разгром, будто внутри нее пронесся смерч. Похоже, красные карлики уже успели здесь побывать и разрушили все, до чего смогли дотянуться. Повсюду валялись птичьи перья, Белка увидела оторванное крыло, втопанное в песок. Каждое дерево было ободрано до последнего листочка, обломаны все ветки. А в одной из стен зияла огромная дыра; врывавшийся ветер кружил по полу листья и лепестки цветов.

Девочка подняла взгляд. Одинокая ярко-красная птица билась под потолком, будто пытаясь пробить его головой. Белка не понимала, почему же та не улетает.

— Черт! — Вим рванулся к дыре в стене. Схватившись за край, он высунулся из башни, посмотрел вверх, затем вниз. — Проклятье... Они же лежали здесь, внутри стены! Я собственными глазами видел...

Он попятился от дыры, но споткнулся о сломанный ствол дерева и сел на пол.

— Что-то случилось? — спросила Белка. Она все еще смотрела на птицу. Неужели та не видит, как ей вырваться на свободу? — *Лети вниз, есть дыра в стене, и через нее ты сможешь улететь...*

— Прости, старушка, похоже, у нас не получилось вернуть твой артефакт. Кто-то побывал здесь до нас.

Птица метнулась к дыре. Белка успела заметить лишь ярко-красную точку, мелькнувшую на фоне голубого неба.

Адме что-то спросила. Вим задумался.

— Бандерлоги? Им-то зачем артефакты? У них мозгов нет... По крайней мере, в должном количестве.

Вим посмотрел на Белку и что-то сказал на языке Адме. Женщина замотала головой.

— Это сделал прозрачный человек, — сказала Белка.

— Илаим? — переспросил Вим. — Возможно... Не исключено, что эти предметы и были его истинной целью. Или один из этих предметов. Он с самого начала пудрил нам мозги. И боюсь, что не нам одним.

— Нам нужно уходить отсюда.

— Ясное дело, — кивнул Вим. — Вопрос — куда и как?

Он сел, обхватив голову руками.

— До ворот нам не добраться, это ясно. Сидеть здесь и переживать, пока все закончится? Не вариант — рано или поздно бандерлоги доберутся и сюда. Вот почему, когда так нужны мозги, они отказываются работать?

Адме подошла к дыре в стене и посмотрела вниз. Резко обернувшись, она что-то сказала.

— Значит, рано... — пробормотал Вим. — Но минут пять у нас еще есть.

Он вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате.

— Можно забаррикадировать проход, — сказал Вим. — Но не думаю, что их это остановит. А если и остановит... Как долго мы продержимся здесь без еды и воды? Была одна птица, так и та улетела в окно.

Он остановился.

— Птицы, окно... Есть! Что там тебе говорил твой Оолф?

— Что Хранитель Рода живет во мне...

— Нет! Другое!

— Что я должна научиться летать.

— В точку. «Learning to Fly»¹, — и он насвистел начало какой-то песни. — Именно так... Смотри. Птицы попали сюда через окна в куполе. И окна эти образуются от ударов молний. Я так думаю. Но мы же сами можем сделать молнию: у нас же есть это дурацкое электрическое копьё! Рашти сказала, что мне не пройти дорогами птиц. И вот тут она ошиблась.

Крайне довольный собой, Вим широко улыбнулся. Похоже, он придумал что-то и в самом деле стоящее, хотя Белка ничего и не поняла. Вим заговорил с Адме, женщина сказала что-то в ответ, и некоторое время они спорили. В итоге Адме только подняла руки.

— Ага. Осталось только добраться до купола, но и это дело решаемое. Летать так летать!

Вим прошелся по комнате и из дальнего угла выволок длинный ящик, заполненный землей. Когда-то в нем росло дерево, но сейчас остался только обломок ствола. Вим опрокинул его набок и быстро принялся выгребать землю.

— Помогите же!

Белка не понимала, зачем это нужно, но спорить не стала. Втроем они быстро очистили ящик от земли, и Вим перевернул его обратно.

— Отлично. Даже забавно, как эта штука похожа на саркофаг. Летающий гроб — это как раз то, что нам нужно.

Он рассмеялся и перевел шутку для Адме. Женщина озадаченно посмотрела на Белку, но та лишь пожала плечами.

— Так, — сказал Вим, — забирайтесь внутрь. План такой — я постараюсь заставить эту штуку лететь. Но смотреть по сторонам я не смогу, так что Адме будет меня направлять. А ты, старушка, держи копьё. Как только мы подлетим к куполу, нажмешь на вот этот выступ.

Адме попыталась что-то возразить, но Вим лишь отмахнулся.

— Безумные времена требуют безумных поступков. Все лучше, чем дожидаться рыжих варваров.

¹ Песня с альбома Pink Floyd «A Momentary Lapse of Reason» (1987)

Он первым забрался в ящик. Чуть помедлив, следом залезли Белка и Адме.

— В общем, барышни, я на вас рассчитываю... — Вим уставился себе под ноги, на дно ящика. В руке блеснула серебристая фигурка. — Поехали.

С мягким рывком ящик оторвался от земли и завис в воздухе. На секунду у Белки перехватило дыхание. Она что, и в самом деле летит? Девочка едва сдержалась, чтобы не выпрыгнуть из ящика. Двумя руками она сжала древко копья.

Адме что-то сказала. Ящик двинулся вперед, в сторону дыры в стене. Белка крепко зажмурилась, когда же она рискнула открыть глаза, они уже парили над городом.

— Только не смотри вниз... — прошептала она себе. — Не смотри.

И она держалась. Смотрела только вперед и не поворачивала головы. За спиной звучало несмолкаемое бормотание Вима, изредка прерываемое короткими возгласами Адме. Но Белка не слушала, о чем он говорит. Мать Аэйла! Она и в самом деле *летит!*

Слегка покачиваясь, ящик летел к краю города. Вскоре небо впереди странным образом замерцало — так мерцает лужа под яркими солнечными лучами. Будто кто-то растянул в воздухе очень тонкую, почти прозрачную и блестящую кожу. Как ни старалась, Белка не смогла разглядеть, что же находится за этой пеленой. Будто с той стороны все заволочло дымом или туманом.

— Приготовься! — крикнул Вим. — Адме говорит, что впереди купол.

Белка подняла копье, нащупала пальцем нужный выступ. Еще чуть-чуть и...

Молния из копья ударила по мерцающей стене. Короткие яркие вспышки засверкали в воздухе, расходясь в стороны, подобно светящимся трещинам. Копье дрожало в руках девочки, словно хотело вырваться на свободу. Голубой наконечник громко трещал, выплевывая молнии одну за другой.

Мерцающая стена выгнулась, будто внутри нее набухал огромный пузырь. Но еще быстрее летающий ящик двигался ему навстречу. Еще чуть-чуть — и они врежутся... Белка услышала, как заверещала Адме.

Копье сильно дернулось, и наконечник погас. Но в тот же момент сверкающий молниями пузырь лопнул, как старый нарыв. В воздухе появилось светящееся пятно. Окно!

— Получилось! — радостно выкрикнула Белка и тут же прикусила язык. Края окна быстро стягивались, оно уменьшалось прямо на глазах. Белка изо всех сил надавила на выступ на древке, но наконечник копья не засветился. — Оно закрывается! Мы...

— Успеем! — выкрикнул Вим. — Держись крепче, старушка. И посмотрим, что бывает, когда выходишь в окна.

Летающий ящик рванулся вперед и исчез в мерцающем свете.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ДМИТРИЙ КОЛОДАН

Родился 20 ноября 1979 года в Ленинграде. Закончил биологический факультет РГПУ им. А.И. Герцена. За время обучения успел сменить огромное количество странных специальностей — от лаборанта на складе химических реактивов до ночного

сторожа в магазине игрушек. Писал книги-прохождения к компьютерным играм. Сейчас работает дизайнером в нескольких рекламных изданиях. Женат, отец двух дочерей.

Литературный дебют состоялся в 2005 году: в журнале «Если» был опубликован рассказ «Покупатель Камней», выдержавший позднее ряд переизданий. Вышедшая три года спустя дебютная книга Дмитрия «Другая сторона» была признана лучшим отечественным фантастическим романом года. С тех пор успел стать лауреатом и номинантом множества литературных премий, таких как «Роскон», «Большая книга», «Звездный мост», «Национальный бестселлер», EuroCon (ESFS Awards) и многих других.

С 2007 года — действительный член семинара Бориса Стругацкого.

10 ВОПРОСОВ ШИМУНА ВРОЧЕКА АВТОРУ «ПАНГЕИ 2»

1. Начнем издалека. Кто такая Хель? Это, пожалуй, самый интригующий персонаж во всем сериале «Этногенез», по загадочности не уступающий легендарному профессору Бунину. Хель — это Мария фон Белов, как думают некоторые читатели?

Хорошо начал — прямо с одной из главных загадок серии. И полагаю, ответ «очень страшная женщина» тебя не устроит? И даже если я скажу, что повелительница мира мертвых в скандинавской мифологии, — ты тоже скажешь, что я увиливаю от ответа?

На самом деле, нельзя сказать наверняка, кто такая Хель, поскольку она сама этого не знает. Так что она может вполне оказаться Марией фон Белов, а может и не оказаться, а может оказаться не только ей. И разгадка этой тайны находится где-то на базе «Пангея-8».

2. И все-таки немного прямых ответов: чей космический корабль обнаружили Вим с Белкой на заброшенной базе «Пангея-8»? Это корабль Прозрачных?

Нет и да. Это корабль исчезнувшей древней цивилизации. Прозрачные имели к ней отношение, но и люди тоже. А может и кто-то еще... Хотя какими были эти отношения и почему эта цивилизация погибла — это уже другая история.

3. Хроноклазм. Что это такое? Как он влияет на события, происходящие в мире «Этногенеза»?

Хроноклазм — это явление, определяющее то, что никакими действиями изменить ход истории невозможно. То есть, если некоторый факт существует во времени, то, как бы его ни старались изменить, результатом всех этих изменений оказывается этот факт.

Собственно, таким вот образом он и влияет на события в мире «Этногенеза». Все перемещения предметов во времени есть не что иное, как классический хроноклазм.

4. Почему была покинута база «Пангея-8»? Только из-за белого чудовища?

Я бы предположил, что здесь обратная связь и белое чудовище появилось в связи с тем, что была покинута база «Пангея-8». А вот почему она была покинута... И еще хороший вопрос: зачем там оставили Стража? Скажем так, из-за некоторых событий, связанных с Хель... и Белкой.

5. Во второй части «Пангеи» загадок прибавилось на порядок. Но кое-что стало явным: Прозрачный, что являлся Белке мельком, вдруг раскрылся и вышел на первый план. Кто такой Илаим и в каких отношениях он состоит с другими арками? Он желает уничтожить человечество или наоборот?

Илаим ведет очень сложную, долгую, многоходовую игру, а понять цели Прозрачного... Как там выглядит скомканный двенадцатимерный лист бумаги? Хорошим Илаима точно не назовешь, но и плохим — тоже. Он просто совсем другой. К тому же он никогда не говорит правду. По крайней мере — всю правду. И очень может быть, что за его спиной стоят и другие арки.

6. Рашти, повелительница амазонок, и загадочный стеклянный город, куда попадают Белка и Вим. Рашти утверждает,

что уцелела во время катастрофы, уничтожившей ее родину. Что это за страна? И будет ли наконец сказано это слово: Атлантида?

Легко — Атлантида.

7. Будет ли рассказано дальше об Атлантиде?

А это я тебя должен спросить. В империях ты разбираешься лучше меня.

В если серьезно: в «Пангее» вряд ли, все-таки это несколько другая история. Только в той мере, насколько это будет касаться игры Илаима. Но вот в других сериях «Этногенеза» будет и про Атлантиду, и про загадочный стеклянный город, и про язык из рукописи Войнич, и про саму рукопись. Складываем пазл.

8. В финале романа Вим с Белкой с помощью предмета вылетели из-под защитного купола стеклянного города. Где они оказались в итоге? Ведь этот город может находиться в другом времени, я правильно понимаю?

Почти. Город находится во временном куполе, так что там свое внутреннее время.

А выбравшись из города, герои оказались снаружи — но вот где именно, узнаешь в третьей книге. Как и про то, что бывает, если слишком долго прожить вне времени.

9. Спасет ли Белка своих родичей? Как вообще девочка из каменного века может противостоять вооруженным нацистам, к тому же снабженным технологиями будущего?

Ну да, шансов против подобной компании у нее никаких. Именно поэтому и спасет. Здесь вопрос скорее в том, как она это сделает, где и когда. И вот этого я тебе сейчас точно не расскажу.

10. Твой Вим совершенно верно говорит: «За каждой сказкой что-то стоит. Всегда». Причем часто не только что-то, но и кто-то. В истории про девочку Белку у тебя множество своего рода «соавторов», и читатели в своих обсуждениях на сайте «Этногенеза» уже многих назвали — от Гомера до Янсон и создателей компьютерной игрушки Fallout. Так ли это, и если да, то как фамилия самого «вложившегося»?

Ну Fallouta там, конечно, нет, я даже как-то смутно представляю, что это такое. А если уж говорить о «самых вложившихся», то это будут в первую очередь Джозеф Кэмпбелл с «Героем с тысячей лицами». Собственно, это Кэмпбелл, исследуя мифы народов мира, пришел к выводу, что большинство сказаний имеют общую сюжетную структуру, которую он назвал мономифом. Частично это Кларисса Пинкола Эстес с книгой «Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях» и Джеймс Фрэзер с книгой «Золотая ветвь: Исследование магии и религии».

А цитируется много разного, сознательно и нет, — всего и не запомнить.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	
Снег и шестеренки.....	3
Глава 2	
В темноте	11
Глава 3	
Белая королева	22
Глава 4	
Собака на коротком поводке	33
Глава 5	
Подземная дорога	48
Глава 6	
Черная река	62
Глава 7	
Змеи и лестницы	74
Глава 8	
Холодные игры	83
Глава 9	
Звездный странник	94
Глава 10	
Земля мертвых	107
Глава 11	
Сад за дверью	122
Глава 12	
Королевский прием	134

Глава 13	
Кролик в силках	148
Глава 14	
Прозрачный нож	159
Глава 15	
Скомканный лист бумаги	173
Глава 16	
Песня для медведя	182
Глава 17	
Рыба в джунглях	195
Глава 18	
Зеленая кровь и красный песок	210
Глава 19	
Бег	218
Глава 20	
Сложные процессы	221
Глава 21	
Научиться летать	230

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пražская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл. 23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д. 9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Дмитрий Колодан

ПАНГЕЯ 2

Книга вторая

Подземелья карликов

Автор идеи Константин Рыков
Главный редактор Кирилл Бенедиктов
Редактор Вадим Нестеров
Корректоры: Майяна Аркадова, Наталья Витько
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-концепт Алексей Маслов
Арт-директор Алексей Гонтов
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,
Сергей Пименов
Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»
Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,
тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 02.08.11 г. Формат 164х215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,2 pt
Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел: (8422) 41-11-07
факс: (8422) 41-11-32